

КИА АБДУЛЛА

САМЫЙ ЖАРКИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

ОДНА РОКОВАЯ ОШИБКА
ДВЕ РАЗРУШЕННЫЕ СЕМЬИ

КИА АБДУЛЛА

САМЫЙ ЖАРКИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2023

Киа Абдулла

Самый жаркий день лета

Kia Abdullah
Next of Kin

Перевел с английского *Глеб Стукалин*
Дизайнер обложки *Юлия Протиснова*

Киа Абдулла оставляет за собой моральное право считаться автором данного произведения

© Kia Abdullah, 2021

© Originally published in the English language by Harper Collins Publishers Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2023

* * *

*Моей маленькой сестричке Форице
посвящается*

Часть первая

Глава 1

Как странно ревновать к собственной сестре. И вместе с тем совершенно естественно. Наверное, это неизбежно. Разве не такому учат женщин с молодых ногтей — как побеждать соперниц? Как наблюдать, подмечать мелочи, оценивать, критиковать. Волей-неволей начинаешь упрекать на младшей сестре.

Об этом размышляла Лейла Саид, глядя, как муж вьется вокруг ее сестры. Ясмин поднесла ему зажигалку, и он с видимым удовольствием затянулся. Они сидели в уголке сада, не смущаясь уединения и подстегивая в Лейле ревность. Правда, ей казалось, что это хорошее, здоровое чувство. Оно напоминало о том, чем ее очаровал Уилл: склонностью к легкому эпатажу, черным юмором и странной, притягивающей уверенностью в себе, которая лишь изредка перерастала в самолюбование.

Нельзя было обвинить супруга в том, что он поддался чарам ее сестры. Ясмин обезоруживала всех вокруг своими мягкими кошачьими повадками. Магнетизм таился в каждом ее движении, в волнах длинных черных волос, в больших выразительных глазах. Ее волнующие формы еще больше подчеркивала жесткость самой Лейлы: резко очерченный подбородок, тонкие, плотно сжатые губы. Было очевидно, кто из сестер служит центром притяжения, а кто блуждает по орбите.

Лейла поерзала на стуле, отлипая от зеленого пластика. Она вся вспотела от густой тропической жары, накрывшей город. Самый горячий июнь в истории. Зной и духота, такие нехарактерные для Лондона, придавали улицам буйный, пьянящий флер: многолюдные перекрестки и площади будто пропитались похотью и анархией.

Над садиком раздался залиvistый смех, и Лейла прикрыла глаза, купаясь в этом звуке. Как, оказывается, радостно снова слышать смех сестры. Хотелось запомнить каждую деталь этого вечера: жжение в глазах после долгого рабочего дня, чуть различимый аромат глицинии, шум вечеринки неподалеку (достаточно близкой, чтобы оживлять обстановку, но достаточно далекой, чтобы не раздражать слух). Почувствовав за спиной движение, Лейла обернулась. Ее зять Эндрю Андерсон тоже наблюдал за парочкой в углу, похожей на

прогуливающих уроки школьников. Он сел рядом с Лейлой, держа бутылку пива двумя пальцами. Некоторое время оба молчали.

— Ей это и правда помогает, — начал он. — Визиты к вам.

— Я рада, — ответила Лейла, грустно улыбнувшись.

— Я очень ценю твою помощь, ты знаешь. Ценю все, что ты делаешь для нее. Для нас.

Она слабо махнула рукой:

— Ничего особенного.

Эндрю повернул голову и посмотрел на нее в упор:

— Ты делаешь очень много.

— Она моя сестра, — ответила Лейла, слегка пожав плечами.

— Я знаю, но все же. — Эндрю слегка качнул бутылку в ее сторону.

Лейла в ответ звякнула своим бокалом с вином о холодное стекло пивной бутылки и отпила немного. Поглядела на газон, синеющий в сумерках. Увидела, как Уилл смахнул что-то с плеча Ясмин: комара, паука или другого неведомого хищника. Бретелька сползла с плеча Ясмин, и взгляд Уилла на секунду задержался на оголенной коже. Красные точки их сигарет загорались и гасли в унисон, пока одна из них не догорела до конца. Ясмин встала и направилась к сестре.

— Уилл — просто умора! — заявила она, будто ей не верилось в его чувство юмора.

— Ага. Поэтому я за него замуж и вышла, — ответила Лейла. В интонации ее голоса сквозил то ли сарказм, то ли горькая ирония.

На мгновение замерев, Ясмин потянулась к вину и щедрой рукой налила себе полный бокал. Одинокая капля растеклась красной кляксой по белой скатерти. Ясмин не предложила сестре наполнить ее бокал, но это мимолетное проявление эгоизма подействовало на Лейлу успокаивающе: значит, Ясмин чувствует себя здесь в безопасности, она расслабилась и сняла доспехи. Лейла не зря старалась.

Двадцать лет назад, когда их мать ушла из жизни всего через год после отца, семнадцатилетняя Лейла разбивалась в лепешку, чтобы защитить сестричку, которой только исполнилось десять. Бросив учебу в престижном университете Сент-Эндрюс в далекой Шотландии, она поступила в Лондонский политехнический. По вечерам работала в универмаге «Маркс энд Спенсер», а по выходным — официанткой в маленькой забегаловке, считая каждый пенни, чтобы хватило для

выживания. Она очень гордилась тем, что Ясмин выросла в счастливую девушку без всяких психологических проблем. Гордилась до тех пор, пока беда не постучалась в дом.

— Как у тебя тут уютно! — Ясмин сонно потянулась и махнула рукой в сторону оранжереи: — Ах, если бы только мы могли себе позволить такую же!

— Мы могли бы, если ты захочешь, — Эндрю недовольно насупился.

Ясмин урезонила супруга:

— Ты прекрасно знаешь, что нам это не по средствам.

Эндрю вспыхнул от возмущения, но промолчал. Встав со скамейки, он направился в глубину сада, к Уиллу. Двое мужчин не особо ладили, но предпринимали самоотверженные попытки сдружиться.

Лейла исподлобья взглянула на сестру:

— Ты ведь знаешь, что всегда можешь работать у меня. Я легко найду задания для персонального ассистента.

Ясмин устало закатила глаза:

— А я тебе сто раз говорила, что не собираюсь становиться твоей секретаршей.

— Ты слишком гордая.

— Это не гордость, это... — Ясмин пожала плечами. — Я не хочу быть тебе обязанной.

— Ты и не будешь ничем обязана. Это не благотворительность: ты будешь выполнять работу, которая хорошо оплачивается. У нас есть и обучающие курсы. При желании можно учиться и работать в том режиме, в каком тебе удобно.

— Но мне нравится моя работа, — возразила сестра.

— Я знаю, что она тебе нравится, но с восемнадцати лет ты словно застряла в секретарях и до сих пор не можешь вырваться. Тебе не хочется чего-то большего?

— Нет, — холодно ответила Ясмин. — Мне нравится мой начальник, нравятся коллеги, нравится, что я могу прийти домой пораньше и провести время с Максом. Мне не требуется высокий статус, как тебе.

Лейла обвела сад рукой с бокалом:

— Ты ведь только что сказала, что хотела бы позволить себе больше.

— Вот в этом твоя проблема, Лейла. Ты все понимаешь буквально. Мне вовсе не нужна твоя оранжерея и уж тем более не нужна твоя жизнь.

Поджав губы, Лейла замолчала. Из глубины сада раздавался смех Уилла и Эндрю, но это был напряженный смех двух случайных знакомых на деловой вечеринке.

Ясмин вздохнула.

— Прости, — сказала она с некоторым раздражением. Сестра не отреагировала, и тогда Ясмин слегка подтолкнула ее локтем. И в этот раз не дождавшись ответа, она обняла Лейлу и с замогильной серьезностью стала напевать «Отец и сын». Эта старая песенка Кэта Стивенса, в которой отец пытается учить жизни отпрыска, а взрослый сын доказывает его неправоту, была своего рода их семейным гимном.

Лейла недовольно повела плечами, но губы сами предательски расплылись в улыбке. Ясмин всегда запевала партию отца, когда сестра проявляла заносчивость.

— Хорошо, я поняла. — Лейла попыталась закрыть сестре рот ладонью, но та продолжила петь, дернув головой.

— Вот ты засранка! — рассмеялась Лейла. Она больше не могла устоять перед чарами младшей сестренки.

Ясмин резко остановилась.

— Я не засранка, — заявила она как ни в чем не бывало.

Лейла ласково улыбнулась и нежно отвела прядь волос со лба Ясмин.

— Ты волшебница, — тихо произнесла она.

Они так и застыли, обнявшись. Лейла сделала в уме пометку навести справки по поводу оранжереи. В прошлом году она одолжила Эндрю некоторую сумму денег, чтобы они с сестрой смогли поселиться рядом. Наверное, удастся подкинуть ему еще немного. Если бы у Ясмин было чуть больше пространства, она смогла бы снова заниматься теми вещами, которые ее так радовали, например делать грандиозные безумные коллажи из журнальных страниц «Вог» и «Вэнити фэйр». Она даже продала парочку своих произведений.

Затушив сигарету, Уилл задумчиво прошелся по садику. Эндрю, вернувшись к сестрам, красноречиво поглядел на часы.

— Мы, наверное, пойдем, — сказала Ясмин. — Мне завтра рано на работу, а Макс наверняка будет капризничать. Вчера он хныкал всю

ночь.

Вся четверка зашла в дом. Внутри воздух оставался таким же липким, как днем, хотя дверь в сад была раскрыта настежь. Лейла наблюдала за тем, как Ясмин и Эндрю поспешно собираются. Сестра осторожно подняла спящего Макса, а ее муж торопливо собирал в сумки огромное количество игрушек и книжек, необходимое для того, чтобы занять трехлетнего малыша. Сколько раз уже Ясмин картинно переживала по поводу того, что у сорванца нет двоюродной сестренки, и сколько раз Лейла с улыбкой отвечала «не сейчас» — будто у нее был выбор.

— Спасибо за чудесный вечер! — Накинув на плечо ремень тяжелой сумки, Ясмин привычно оглядела комнату через плечо старшей сестры. Кажется, ничего не забыли. Лейла поцеловала ее в щеку, и молодые родители с ребенком на руках отправились к себе, в дом за углом. Лейла заперла дверь. После ухода гостей всегда накатывает облегчение, даже если это самые дорогие сердцу гости на свете.

— Что-то я вымотался, — заявил Уилл, упав на диванчик. Несколько пылинок заплясали вокруг него. Уилл дотянулся до супруги и усадил себе на колени. — Ты как?

— Нормально, — кивнула она.

Уилл осторожно потерся носом о ее плечо.

— Разрешишь остаться?

Лейла напряглась. Последнее время их отношения зашли в тупик.

— Давай не сегодня.

— Уверена?

— Уверена.

— Хорошо, — ответил он с неохотой, — понял.

Поцеловав ее в ямочку над ключицей, он аккуратно снял жену с коленей. Лейла молча слушала его шаги в коридоре; вот дверь открылась, вот аккуратно захлопнулась. Быстро же распалась их тесная группка. Вот в чем настоящая ценность создания собственной семьи, подумала она, никогда не останешься в одиночестве. Лейла ощутила привычную боль в висках и опустила голову. Сколько еще ей придется врать?

Возможно, будь она с Ясмин чуть откровеннее, ей стало бы легче. Сестра знала о первом выкидыше, но Лейла не говорила ей о трех

последующих. Вроде и хотелось поделиться с самым близким человеком, но Ясмин с трудом справлялась с собственной болью, и Лейле не хотелось переключать на ее хрупкие плечи еще и этот груз. Когда они с Уиллом в феврале расстались, скрыть это было сложно, но Лейла приукрасила действительность для сестры. «Это временно, — объяснила она. — Мы дали друг другу шанс расставить приоритеты и отдохнуть друг от друга». Иногда Уилл оставался ночевать у нее или они вместе посещали вечеринки, и вся эта суета — шаг вперед и два назад — добавляла ощущения, что это лишь мелкий раслад в семье: девять лет брака не могут пройти безоблачно. На самом деле Лейла все хуже представляла себе, как преодолеть раскол, и время от времени мысль о том, что ей суждено состариться в одиночестве, окатывала ее волной паники.

Ясмин однажды поделилась с сестрой странным замечанием: не существует термина для родителей, потерявших ребенка, вроде «вдовца» или «сироты». Допустим, но они с Эндрю, по крайней мере, могут говорить о «тяжкой утрате». А каким словом прикрыться от боли родителю, у которого никогда и не было детей?

«Нельзя иметь все сразу», — в тысячный раз повторила Лейла сама себе. У нее прибыльный бизнес, блестящая, добытая тяжким трудом репутация, комфортный дом, сестра, за которую не жалко умереть, и муж, которого она по-прежнему любит. Этого вполне достаточно для счастья. Почти.

* * *

Утренний бриз раздувал занавеску, но нисколько не облегчал духоту. Лейла осторожно промокнула салфеткой верхнюю губу, стараясь не размазать помаду. Она десять минут назад приняла душ, но пот уже предательски скопился под косточками бюстгальтера, и Лейла чувствовала себя грязной. Прогнозы предвещали очередной температурный рекорд, и Лондон бился в агонии. Конечно, были лотки с мороженым в Гайд-парке и лодочные прогулки по пруду Серпентайн, но вот, к примеру, поездка на метро напоминала вахту у мартеновской печи. Лейла предпочитала ехать в офис на машине. Их дом в Майл-Энде отделяло три мили от стеклянного здания в деловом квартале Кэнэри-Уорф.

Подхватив туфли двумя пальцами, Лейла положила их в измятый от постоянного использования пластиковый пакет. Разгладив ладонями белую блузку и серую юбку-карандаш, Лейла спустилась в кухню — ее любимое место в четырехэтажном георгианском особняке, просторном кирпичном здании с открытыми балками перекрытий, построенном в 1730 году. Лейла поспешно исполняла утренний ритуал: стакан свежавыжатого апельсинового сока, беглый просмотр электронной почты. Мысленно она сделала пометку наконец начать пользоваться приложением для медитации и здорового сна.

Лейла управляла архитектурным бюро и гордилась своей дисциплинированностью, однако в иные дни время будто уходило в песок. Стоит моргнуть — и рабочий день прошел. Сегодня точно ожидался один из таких дней, и Лейла уже смирилась с этой мыслью. Ее партнер Роберт Гарднер собирался показать заказчикам презентацию крупнейшего проекта бюро. Грядущая сделка может вывести фирму в гранды строительного бизнеса. Лейла столько работала, и наконец ее ждет награда: финансовая обеспеченность и защита от нищей старости. Первые годы самостоятельной жизни оставили тяжелые воспоминания, которые иногда захлестывали ее: вот она, девятнадцатилетняя студентка, стоит в туалете старого корпуса института, запихивая под юбку жгуты, скрученные из салфеток, — нужно поделиться тампонами с Ясмин. Отстирывает добела лифчик, чтобы Ясмин не догадалась, что он куплен в секонд-хенде. Лейла поклялась себе, что никогда не верне гея в затягивающее болото бедности. Именно поэтому она работала днями и ночами как проклятая. Сделка с банком «Мерсерз» сулила отличный результат. Лейла даже смирила гордыню и доверила Роберту проводить все встречи, зная, что он — белый мужчина из сливок лондонского общества — по умолчанию имеет больше шансов. Ей оставалось только сидеть в офисе и ждать, принесут ли ее усилия плоды.

Осушив стакан, Лейла успела сполоснуть его и поставить на полку, когда завибрировал телефон, лежащий на кухонной стойке. С тревогой она увидела, что звонит Эндрю: супруг Ясмин почти никогда не звонил ей.

— Лейла, ты дома? — Голос у зятя был беспокойный.

— Да. Что случилось?

— Слушай, мне очень неудобно, но сейчас позвонили из офиса: у нас полетела вся сеть. Нужно срочно ехать в серверную. Ты не сможешь закинуть Макса в детский сад? Тебе почти по пути.

Лейла не успела взглянуть на часы, но по извечной привычке ответила:

— Конечно.

— Ты всегда можешь отказаться, — добавил Эндрю, но в его голосе явственно проступало напряжение. Его работодатели, компания по предоставлению хостинга, уже закончила предыдущий год с убытками. Одна масштабная авария могла поставить крест на бизнесе.

— Буду через пять минут, — поспешно ответила Лейла.

— Прости, — пробормотал Эндрю, — я знаю, что мы стали твоей постоянной головной болью с тех пор, как переехали сюда.

— Ничуть! — возразила Лейла, хотя оба знали, что он прав. Со дня переезда Ясмин с мужем без конца просили ее помочь, как будто отсутствие у Лейлы своего ребенка означало, что у нее всегда найдется время на чужих детей.

Она порадовалась, что Уилл прошлой ночью уехал к себе. Хотя муж относился к Максусу с нежностью, он непременно разразился бы пламенным монологом о том, как Ясмин ее эксплуатирует, словно можно отказаться помогать сестре из голых принципов. Лейла подхватила пакет с туфлями, ключи, телефон и сумочку, после чего пошла к машине. Так рано, а она уже обливается потом от жары. Забравшись в свой скромный «мини-купер», она положила сумочку и туфли на пассажирское сиденье. Ей нравилось проезжать по уютным улочкам у площади Тредегара, нравилось жить здесь. Старый район был населен разношерстным народом, который достиг успеха сам: владельцы мелкого бизнеса, пара футболистов, актриса из комедийного шоу, популярного в девяностые. Ни капли снобизма, присущего аристократическим кварталам.

Вот и дом Эндрю, аккуратное здание с псевдоготическим фасадом и входом посередине. Муж Ясмин уже нервно расхаживал взад и вперед по дорожке перед домом.

— Как дела? — спросила Лейла, выходя из машины. Она припарковалась рядом с его «тойотой».

— Нормально, — ответил Эндрю, поправляя ботинком грану на газоне. — Прости, что я тебя в это впутываю.

— Все в порядке. — холодно ответила Лейла, взглянув на Макса. Ребенок спал в детском кресле. волосы прилипли к потному лбу. Она подняла сиденье с ребенком. Черная ручка оказалась горячей. Эндрю тут же забрал у нее груз, который в его мускулистых руках выглядел легким как пушинка. Поставив кресло на заднее сиденье. Эндрю не без труда закрепил его в скрытых пазах. Наклонившись, поцеловал сына в макушку, потом погладил по щеке.

— Сегодня очень жарко.

— Знаю, — кивнула Лейла. — Все будет в порядке.

Эндрю отступил от машины, наморщив лоб.

— Я разберусь, Эндрю. Езжай на работу.

— Лейла... — нерешительно начал зять.

— Я знаю. Тебе жаль. — Она легонько сжала его предплечье. — А теперь отправляйся на работу.

— Спасибо тебе.

Коротко кивнув, Лейла села в машину и тронулась с места. Казалось, Эндрю не очень торопится, провожая ее взглядом. Теперь — на юг, к ее офису в Кэнэри-Уорф, в лофте на территории бывшего судостроительного завода. Лейла выкрутила кондиционер на полную. Телефон зазвонил, когда она ехала по Бёрдетт-роуд. Лейла нажала на кнопку громкой связи на приборной доске, стараясь не отрывать взгляда от дороги, хотя знала ее наизусть.

— Лейла? — На том конце воображаемого провода была Сьюки, ее личный ассистент в фирме «Саид и Гарднер». — У нас проблемы.

— Что стряслось?

— Роберт натворил дел. Ему уже пора выезжать на встречу с «Мерсерз», но он потерял эскизы.

— Что ты имеешь в виду? — сурово спросила Лейла. — Он их домой увез?

— Нет. Клянется, что оставлял их на своем столе, но там ничего нет.

— Значит, эскизы где-то в офисе.

— Мы уже везде посмотрели, — виновато ответила Сьюки.

Лейла взглянула на часы на приборной панели. Восемь минут девятого. Если Роберт не вылетит пробкой прямо сейчас, он опоздает на встречу.

— Слушай, у меня в кабинете есть пробные от тиски. Они не идеальны, но для этой встречи подойдут.

Голос Сьюки стал еще более тревожным.

— Но ваш кабинет закрыт, и никто не может найти запасной ключ.

— Инженеров здания спрашивали? спокойно поинтересовалась Лейла.

— Мы им позвонили, но они обещают прийти не раньше чем через полчаса. Мы не успеваем.

— Может, сбегашь через дорогу в копицентр.

— Он открывается в девять.

Лейла выругалась про себя и прикинула, сколько времени займут поиски.

— Хорошо, я буду через десять минут, и у Роберта останется полчаса, чтобы попасть на встречу. Проследи, чтобы его ждало такси и чтобы он собрал все необходимое.

— Хорошо, спасибо, — ответила девушка с облегчением. — Я ему скажу, что вы уже едете.

Лейла понеслась к бывшим верфям на пределе разрешенной скорости, задыхаясь от духоты. Через десять минут она заехала на частную парковку, надела туфли вместо тапок, схватила ключи и поспешила к офису.

Роберт вышел ей навстречу из своего кабинета:

— Лейла...

— Не сейчас, — она подняла ладонь. — Тебе пора на встречу.

Она отперла свою дверь и начала рыться в стопке распечаток и папок. Вот они, три чертежа. Лейла протянула Роберту бумаги и свой айпад.

— Помнится, они требовали бумажные копии, но ты по крайней мере сможешь показать им с экрана последнюю версию. Не забудь сообщить, что мы избавились от портика.

— Я готов поклясться, что они лежали у меня на столе...

— Отлично, — Лейла вытолкала его за дверь, — давай быстрее. Удачи там! — крикнула она вдогонку, пока Роберт ожидал лифта. Тот обернулся, на прощание одарив своего делового партнера фирменной улыбкой Гарднера: Фрэнк Синатра пополам с парламентским деятелем.

— Поторопись! — добавила Лейла, когда лифт пискнул и открыл двери. Вернувшись в свой кабинет, она рухнула на кожаный диван, ощущая дрожь от зашкаливающего адреналина. «Все будет в порядке», — твердила она про себя. Бесконечные авралы и жертвы, бессонные ночи и чудеса планирования — все это не пойдет прахом. Лейла положила ладонь на холодную кожаную обивку, будто в поисках опоры. Спасательный круг в бушующем море. В тишине громко тикали огромные настенные часы, их равномерный ход действовал успокаивающе. Через минуту Лейла встала, снова надевая маску спокойствия и беспристрастности.

В дверь постучали.

— Кофе? — Сьюки вошла с фарфоровой чашкой с эмблемой «Саид и Гарднер» на белом боку.

— Ты лучше всех! — Лейла с благодарностью приняла из рук девушки чашку с блюдцем, поставив напиток на стол, а потом, включив на полную мощность комнатный вентилятор, приступила к рабочим обязанностям.

Глава 2

Лейла разминала пальцами кожу между бровями. Головная боль никак не уходила. Она могла длиться часами, от нее слезились глаза и набухали веки. Лейла посмотрела на часы, точно зная, что времени пообедать у нее не будет. Часы показывали 11:25. Она собрала бумаги, разбросанные по длинному столу в переговорной, и на несколько секунд задержала взгляд на окне, через которое виднелось здание напротив — громоздкое скопление brutальных форм, которые Лейла втайне обожала. Время от времени она предавалась фантазиям, наткнувшись на какое-нибудь необычное здание, — бродила по коридорам, любовалась массивными цоколями, рассматривала высокие диоклетиановы окна^[1]. Год назад на нее наорал охранник консульства Зимбабве, куда она проникла, чтобы хорошенько разглядеть оконные рамы. Обычно серьезная и прямолинейная, Лейла поспешила сымитировать свою младшую сестру: растерянное личико, взлетающие ресницы, голос повыше, изображающий величайшее изумление. Женская магия подействовала моментально: охранник расплылся в благожелательной улыбке и мягко проводил незадачливую гостью к выходу с ведомственной территории. Лейла была поражена, насколько безотказно работает этот глупейший прием. Сейчас она улыбнулась случайному воспоминанию, складывая документы в аккуратную стопку.

Вернувшись в кабинет, Лейла обнаружила возле рабочей клавиатуры бутерброд, зерновой батончик и стакан со свежавыжатым соком.

— Я тебя не заслуживаю, Сьюки! — крикнула она через открытую дверь, и ассистентка улыбнулась ей из-за своего стола.

Лейла аккуратно развернула сэндвич и вонзила зубы в белоснежный хлеб, и тут телефон стал настойчиво вибрировать. Поспешно прожевав кусок, Лейла сняла трубку.

Это был Эндрю, который с тревогой сообщил:

— Лейла, мне звонили из детского сада. Его сегодня нет на занятиях.

Ей потребовалось мгновение, чтобы осознать его слова, — а потом они рухнули на Лейлу всем жутким весом. Учатившийся пульс гулко

заухал в висках, сердце стучало как сумасшедшее.

— Лейла? — Голос у Эндрю сорвался, будто предчувствовал страшную новость. — Где Макс?

Лейла не ответила. Она молча встала с кресла и покинула кабинет, словно в состоянии транса. Голос Эндрю раздавался из трубки, которую она сжимала в руках, передавая его растушую панику. Лейла подошла к лифту. Она не произнесла ни звука в ужасе от кошмарной догадки. Нажала на кнопку первого этажа, чувствуя, как нарастает пульсирующий шум в ушах. Прошла по фойе, отметив, как гулко цокают каблук по лакированному полу. Только воочию увидев, как ее машина жарится на открытом прямоугольнике асфальта, Лейла жалобно взвыла. Даже от дверей здания был виден маленький уголок голубого одеяльца. Оно напоминало циновку нищего, просящего милостыни на улице.

В ужасе Лейла сделала пару шагов назад, будто пытаюсь разубедить себя в реальности происходящего, защититься, очнуться от страшного морока. Собравшись с духом, она подошла к машине и открыла дверь. И тогда, увидев безжизненное тело Макса, Лейла закричала. Закричала дико, протяжно, будто раненое животное. Это был не только крик ужаса, но и мольба о помощи, потому что в одиночку она не могла этого пережить. Не могла справиться с увиденным.

К ней подбежал охранник из здания, увидел ребенка и оттолкнул Лейлу в сторону. Крикнув напарнику, чтобы тот вызвал скорую, попытался привести мальчика в чувство. Лейла наблюдала за происходящим затуманенным взглядом, будто ей закрыли глаза марлей. Но каждая деталь, каждая мелочь ярко врезалась в память. Прядь волос, прилипшая ко лбу Макса, озерцо пота, глубокий голос фельдшера. Яркий блеск колесных дисков ее «мини-купера», которые нагло сияли на солнце, будто праздная победу.

От ужаса Лейла не могла вымолвить ни слова, и когда медики спросили ее, является ли она родственницей мальчика, сумела только кивнуть. Ее усадили в реанимобиль, и Лейла, сгорбившись и обхватив себя руками, примостилась на узкой скамеечке рядом с каталкой. Ей пришлось ставить ноги на цыпочки, чтобы спастись от обжигающего холода металлического сиденья, столь резко контрастирующего с жарой снаружи. Фельдшер обтирал тело Макса мокрой тканью. Головка ребенка безжизненно дергалась и качалась на ходу, когда

машина проезжала небольшой ухаб или входила в поворот. Лейла подседа было ближе, чтобы придержать его, но медики оттолкнули ее обратно.

В больнице Макса сразу увезли в реанимацию. Персонал игнорировал Лейлу с ее единственным вопросом: «Он дышит?» — в основном потому, что очевидным ответом было «нет».

— Лейла?

Она обернулась и увидела Эндрю в другом конце длинного больничного коридора. Он подошел к ней вплотную, и Лейла рухнула на него, так что ему пришлось подхватить ее. Она вцепилась в воротник рубашки, била ладонью по груди, пытаясь закричать, обвинить его во всем, снять с себя вину. Если бы он не попросил ее о помощи, она не оставила бы Макса в машине. Не приехала бы прямо в офис, пока ребенок беззвучно спал на заднем сиденье. Не оставила бы его в раскаленной машине на парковке на целых три часа.

Эндрю схватил ее за запястья и сжимал, покуда она не отпустила его рубашку. И все же он не оттолкнул ее. Только гладил по голове, пока она тряслась от рыданий.

— Тс-с, — успокаивал Эндрю свояченицу. — Тс-с.

Но Лейла чувствовала, как он сжимает в кулаке ее волосы. Так сильно, что напряжение распространяется на всю руку. Лучше бы Эндрю ее ударил. Лучше бы размахнулся и отвесил ей оплеуху, опрокинул на землю, лишил чувств. Хотя бы одного чувства, слуха или зрения, потому что всего было слишком много. Но зять продолжал обнимать Лейлу, и вместе они следили за мельтешением теней за дверями реанимации. Внезапно на смену торопливому копошению пришла оглушительная тишина, и Лейла поняла, что спасать больше нечего.

Перед ними возник доктор, отозвал их в угол коридора.

— Мне очень жаль, — произнес врач. Он рассказал, что медики боролись за жизнь ребенка целый час — какая бессмыслица, ведь Лейле показалось, что прошло меньше минуты, — но сделать ничего не удалось. Врачи обкладывали мальчика льдом и обдували вентиляторами, изо всех сил старались снизить температуру тела, но тщетно: Макс был мертв.

Эндрю глядел на доктора немигающим взглядом. Будто новость не укладывалась у него голове.

— У вас будет время попрощаться, — продолжал тот, — но вы можете пройти в палату сейчас, если хотите. Если вы готовы, через минуту сестра проведет вас внутрь.

Доктор беззвучно удалился, оставив их наедине со скорбью.

Эндрю повернулся, прижался лбом к стене и застыл. Лейла молча наблюдала за тем, как дрожит у него кадык, — Эндрю пытался не заплакать. Он оскалился, пытаясь выразить свою скорбь не в слезах, а в ярости. Но через секунду его решимость угасла, Эндрю обмяк и зашелся в беззвучных рыданиях. Наконец он издал хоть какой-то звук: жуткий всхлип. Лейла вздрогнула и сделала шаг вперед, чтобы обнять зятя, но тот только отмахнулся.

Так они и стояли — плачущий у стены мужчина и женщина рядом, но отдельно от него, — пока не пришла медсестра. Она провела их в палату, где лежал Макс. В помещении стояла звенящая тишина. Лейла подошла вплотную к койке, рассматривая круглый подбородок племянника, длинные ресницы, выгоревшие на солнце волосы. Ей захотелось прикоснуться к нему, погладить, прижать к груди. Она протянула руку, но Эндрю остановил ее.

— Нет, — холодно произнес он, перехватив запястье Лейлы.

В этом одиноком слоге она услышала все, чего он никогда ей не скажет: «Ты бросила Макса. Ты убила его. Убила моего сына». Тяжкая правда этих невысказанных слов выдавила из Лейлы весь воздух. Она закрыла глаза, не в силах видеть горе зятя и страшась того, что ждет ее впереди. Невозможно представить, что случится с Ясмин, когда она узнает о смерти сына, какое горе ей предстоит вынести. Лейла согнулась в три погибели, стараясь подавить рвотные позывы. Эндрю даже не пытался ее утешить. Вместо этого он неотрывно смотрел на фигурку сына, и оба они оставались неподвижными, как изображение на фотографии.

* * *

Ясмин с облегчением выдохнула, высвободив ноги из туфель. Она размяла стопы, жалея, что надела сегодня колготки.

— Хочешь, сделаю тебе массаж ступней? — предложил Джейсон с такой невинной интонацией, будто имел в виду чашку кофе.

На одну безумную секунду Ясмин задумалась, не согласиться ли. Она представила, как грациозно вытянет ножку, положит ему на

колени и позволит себе насладиться массажем, сделанным его мускулистыми руками. Но потом всего лишь пренебрежительно закатила глаза и с сарказмом бросила:

— Благодарю за великодушие.

Джейсон расплылся в благодушной улыбке.

— Ты отлично справляешься, — заявил он. — Сегодня утром все прошло как по маслу.

Ясмин откинулась в кресле, демонстрируя Джейсону тонкую нежную шею, и, томно склонив голову, ответила:

— Спасибо. Сегодня и впрямь пришлось заниматься черной магией.

Коллега, не стесняясь, пожирал ее глазами, и Ясмин нежилась в лучах его внимания. Конечно, она делала вид, что чрезмерный интерес Джейсона раздражает ее, но на самом деле этот флирт помогал ей вспомнить себя такой, какой она была несколько лет назад — до замужества, до рождения ребенка, до бесконечных споров о лекарствах и дошкольном образовании. Она чувствовала вину за это и всегда помнила, как люди осуждают неверных женщин, но пыльная рутина семейной жизни начинала на нее давить.

— Не хочешь пропустить по бокалу сегодня вечером? — предложил Джейсон.

Ясмин смело выдержала его взгляд. Джейсон олицетворял все то, чего так не хватало ей с Эндрю. Как славно было бы ускользнуть с рабочего места на полчаса пораньше и составить ему компанию в баре — лучший вариант вынести летнюю духоту.

Ее так и подмывало согласиться, но в голове застучал маленький молоточек. Сегодня была очередь Эндрю забирать Макса из детского сада, но нельзя же перекладывать на мужа все заботы. Мальчик стал очень плохо засыпать, а у Эндрю и без того нервная работа. Ясмин улыбнулась, вспомнив сынишку в пижаме с пожарными. Неужели она и впрямь была готова соблазниться обществом Джейсона?

— Прости, — легко ответила она, — не могу. — Встав, она снова обулась. — Пойду перекушу, пока опять не началась беготня.

Ясмин вышла, грациозно покачивая бедрами. Она знала, что Джейсон провожает ее взглядом.

В коридоре она проверила почту. Нахмурилась, обнаружив несколько пропущенных от мужа. Перезвонила ему, но попала на

автоответчик. Что случилось — Макс заболел? У него поднималась температура пару раз за последний месяц, и конечно же, именно ей всякий раз приходилось брать отгул. Ясмин поспешила к кабинету начальника, а по пути попробовала набрать супруга еще раз, и теперь Эндрю ответил.

— Все в порядке? — спросила она, закинув кардиган в сумку. Зачем она его вообще взяла? Муж молчал, и она позвала: — Эндрю?

— Ясмин. — Его голос был непривычно хриплым. — Можешь приехать в Лондонскую королевскую больницу?

— Зачем? — встревожилась Ясмин. — Что-то с Максом?

Она услышала, как муж набирает воздуха для ответа.

— Объясню, когда приедешь.

Ясмин начала охватывать паника.

— Что произошло? С ним все в порядке?

— Все нормально. Просто приезжай в больницу и напиши, когда доберешься.

— Но...

— Мне надо идти, извини, — ответил Эндрю и отключился.

Ясмин твердила себе, что нужно успокоиться. Матери вечно срываются в истерику: легкий ушиб превращается в сотрясение мозга, царапина кажется гангреной, надо немедленно куда-то бежать и ломать двери травмпункта.

Эндрю всегда спокоен и логичен. Если он сказал, что все в порядке, значит, ему можно доверять. Ясмин написала шефу эсэмэску с извинениями и побежала к станции. Всю дорогу она не выпускала из рук телефон, крепко сжимая твердый корпус.

* * *

Равномерное гудение флуоресцентных ламп и шарканье резиновых тапок вдалеке действовало на нервы. Лейле казалось, что они очутились в отделении психбольницы: тот же кондиционированный воздух, те же белые стены, только надпись над дверью гласила «Реанимация». Лейла сжимала подол юбки в липких от пота ладонях, будто он мог послужить спасательным кругом. Горечь вины и утраты наполняла каждую пульсирующую артерию. Зверская сцена раз за разом всплывала перед глазами: Макс, расплостертый на заднем сиденье, ее собственный ужасный крик, беспокойный вой

приближающихся сирен. Эти несколько часов оставили в ее душе неизгладимый след — темные воспоминания, которые будут преследовать ее всю жизнь.

Сидя на скамейке рядом с Эндрю, Лейла испытывала детское желание увидеться с мужем, спрятаться за его спиной. Она до сих пор не позвонила Уиллу. Это был бы разумный шаг, но она не могла собраться с духом и рассказать ему страшную новость. Уилл обожал Макса. Не имея собственных детей, он изливал на племянника нерастрченную отцовскую нежность, покупая ему дорожные подарки вроде смешного твидового костюмчика из универмага «Либерти» или гигантского плюшевого тигра, который теперь стоял в детской.

В такие искренние моменты Лейла чувствовала, как горячо она любит Уилла. Обычно он был слишком занят поддержанием своего журналистского имиджа — эпатажный провокатор, холодный и ироничный, — но когда он видел Макса, вся его тоска по детям прорывалась наружу. Она сквозила в печальных, словно бы извиняющихся взглядах, которые Уилл посылал жене, и в том, с какой нежностью он потом прижимался лбом к ее плечу, будто сдерживая слезы. Нет, она не может позвонить сейчас Уиллу. Рядом есть Эндрю, и этого достаточно.

Повернувшись на длинной металлической скамье, Лейла положила ему руку на колено.

— Скажи что-нибудь, — попросила она.

Эндрю, не повернув головы, бросил:

— Что тут скажешь?

Лейла против воли почувствовала нарастающее раздражение. Эндрю сидел рядом с таким спокойным видом, будто она уронила его телефон и разбила экран. Ей, наверное, стоило спросить, что он чувствует, но какие слова выбрать? «Всё в порядке?» — слишком глупо и бессмысленно. Эндрю откинул голову, прижался к стене затылком. Его светлые волосы рассыпались по белоснежной штукатурке. Лейла услышала тихое торопливое цоканье, которое приближалось к ним, и встала, увидев, кто идет.

Ясмин замерла в дверях и внимательно посмотрела на лица Лейлы и Эндрю.

— Нет, — выдохнула она. Лицо у нее страдальчески сморщилось, но потом вновь разгладилось, словно отказываясь принимать правду. — Где Макс? — Ясмин пыталась говорить спокойным тоном, но сорвалась на всхлип.

Эндрю зажмурился на секунду, будто собираясь с силами, чтобы встретить неотвратимое. Потом шумно выдохнул, подошел к супруге, сжал в объятиях и положил подбородок ей на макушку, будто пытаясь во что бы то ни стало удержать.

— Макс сегодня утром умер, — еле слышно произнес он.

Тишина, и пространство будто скукожилось перед взрывом сверхновой. Ясмин издала протяжный, животный вой, от которого Лейла отступила на пару шагов назад. Сестра выла несколько минут, вложив в крик боль и ярость. Она вырвалась из рук мужа, а когда Эндрю попытался удержать ее, оттолкнула его с такой силой, что он врезался в стену. Ясмин продолжала кричать и рвать волосы на голове, согнувшись пополам, будто тряпичная кукла, оторвавшаяся от нитки.

Лейла в ужасе и смятении взирала на сестру. Могла ли она осознать, что чувствует мать, потерявшая ребенка? Ее саму разрывало от скорби, но нечеловеческое страдание, которое она видела, говорило о другом — о глубочайшей, почти физической боли утраты. Лейла сдерживала желание подойти, понимая, какой будет реакция сестры, когда она узнает, что именно произошло. Эндрю попросил ее помалкивать и пообещал, что возьмет на себя эту часть. Он еще раз подошел к Ясмин, но та вновь оттолкнула мужа, не желая выслушивать объяснения.

Повернувшись к стене, она принялась колотить кулаками по штукатурке.

— Нет! — кричала она в отчаянии.

Эндрю в страхе оглянулся на Лейлу, будто стоял на краю пропасти и под ним сыпалась земля. Лейла заранее предложила взять успокоительное для Ясмин, но Эндрю отказался. Он хотел показать жене, что она способна пережить это сама, без постороннего вмешательства; что они верят в ее силы.

Ясмин еще долго плакала, свернувшись клубком на металлической скамье и не подпуская к себе никого. Наконец, после, как им казалось, нескольких часов бессильных рыданий она подняла голову и поглядела на сестру и мужа.

— Как? — спросила Ясмин глухо.

— Это я виновата, — ответила Лейла. Вся ее решимость испарилась, хотелось бежать со всех ног.

Ясмин захлопала ресницами.

— Ты? Что... что это значит?

— Дай мне сказать, — вмешался Эндрю.

Поначалу он пытался отправить Лейлу домой, но она отказалась: если она сейчас уйдет, станет только хуже, и при следующей встрече Ясмин вспыхнет. Усевшись рядом, Эндрю положил на колено жене руку.

— Это моя вина, — начал он. — Утром мне позвонили с работы. Срочно. У меня не оставалось времени, чтобы отвезти Макса в садик, и я попросил Лейлу помочь.

Лицо Ясмин выражало замешательство.

— Произошла авария?

— В некотором роде.

Лейла поборолла желание заговорить. Она пообещала Эндрю, что не будет вмешиваться, даст ему объяснить случившееся спокойно и рассудительно. Так будет проще для всех. Эндрю продолжал:

— Я пристегнул Макса на заднем сиденье. Он спал и не издавал ни звука. — Он помолчал несколько секунд. — Лейла ездит этой дорогой каждый день. Если бы она ехала другой дорогой, она не забыла бы о нем.

В лице Ясмин не осталось ни кровинки.

— Что случилось?

— Макс спал. Он не издавал ни звука, и Лейла... — Закашлявшись, Эндрю взял супругу за руку. — Лейла забыла, что он там.

— Забыла? — шепотом переспросила Ясмин.

— Прости, — вмешалась Лейла. — Он так тихо сидел. Я не видела его в зеркале. И... я просто забыла про него.

Ясмин в ужасе смотрела на сестру.

— Ты забыла? — Она молча пошевелила губами, будто не в состоянии подобрать слов. — Но ты ничего не забываешь.

Лейла вспыхнула от стыда.

— Ты... ты никогда ничего не забываешь. — Ясмин постепенно скатывалась в истерику. — Ты ставишь себе напоминания обо всем подряд!

— Я забыла про него, Ясмин. Просто забыла.

— Нет, — прошептала, задыхаясь, Ясмин.

Эндрю сжал ее руку, пытаясь успокоить. Ясмин переводила взгляд с сестры на мужа.

— И что произошло?

Ее супруг смахнул слезу тыльной стороной ладони.

— Жара. — Короткий ответ напоминал выстрел из пистолета.

На лицо Ясмин было страшно смотреть.

— Мой малыш... Он сгорел?

— Нет-нет! Нет, дорогая, не сгорел. Он ничего не почувствовал. Просто спал и... не проснулся.

Ясмин снова начала подвывать, словно раненое животное.

Лейла и сама почувствовала, что теряет почву под ногами, словно падает в пропасть без дна. Она сделала было шаг вперед, чтобы обнять сестру, но та отпрянула.

— Нет! Я не могу.

Лейла застыла.

Ясмин покачала головой.

— Я не могу тебя видеть. Не могу к тебе прикасаться.

Лейла проглотила обиду. Было бы глупо сейчас просить прощения, чтобы облегчить собственную боль.

— Пожалуйста, уйди. — В голосе младшей сестры не было яда, только горечь. — Просто уйди.

Лейла поежилась, скрестила руки на груди. Взглядом спросила у Эндрю совета. Он мягко кивнул. Сгорбившись под грузом вины, она пошла прочь по коридору, тихо цокая каблуками по полу.

* * *

Лейла приложила к голове холодную банку колы. Не помогло. Был час дня, и воздух в отделении казался удушающе горячим, несмотря на работающие во всю мощь вентиляторы. Из-за сквозняка со стойки регистрации слетел листок бумаги и медленно опустился на пол. Лейла бездумно наблюдала за его полетом, не в силах подойти и поднять упавший документ. Администратор, грузная женщина с двойным подбородком, вышла из-за стойки и нагнулась, громко охнув, чтобы подобрать листок.

Слева открылись двери приемного покоя, и Лейла поспешно обернулась, чтобы увидеть помещение за ними. Где Ясмин? Она сейчас с Максом? Одна или с Эндрю? Он справляется? Может, нужно помочь?

Лейла закрыла лицо рукой. Сердце билось в бешеном темпе с того самого момента, как Эндрю позвонил ей утром, и по мере того, как адреналин переставал действовать, наваливалось истощение. Тяжесть содеянного была слишком велика, чтобы выдержать ее. Лейла вспоминала, как Макс лежал в карете скорой помощи на каталке, трясясь на кочках, безжизненный и немой. Он погиб, и виновата в этом она. От новой глубины осознания содержимое желудка ринулось вверх. Лейла срыгнула, потом быстро проглотила жидкость, чувствуя на языке мерзкий кислый вкус. Сидя на скамейке, она согнулась и положила голову на колени. Стены зала вокруг колыхались, усиливая тошноту. Лейла сделала судорожный вдох, боясь, что ее вырвет. В панике она подскочила и бросилась к ближайшему туалету, где нагнулась над раковиной, но ничего не произошло. Опершись обеими руками об умывальник, она сглатывала несуществующую жидкость с химическим привкусом. Немного придя в себя, Лейла открыла кран и прополоскала рот водой, которая оказалась неприятно теплой. Когда руки перестали дрожать, Лейла вытерла лицо бумажным полотенцем, глубоко вдохнула и осторожно покинула обманчиво безопасную скорлупу дамской комнаты.

— Мисс Саид?

Обернувшись, Лейла увидела в дальнем конце коридора человека, широкоплечего мужчину за сорок с квадратным лицом профессионального боксера.

— Да, — неуверенно ответила она.

— Детектив Кристофер Шепард, служба столичной полиции. — Мужчина продемонстрировал удостоверение и жетон, вложенные в дешевый бумажник из черного кожзаменителя.

Лейла непонимающе посмотрела на документ.

— Меня назначили расследовать обстоятельства смерти трехлетнего Макса Андерсона.

Лейлу обожгло беспокойство. Как следует вести себя в такой ситуации? Она должна следовать всем социальным нормам, как обычно? «Здравствуйте, рада познакомиться, как у вас дела?» Быть

покладистой? Или, от греха подальше, уйти в глухую оборону? Допустимо ли говорить вслух то, что она на самом деле думает? «Я виновата. Это моя вина. Помогите».

— Можете уделить мне немного времени?

Лейла кивнула.

— Конечно, детектив. — Она услышала, как дрожит у нее голос.

Собеседник, конечно, тоже это заметил.

— Зовите меня Шеп. — благожелательно предложил он.

— Шеп, — послушно повторила Лейла. Односложное имя легко сорвалось с языка.

— Полагаю, вы последняя видели Макса живым?

Лейла жалобно всхлипнула.

— Да.

— Вы не откажетесь проехать со мной в участок для короткой беседы?

Она ответила, запинаясь:

— А нельзя поговорить здесь?

— Будет лучше провести беседу у нас в участке, — мягко, но настойчиво ответил Шепард.

Лейла посмотрела на двустворчатую дверь за левым плечом детектива.

— Можно сообщить семье, куда я еду?

— Мы об этом позаботимся, — поспешно ответил он.

Лейла заметила еще одного полицейского за дверью.

— Не волнуйтесь, мы просто поболтаем, — добавил Шепард.

Она опасливо вышла вслед за ним на улицу к неприметному синему автомобилю. Детектив открыл заднюю дверь, и Лейла скользнула внутрь, грациозно подтянув ноги. Пока они ехали в участок, она ощущала странное, убаюкивающее спокойствие. Все звуки стали приглушенными, будто она вновь оказалась в утробе матери. Машина еле тащилась по загруженным улицам, и блики солнца на стеклянных небоскребах заставляли Лейлу постоянно жмуриться. Вот так себя чувствуют выжившие на войне? Когда, вернувшись домой, обнаруживают, что вокруг бедлам, да и самого дома больше нет.

Пока Лейла безвольно сидела на заднем сиденье полицейского автомобиля, ей на ум пришел постыдный вопрос. Как ей следует себя

вести? Может, полагается биться в истерике? Недвусмысленно показать, какой ужас она сейчас испытывает. Поймав взгляд Шепарда в зеркале заднего вида, Лейла в страхе отвернулась. В его глазах она увидела одно: неприкрытое подозрение.

Наконец они приехали к полицейскому участку в Бетнал-Грин. Суровое здание из красного кирпича венчали два флага, безжизненно повисших в застывшем горячем воздухе. Детектив проводил спутницу внутрь, придержав дверь на входе. В этом жесте не было ни тени галантности, лишь эффективность: дверь была массивная и тяжелая. По пустому коридору они попали в небольшую комнату для допросов. Помещение давно не проветривали, спертый воздух отдавал скисшими ягодами. Лейла села у стола и вытерла ладони о юбку, молясь о том, чтобы наконец перестать потеть.

Шепард задал формальные вопросы из анкеты. Его голос звучал глухо, будто из пещеры. После вводной части он поставил на стол голые локти — рукава рубашки были высоко закатаны, — наклонился и спросил:

— Мисс Саид, кем вы приходитесь Максу?

— Тетей, — ответила Лейла. — Он сын моей сестры.

Детектив спокойно кивнул, возможно надеясь, что собеседница немного расслабится.

— Постарайтесь как можно подробнее рассказать, что произошло этим утром.

Лейла молчала. Как собрать рассыпанные по уголкам памяти осколки дня? Как сложить их в логической последовательности, выдать представителю карающей власти стройный рассказ?

— Мисс Саид? — подтолкнул ее к разговору Шепард.

Лейла начала с утренних мелочей: стакан из-под сока под краном в раковине, чтобы потом было проще мыть. Потом рассказала о звонке Эндрю с просьбой о помощи.

— Он системный администратор, — объяснила Лейла, — и его иногда внезапно вызывают, когда случается авария. Обычно это не составляет проблемы, потому что по утрам дома Ясмин, но сегодня она ушла на работу рано, потому что организовывала конференцию. Вот я и согласилась помочь и заехала к ним домой.

Шеп нахмурился.

— У вас собственное архитектурное бюро, не правда ли?

— Да.

Детектив прочитал что-то на листке бумаги и удивленно поднял бровь.

— Вы реставрировали историческую синагогу в Уайтчепеле. Впечатляет.

Лейла благодарно кивнула:

— Спасибо.

— Должно быть, у вас тяжелая работа.

— Временами.

— Засиживаетесь допоздна?

— Бывает.

— И график поплотнее, чем у системного администратора.

— Наверное.

— Как вы отнеслись к просьбе подвезти Макса, если у вас самой не менее загруженный рабочий день, чем у его отца?

Глядя на детектива, Лейла начала ощущать подспудный страх.

— Хорошо отнеслась. Я была рада помочь.

— Рады?

— Да.

Шепард хмыкнул, будто говоря: «Да вы почти святая!»

— Часто они просят вас о помощи?

Лейла заметила, что вцепилась в края сиденья, и разжала пальцы.

— Раз в неделю, наверное.

— Немало.

— Я рада провести время с племянником.

Шепард склонил голову набок:

— Вы часто подвозили Макса в детский сад?

— Ни разу.

Он задумчиво почесал подбородок ручкой.

— Хорошо. Что случилось после того, как ребенок оказался у вас в машине?

Лейла рассказала о том, как Сьюки позвонила ей по дороге на работу, и упомянула, что не видела Макса в зеркале, потому что детское кресло было повернуто против хода движения.

— Долго длился звонок?

— Около пяти минут.

— И о чем вы разговаривали?

Лейла рассказала Шепарду о проблеме с чертежами.

— Вы торопились? — поинтересовался он.

— Да. Хотя нет, не очень. Мне оставалось всего пару минут до офиса.

— Если, конечно, не останавливаться у детского сада.

Лейла моргнула в замешательстве.

— Я не думала об этом. Я... я забыла о том, что Макс в машине.

Шепард подался вперед всем телом.

— Простите, можете повторить? Зять доверил вам своего малолетнего ребенка, и вы попросту забыли о том, что он сидит у вас в машине?

— Я не видела его, — попыталась оправдаться Лейла. — Он спал. Я отвлеклась. Так совпало.

Детектив молчал, пристально глядя ей прямо в глаза.

— Вы же не думаете, будто я нарочно оставила ребенка в машине!

— Вот что я думаю, мисс Саид: вы очень спешили. Вы держали в уме, что Макс остался в машине, но решили забежать в офис, надеясь быстро справиться с внештатной ситуацией. А вот потом вы забыли, что оставили племянника в машине.

На лице у Лейлы отразился чистый ужас.

— Все было не так. Я бы никогда не оставила Макса в машине одного.

— Однако вы это сделали, — холодно напомнил Шепард.

Лейла задохнулась от возмущения:

— Не специально! Я ни за что не оставила бы его нарочно. Ни в машине, ни в любом другом месте. Ни на секунду!

— Детский сад. Вам ведь не по пути. Крюк в пять минут.

Она покачала головой:

— Это почти по дороге.

— Но не совсем.

— Разве в случае чрезвычайной ситуации не логичнее было бы доехать до офиса, быстро решить проблему, а после вернуться за ребенком?

— Но все было по-другому.

— Мисс Саид, вы умышленно оставили Макса в машине?

У нее струйкой стекал по спине пот.

— Нет.

Полицейский смерил собеседницу оценивающим взглядом.

— У вас с сестрой хорошие отношения?

Лейлу сбила с толку внезапная смена темы разговора.

— Да.

— Я слышал, вы растили ее с ее одиннадцати лет. Можете подробнее рассказать, что с вами тогда происходило?

— А это вообще имеет какое-то отношение к делу? — затравленно спросила она. С какой стати ей открывать этому агрессивному незнакомцу тяжелую историю своей юности?

— Просто чтобы понимать контекст.

Лейле становилось не по себе от воспоминаний о том периоде жизни. Люди обычно говорят о счастливых днях детства, и ее детство тоже было счастливым — до того момента, пока отец не скончался от обширного инфаркта.

Маму, человека с не самой стойкой психикой, несчастье подкосило. Когда Лейла вставала по утрам, она обычно обнаруживала мать на кухне: та сидела и смотрела в стену. Лейла пыталась найти выход, таскала мать к семейному врачу, в клиники, потом снова к семейному врачу, но слышала в ответ лишь одно: на лечение нет средств. Не дождалась она помощи и от эмигрантского сообщества и своих многочисленных так называемых родственников. У них находились лишь обидные эпитеты для матери — чокнутая, психованная, — но никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь.

Однажды, вернувшись домой, Лейла обнаружила маму в ванне. Та лежала в остывшей воде с широко распахнутыми глазами; длинные волосы плавали по поверхности, будто морские водоросли. Лейла зажала себе рот рукой, чтобы не завопить. Побежав к Ясмин, она скомандовала сестре сидеть смирно и не выходить из комнаты. Тогда Лейла впервые говорила с полицейскими, благожелательными, но холодными. Девочкам запретили оставаться в родном доме. Все, что они знали, исчезло в один миг. Как Лейла злилась на мать! От нее ведь никто не требовал подвигов. Она должна была просто оставаться рядом с дочерьми.

Лейла хорошо помнила назначенных опекунов, швею на пенсии и ее молчаливого супруга. Они жили в Гэнтс-Хилл, восточном пригороде, в трехэтажном доме, доверху набитом антикварным хламом: старые шахматы, металлические камертоны, пинцеты,

огромный набор лабораторной посуды, пластиковая модель головного мозга, который можно было разбирать на части — лобная, височная, теменная и затылочная доли, мозжечок, ствол. В доме царила затхлость, будто здесь никогда не открывали окон, а в солнечный день в косых лучах света повсюду танцевали пылинки. С девочками там обращались ласково, но ощущение бесприютности не оставляло их ни на секунду. В день своего восемнадцатилетия Лейла подала заявление на опеку над младшей сестрой, и они смогли снять собственное жилье, однокомнатную квартирку рядом с развязкой шоссе там же, в Гэнтс-Хилл. Улица имела благопристойное название — проезд Фринтон, которое резко контрастировало с тем, что встречало сестер за дверью: горы окурков, вонючие мусорные пакеты, шум электростанции неподалеку и безобразный вид на гаражи и фабрики.

Что из этого следует поведать детективу? Как передать тот бесконечный стресс, панику в ожидании отрицательного баланса по счету, не разжимающиеся тиски нищеты? Сможет ли он хотя бы представить все это, глядя сейчас на успешную бизнесвумен в костюме из последней модной коллекции?

— Наши родители умерли, — коротко сказала Лейла. — Я не хотела оставлять сестру в приемной семье, поэтому оформила опеку.

— Так что вы похоронили свои лучшие годы на каторжной работе.

— Можно и так сказать.

— Вас не раздражало, что после того, как вы вырастили сестру, приходится растить еще и племянника?

Лейла ответила ему прямым взглядом.

— Ничуть. Я любила этого ребенка больше всего на свете, и моя сестра скажет вам то же самое.

Шеп не отводил глаз.

— Неужели?

— Уж поверьте, — раздраженно ответила она.

В эту секунду ее телефон коротко звякнул. Лейла по привычке прочитала пришедшее сообщение. «Ты позвонила адвокату?» — спрашивал Эндрю. Фраза заставила ее опустить плечи. Невинный характер беседы был наивной иллюзией. Вопрос об адвокате означал, что Лейле есть за что отвечать перед законом.

— Что-то важное? — поинтересовался Шепард.

Лейла посмотрела на него и ответила после короткой паузы:

— Я бы хотела поговорить со своим адвокатом.

Детектив расплылся в улыбке, будто выиграл удачное пари.

— Я так и думал, что захотите, — ответил он. — Пожалуйста, не уходите никуда.

После этого он вышел из комнаты, оставив Лейлу метаться в запутанных мыслях.

* * *

Ясмин сидела в глубоком кресле и гладила сиреневую бархатную обивку — проводила рукой против ворса, оставляя на поверхности широкую темную линию. Это кресло обошлось ей чересчур дорого, но оно было таким кричаще красивым и так божественно смотрелось на фотографиях в «Инстаграме», что невозможно было устоять. Кресло оказалось не особенно удобным — слишком жесткий и шишковатый каркас из ротанга, — но Ясмин заставляла себя пользоваться им, чтобы оправдать вложенные деньги. Сейчас она выбрала кресло, потому что только у него была спинка. Ясмин сомневалась, что сможет сидеть прямо, и боялась, что тело откажет ей и она безвольно рухнет на пол.

Вещи в детской не подозревали о том, что Макса больше нет: желтый плюшевый шмель тарасил сонные глаза, пузатый кролик настороженно топорщил ушки в углу. Ясмин принесла им дурную весть, будто оспу, и предметы заражались смертью Макса один за другим. Кто мог предположить, что отсутствие человека может быть настолько ощутимым? Комната не была пуста, наоборот: она словно наполнилась плотной опухолью.

За окном, будто в насмешку, прекрасное ночное небо переливалось тысячью звезд и заливало комнату неровным светом. Дальняя стена была отмечена отпечатками детских ладошек. Малюсенькая ручка новорожденного, потом ярко-красный оттиск с первого дня рождения, немного смазанный от нетерпения малыша. Потом более четкие ладошки в два года, в три. То, что новых отпечатков не появится, казалось бессмыслицей.

Стук в дверь заставил Ясмин дернуться, как от удара током. Ей лишь хотелось, чтобы ее оставили в покое.

В детскую заглянул Эндрю.

— Я тебе чаю налил, — сказал он, осторожно заходя в комнату. Он приглядывал за Ясмин весь вечер, обеспокоенный тем, что жена не плачет. А она попросту не могла себе этого позволить. Нужно было найти какие-то зацепки, чтобы не провалиться в бездну ужаса. Если продержаться еще чуть-чуть, тогда она обретет силы, чтобы справиться с болью и сбросить это наркотическое оцепенение.

Эндрю поставил возле жены кружку — черную, как заметила Ясмин, а не одну из двух желтых чашек с медвежонком Паддингтоном, которыми обычно пользовались мама с сыном. Ясмин почувствовала благодарность за эту наивную предосторожность. Вонзив ногти себе в ногу, она с усилием открыла рот и произнесла:

— Спасибо.

По-прежнему не отрывая взгляда от отпечатков ладоней на стене, Ясмин подняла кружку, подула на чай и поставила обратно на столик.

— Тебе еще что-нибудь принести? — Эндрю говорил мягко, будто общался с ребенком. Ясмин перевела на него остекленевшие глаза.

— Может, печенье? — попросила она, только затем, чтобы чем-нибудь занять Эндрю.

— Конечно. — Муж вышел и через несколько секунд вернулся с разными видами печенья, разложенного на блюде. Ясмин взяла одно, опустила в чай и долго глядела, как оно размокает и падает на дно кружки. Муж в нерешительности застыл возле двери. Ясмин подняла на него глаза.

— Я справлюсь, — сказала она. — Обещаю. Эндрю на мгновение скривился, как от боли.

— Я тебя люблю, — произнес он.

— И я тебя, — автоматически ответила Ясмин. Стандартный отклик на привычную реплику: «Тук-тук. — Кто там?», «Я тебя люблю. — И я тебя».

Эндрю вышел и закрыл дверь. Подумав, приоткрыл ее на несколько сантиметров. Тяжелой поступью спустился вниз, в гостиную. Даже в счастливом браке боль лучше переживать в одиночестве. Муж справится с утратой по-своему, а она — по-своему.

* * *

Лейла провела пальцем по буквам, вырезанным на столешнице. Она уже видела, что там написано, но продолжала рассматривать,

чтобы хоть чем-то занять себя. «Джейн» — какое-то неподобающее имя для предыдущей арестантки. Такое имя лучше сочетается с воскресной распродажей выпечки и летними туфельками из «Маркс энд Спенсер». Интересно, Джейн тоже была ошарашена, оказавшись в тюрьме?

Когда Шепард завел ее сюда, Лейла решила, что он просто выпендривается. Но вот прошло несколько часов, и она ясно осознала, что это не просто агрессивная выходка имеющего власть полицейского. Она, подобно Джейн, и вправду является главной подозреваемой в уголовном преступлении.

Пока Лейла сидела, оцепенев от осознания этого ужасного факта, каждая поверхность в камере будто превратилась в свидетеля обвинения. Твердость узкой скамьи, шершавость стен — все твердило о ее преступлении. Окно, которое поначалу радовало красивым оконным переплетом, теперь давило решеткой снаружи. Кто решил, что люди, схваченные в худший день своей жизни, не заслуживают чуточки комфорта?

Дверь открылась, и Лейла вскочила на ноги.

— Ваш юрист прибыл. — Вошедший полицейский в форме неопределенно махнул рукой в сторону двери.

Вслед за ним Лейла прошла в кабинет напротив. Увидев своего адвоката, она чуть не расплакалась, но, подавив слабость, протянула руку в знак приветствия.

— Простите, — сказала она. — Я не знала, кому еще позвонить.

Клара Пирсон ответила рукопожатием. Элегантная и тонкая, как тростинка, женщина работала юрисконсультком и адвокатом по уголовным делам. Они с Лейлой познакомились на конференции в прошлом году и с тех пор изредка общались.

— Нам надо поговорить, — кратко сказала Клара, занимая один из стульев.

Лейла вздрогнула, услышав узнаваемую интонацию чиновника, который сообщает плохие вести. «Сожалею, но вам отказали в доступе к средствам фонда». «Вынужден сообщить, что ваша заявка отклонена». «Простите, но это неизлечимо».

Клара вытянула пальцы, разминая их.

— Органы опеки запросили ваше дело.

У Лейлы пересохло в горле.

— И?

— Вам вменяют причинение смерти по неосторожности.

Шум в ушах перебивал остальные звуки в кабинете.

— Причинение смерти? — переспросила Лейла. — Они считают, что я специально это сделала?

Клара постучала ногтями по столу.

— Они не считают, что вы сделали это специально, однако настаивают на том, что ответственность за смерть ребенка ложится на вас. Я понимаю, что это трудно осознать в целом, поэтому давайте разберемся в обвинении по частям. — Адвокат очертила на столе воображаемый круг. — Полностью обвинение звучит так: причинение смерти по неосторожности, связанное с вопиющим пренебрежением обязанностями. Прокуратуре необходимо будет доказать четыре аспекта обвинения. — Она провела пальцем линии из круга. — Во-первых, что вы взяли на себя обязательства по заботе о ребенке и нарушили их. Во-вторых, что нарушение обязательств было достаточно серьезным для уголовного преследования. В-третьих, что ребенок умер именно из-за того, что остался в машине. И наконец, в-четвертых, что вы осознавали опасность, которая могла привести к смерти мальчика.

Далее Клара вернулась к первой линии:

— Я думаю, нет смысла отрицать, что вы взяли на себя обязательства по присмотру за Максом, но вот против всего остального мы можем побороться. И вот этот фактор, — она постучала по второй линии, — будет ключевым. Если присяжные посчитают, что вы намеренно оставили Макса в автомобиле, это потянет за собой и остальные части обвинения. Если же мы убедим их в том, что вы на самом деле забыли о ребенке, то можно ли считать ваш проступок подлежащим уголовному преследованию? Вряд ли.

— Выходит, все зависит от того, нарочно ли я его оставила? — Собственный голос будто доносился до Лейлы откуда-то издалека.

— Да, это важная деталь.

Лейла притихла на несколько секунд.

— Но я бы никогда не оставила его специально.

— Понимаю. — Клара пыталась говорить помягче, но в ее словах прорывалась торопливость и необходимость действовать. — В настоящий момент вам вынесут официальное обвинение и выпустят

под залог. Через двадцать восемь дней вас ожидает предварительное слушание у мирового судьи. Я там буду вместе с вами, не волнуйтесь.

Лейла слушала, как Клара разъясняет ей механизм судебного процесса — «Сначала предварительные слушания, ходатайства, подготовка к вынесению обвинения...», — но упускала смысл фраз. Лейла знала — не могла не знать, — что такой исход не исключен, но то, как буднично и быстро разворачивались события, повергло ее в шок. Значит, вот как работает закон? Заранее видит в каждом только худшие намерения. Разрушает за день все, что человек построил за целую жизнь.

— Я могу видиться с сестрой? — перебила она адвоката.

Клара сморщилась.

— Боюсь, что нет. Официально, конечно, обвинение предъявляет государство, а не ваша сестра, но она проходит главным свидетелем по делу. По условиям вашего поручительства придется исключить контакты с ней до суда.

Лейла в смятении открыла рот. Неужели ей не позволят поговорить с Ясмин? Разве можно совершить такое чудовищное преступление и даже не попросить у сестры прощения?

— А что будет, если я поговорю с ней?

— Если вас увидят, можете попасть в предварительное заключение.

— Это реально?

Клара пожала плечами.

— Как ваш официальный представитель, я бы рекомендовала вам не пытаться связаться с сестрой.

Лейла поняла намек: нельзя делать это в открытую.

— У вас остались вопросы? — поинтересовалась Клара.

Лейла отчаянно пыталась придумать еще какой-нибудь вопрос, лишь бы отсрочить дальнейшие события. Но в конце концов ответила:

— Нет.

— Отлично, — кивнула Клара, поглядев на часы. — Я скажу им, что вы готовы.

Дверь за адвокатом закрылась, и Лейла шумно выдохнула, будто вынырнула с глубины и вновь обрела возможность дышать. Слез не было. Она попыталась найти подходящее слово для того, что она чувствует. Вина? Страх? Сожаление? Лейла будто проваливалась в

бездонную пропасть, но вместо того, чтобы испугаться, она наконец обрела уверенность, осознав, что у пропасти и впрямь нет дна.

Глава 3

Лейла принялась к запахам в своей спальне. Тут пахло плесенью и лекарствами, как от старого больничного матраса. Она распахнула окно, но снаружи царили жара и безветрие. Лейла посмотрела на площадь Тредегар, жмурясь от солнца, тонкими лучиками пробивающегося через листву деревьев. Покой мирного пейзажа резко контрастировал с паникой в груди, которая накрыла Лейлу с самого момента пробуждения. Память не подарила ей и минутной передышки, перед глазами постоянно крутилась одна и та же картинка: Макс, его красные горячие щеки и безвольное тело.

«Не сейчас», — стиснув зубы, мысленно приказала она себе. Нельзя позволять себе расклеиться. Сначала надо переделать кучу вещей. Позвонить Сьюки и сообщить, что она не появится в офисе на этой неделе. Приготовиться к объяснению с Уиллом, который придет с минуты на минуту. И поговорить с Ясмин. Только потом можно будет отдаться горю.

Спустившись в кухню, Лейла посмотрела на часы и с удивлением обнаружила, что еще даже нет восьми. С момента судьбоносного звонка Эндрю не прошло и суток. А ведь ей казалось, что миновала тысяча лет с тех пор, как она вернулась домой вечером. Лейла снова повалилась на кровать и заснула в слезах. Ей снились глупые детские кошмары: карикатурные монстры с огромными клыками, драконы и горгульи. Голова была забита ими, и, вынырнув из одного кошмара, Лейла оказывалась в следующем, не менее беспокойном.

Ее разбудила резкая трель дверного звонка. Спустя пару секунд Уилл открыл двери своим ключом. Взяв себя в руки, Лейла встала и подошла к кухонной стойке.

— Лейла? — послышался голос мужа. — Я получил твое сообщение. — Его шаги приближались по коридору. — Что ты?.. — Уилл остановился в дверном проеме, увидев жену. Влажные от пота волосы, оставляющие темные пятна на футболке, странно сочетались с болезненно-бледным лицом Лейлы. Уилл медленно ступил в кухню, делая осторожные шаги, будто слишком резкое движение могло привлечь хищника. — Что случилось? — Он невольно посмотрел на живот Лейлы: рефлекс, выработавшийся после неудачных

беременностей. — Ты не заболела? — Голос у него сорвался, когда Уилл вспомнил, что в этот раз Лейла не была беременна.

— С Максом беда.

Глаза Уилла расширились в панике.

— Что стряслось?

— Несчастье.

— Но он в порядке?

— Нет. — Голос Лейлы дрогнул. — Он не в порядке.

Уилл в два прыжка пересек кухню и схватил жену за плечи:

— Лейла, что случилось?

— Макс погиб.

Уилл глядел ей в глаза, умолкнув в недоумении.

— Макс погиб, — эхом отозвался он. — Макс... погиб?! — Он нервно оглядел кухню, будто ища глазами предмет, за который можно ухватиться, чтобы совладать с этой новостью. — Бред какой, — заявил он, сразу переходя к стадии отрицания.

— По моей вине, — резко выдохнула Лейла, спеша избавиться от страшного признания, перенося проблему на крепкие плечи мужа. Она торопливо рассказала про звонок Эндрю, про бегство к машине, про жуткую душегубку в салоне. На середине ее монолога Уилл отвернулся, зажал рот рукой и затрясся в беззвучных рыданиях.

Лейла глядела на него, осознавая свою беспомощность. Она предполагала, что супруг тяжело воспримет эту трагедию, но не знала, как именно. Глубокое горе от первого выкидыша, бессильная ярость от второго, удушающая апатия от третьего, стоическое принятие от четвертого, и последнего. Невозможно было смотреть на мужа в таком состоянии, безмолвного и скрючившегося, как раненый зверь.

— Ну почему?! — взвыл он, повернувшись лицом к стене. — Почему такое случилось с нами, с нашей семьей?

Подойдя к мужу, Лейла осторожно обняла его, прижалась лицом к спине. Он резко оттолкнул ее движением плеча, повернулся и закричал:

— Почему ты мне не позвонила? — Его горе обратилось в злость.

— Я бы не выдержала, Уилл. Мне надо было как-то пережить день.

— Но никто из вас мне не позвонил! Ни Эндрю, ни Ясмин! — Голос Уилла дрожал от возмущения. — Вы же знаете, как мне дорог Макс!

— Знаю, прости, — попросила Лейла. — Но я была в шоке, не думала ни о чем.

— И все же надо было мне позвонить.

— Пожалуйста, Уилл, не надо строить из себя жертву.

Он вспыхнул гневом, поглядев на супругу:

— Черт тебя дери, это удар ниже пояса!

Лейле пришлось замолчать, чтобы собраться с мыслями. Уилл был единственным человеком в мире, способным терпеть ее характер, и Лейла обычно следила за тем, что и как говорит. На самом деле она хотела донести до мужа мысль о том, что его горе остается вторичным, как бы горячо он ни любил Макса.

— Я не строю из себя жертву, — более спокойным тоном продолжил Уилл, откашлявшись. — Но, Лейла, Макс был единственным ребенком в моей жизни, которого я любил как своего.

Лейла глубоко вдохнула.

— Конечно, надо было тебе позвонить. Но дело не только в смерти Макса. — Она торопливо перечислила события вчерашнего вечера: ее задержание, долгий изматывающий допрос, официальное обвинение и выход под залог. — Суд состоится в декабре.

Уилл молча походил по кухне. Он молчал, но Лейла видела, как он напрягся всем телом, пытаясь совладать со своим горем, отодвинуть его в сторону, чтобы справиться с большей угрозой.

— Я сегодня ночую у тебя, — наконец заявил он. — Тебе сейчас нельзя оставаться одной.

— Спасибо, — прошептала Лейла, чувствуя, как упал груз с плеч. Она совершила, пожалуй, худшее преступление на свете, и тем не менее Уилл здесь, с ней; он наплевал на собственные чувства, чтобы поддержать ее. Муж обнял ее, и в этом жесте верности она увидела знак того, что им еще удастся возродить семью.

* * *

Ясмин вырезала из страницы «Вог» фотографию зеленых замшевых сапожек. Одним краешком картинка еще держалась за страницу, и Ясмин аккуратно оторвала ее, отчего на пятке сапога осталось маленькое белое пятнышко. Вырезку она положила на пол, рядом с десятком таких же, которые окружали ее, словно павлиньи перья. Порыв воздуха от открытой двери мог разметать их по всей

комнате, но Ясмин не думала об этом. Узкая подсобка была ее личным пространством, она чувствовала себя здесь в безопасности, словно в толстом коконе. Конец комнаты занимала стиральная машина с висящей над ней гладильной доской, но остальное пространство она украсила по своему вкусу. Стену над доской закрывал ее любимый гигантский коллаж, ироничная ода материнству: огромная кричащая куча розовых кофточек, фиолетовых туфелек, оборочек, ленточек и слюнявчиков. В одном углу коллажа стояла высокомерная тетка с мегафоном. Приклеенная рядом с ней цитата гласила: «У настоящего искусства нет хуже врага, чем детская коляска в прихожей». Как веселилась когда-то Ясмин, тайком собирая этот коллаж, пока ее чадо спало за дверью. «Посмотрите на меня, — радовалась она. — Экая бунтарка!»

Ясмин внимательно рассматривала коллаж в пустой надежде, что он разбудит в ней какие-то чувства — слезы, злобу, отчаяние? Что угодно, лишь бы оправиться от этой оглушающей контузии. Ужас от произошедшего будто поселился в желудке, высасывая из нее все силы. Ясмин представила, как она срывает картинку со стены в истерическом припадке, но даже одна мысль об этом отозвалась в ней усталостью.

С крикнула дверь за спиной. Обернувшись, она увидела в дверном проеме Эндрю. Лицо мужа было чернее тучи, а в глазах царил такая тоска, что он отвернулся, прежде чем заговорить.

— Ясмин. — Эндрю потер виски, будто избавляясь от головной боли. Не дождавшись реакции, он подошел к супруге и склонился над ней: — Твоя сестра написала. Она пыталась позвонить, но не дозвонилась. — Он забрал у Ясмин из рук ножницы. — Ее обвиняют в убийстве.

Ясмин в изумлении уставилась на него:

— Что?!

Эндрю положил ножницы на стол.

— Говорят, будто она специально оставила Макса в машине.

Ясмин внимательно посмотрела на мужа.

— Но это же безумие.

— Я знаю, но полицейские так решили.

Ясмин замолчала. Потом, стиснув зубы, резким движением сбросила все вырезки со стола.

— Да как они смеют!

Эндрю в недоумении смотрел на супругу.

Она закричала, не в силах сдержать странного ощущения несправедливости. Ясмин оплакивала своего ребенка и злилась на сестру. Ей нужна была возможность обвинить во всем Лейлу, но уголовное преследование вынуждало встать на ее сторону, проявить солидарность, когда Ясмин даже помыслить о таком не могла. Сначала ей нужно время для ненависти, и только потом можно прийти к прощению.

Эндрю обнял жену, но она оттолкнула его локтем.

— Мне необходима ненависть, Эндрю. Я не могу просто взять и простить Лейлу.

— Я понимаю, — попытался успокоить ее муж. — Это нормально.

Ясмин пылала от гнева. Она открыла рот, но вместо крика прошипела сорванным голосом:

— Я ненавижу ее, Эндрю. Я ее, черт подери, ненавижу.

— Все хорошо. Тебе можно ее ненавидеть.

— Она ничего не забывает, — зло и горько продолжала Ясмин. — Она не забывает ничего и никогда. Как она посмела забыть про Макса? — Она смяла гляцевую журнальную страницу в кулаке.

Эндрю крепко обнял жену.

— Не знаю, солнышко. — Он потерялся подбородком о ее макушку. — Я... просто не понимаю.

Ясмин с усилием выбралась из его объятий.

— Они что, действительно считают, будто она оставила Макса специально?

Эндрю нерешительно ответил:

— Ей позвонили из офиса, она спешила. Возможно, хотела забежать на минутку и вернуться.

Ясмин переварила услышанное. У нее перед глазами встал извечный образ сестры: Лейла гладит платье для интервью, прижимая плечом к уху мобильный телефон, пока за спиной булькает кастрюля с макаронами. Она всегда старалась делать три дела одновременно, а когда необходимости напрягаться не было, считала, что тратит время впустую.

— Думаешь, она и впрямь могла так сделать? — Ясмин поглядела мужу в глаза в поисках ответа.

— Вряд ли, но... — Он поежился от неуверенности. — Разве тебя ни разу не подмывало оставить Макса на пару минут в машине, чтобы оплатить счет на заправке?

Вопрос огорошил Ясмин.

— Нет, — возмущенно ответила она. — А тебя?

Супруг виновато опустил голову:

— Случалось.

— И ты его оставлял?

— Нет. Но соблазн был велик, — признал Эндрю.

Ясмин выдохнула и заметила:

— Это ведь не то же самое, что на самом деле оставить ребенка.

Эндрю помолчал несколько секунд.

— Вряд ли Лейла оставила его специально.

Ясмин повернулась к нему:

— Где она сейчас?

— Не знаю.

— В тюрьме?

— Нет. Ей предъявили обвинение и отпустили вчера вечером.

Ясмин почувствовала нарастающее беспокойство. Лейлу будут судить. За убийство. Она представила сестру в тюремной камере, лишённую всех атрибутов успешности и достоинства. Мысль вызывала легкое злорадство. Как в душе уживаются два противоположных чувства — звенящее сострадание и пульсирующая ярость?

— Неужели это все происходит на самом деле? — Ясмин схватила Эндрю за рукав. — Почему такое случилось именно с нами?

Эндрю попытался ответить, но слова застряли у него в горле. Он горячо обнял жену, и они долго сидели рядом, окруженные общим коконом из ужаса и скорби.

* * *

Детектив Кристофер Шепард вытянул руки, чувствуя, как пропитавшаяся влагой рубашка прилипает к потной коже. Как жарко. Такой духоты не было ни разу за все шестнадцать лет, что он провел на службе. Вентиляторы гоняли по участку спертый воздух, создавая иллюзию сквозняка. С таким же успехом можно было бы засунуть нос в выхлопную трубу автомобиля. Шепард скорчился над блокнотом,

будто пытаюсь укрыться от окружающего шума: бессмысленного шипения кофемашины, кряхтения принтера, клацания десятка клавиатур. Ему гораздо лучше работалось в тишине, но бюджетов на отдельные кабинеты не хватало. Отдел криминальных расследований размещался в открытом зале: несуразные серые столы вплотную друг к другу, дешевые лампы и агонизирующие растения в кадках. Шепард предпочитал по возможности работать дома. В своей уютной студии он мог разложить все материалы и даже вынуть батарейку из настенных часов, если их тиканье раздражало.

Детектив рассматривал свои каракули, задумчиво проводя большим пальцем по пружинке, скрепляющей листы блокнота. В качестве ежедневника он предпочитал использовать альбом формата А4. Коллеги поднимали его на смех всякий раз, когда он запихивал огромную тетрадищу в портфель, и призывали отбросить стариковские привычки и перейти на электронный планшет.

Шепард заново пересмотрел временной график, составленный накануне. Вчера в 7:58 Эндрю Андерсон позвонил Лейле Саид. Разговор длился две минуты. В восемь Лейла остановила машину у дома зятя и поставила детское кресло с ребенком на заднее сиденье. Она утверждает, что Макс спал.

Шеп подписал к этому пункту вопрос: «Уже мертв?» Лейла ведь не проверяла, дышит ли Макс. У нее не было повода заподозрить неладное. Могло ли случиться, что к гибели ребенка причастен отец? А сына отдал Лейле, чтобы скрыть собственную оплошность. Задумавшись, Шепард добавил небольшой крестик, который означал «маловероятно».

Детектив продолжил изучать график. Пятнадцать минут езды до офиса Лейлы. Двадцать до детского сада. В 8:08 ей сообщили, что чертежи пропали, а если судить по геолокации телефона, через десять минут она подъехала к офису. Детектив сделал еще одну пометку: «Превышение скорости?» Это указывало бы на спешку женщины и косвенно свидетельствовало о том, что она могла сознательно оставить ребенка в машине, надеясь быстро решить неотложные проблемы.

Отец, с которым Шепу еще предстояло пообщаться, второй раз позвонил Лейле в 11:27, интересуясь, куда пропал ребенок. Семью минутами позже в скорую поступил вызов. Констатация смерти в больнице официально произошла в 12:25. Вот и вся трагедия,

умещается на одном листе А4. Но что произошло на самом деле? И кого винить в гибели ребенка? Перевернув страницу, детектив начал записывать угловатым почерком имя обвиняемой и свои впечатления. «Лейла Саид, — написал он и добавил ниже: — Спокойна, логична, практична». Потом расширил характеристику: «Холодна, сдержанна, невозмутима». Ниже Шепард написал три варианта:

1. Она оставила Макса случайно.

2. Она оставила Макса умышленно, но предполагала быстро вернуться.

3. Она оставила Макса умышленно и планировала убийство.

Лейла утверждала первое. Совет по опеке настаивал на втором. Возможен ли третий вариант? Если, размышлял детектив, она планировала убить ребенка, ему предстоит это выяснить. Шепард добавил к последней строчке короткое слово: «Мотив?» Да, вероятность того, что успешная бизнес-леди захочет убить собственного племянника, кажется чистым абсурдом. Но на его счету уже была одна профессиональная ошибка, когда внешний глянец сбил его с толку, и вновь поддаваться самообману Крис не собирался.

Жаль, что не удалось подольше пообщаться с Лейлой, прежде чем она вспомнила про адвоката. Клару Пирсон детектив считал крепким орешком, опытным адвокатом, против которого не помогали никакие уловки. Несколько раз Шепу уже приходилось работать с ней, и всякий раз она разрушала все его планы своим непробиваемым хладнокровием: ухоженная и респектабельная железная леди. Возможно, для чернокожей женщины в призвании юриста было нечто такое, что научило ее не показывать эмоций. Так или иначе, Клара губила на корню все его попытки разобраться.

Он вспомнил, как выглядела Лейла в комнате для допросов: идеальный макияж, тщательно уложенные волосы, и лишь покраснение в глазах выдает переживания. Что за скелеты она хранит в шкафу? Шеп перевернул страницу и поглядел на крестик напротив имени отца ребенка. Возможно, Андерсон и даст какие-то ключи к разгадке. Детектив поглядел на часы. На то, чтобы пережить горе, у родителей не было пока и суток, но ему требовалось поговорить с ними. Замешкавшись на секунду, Шепард все же схватил ключи от машины и двинулся к выходу.

* * *

Детектив подъехал к аллее Тредегар, живописной полоске георгианской застройки, скрытой от дороги в тени кустов и деревьев. Каждый дом щеголял деревянными балками в стиле фахверк — настоящими или декоративными, сказать сложно. Шепард припарковался подле дома Андерсонов и какое-то время его рассматривал, не выходя из машины.

Гравийная дорожка красиво изгибалась; высокие заборчики отделяли лужайку от соседей. Сам дом был в хорошем состоянии, лишь отдельные детали выдавали давность ремонта: чуть облупленная оконная рама, зеленые пятна на медном кольце на входной двери, растения в горшках, которым требовались уход и пересадка. Совершенно обычное жилище. Шепард заметил, что баки для раздельного сбора мусора искусно скрыты деревянными панелями. Неужели творение самого Эндрю Андерсона? Он не был похож на парня с золотыми руками: очки, мягкие повадки и манера говорить скорее выдавали в нем интеллектуала. Полная противоположность самого Шепарда, который со своей лопухостью и сломанным носом даже в дорогом костюме напоминал футбольного фаната из подворотни. Подойдя к двери, детектив задумчиво пододвинул носком ботинка камешек, попавший на ступеньку. Позвонив в дверь, он отступил на два шага — иначе его почти двухметровая фигура заняла бы весь дверной проем и напугала свидетеля.

Эндрю Андерсон открыл дверь, жмурясь от дневного света. По его растерянному виду Шепард рассудил, что отец погибшего мальчика его не запомнил.

— Мистер Андерсон, я детектив Кристофер Шепард. Мы с вами вчера встречались в больнице.

Эндрю сфокусировал взгляд.

— Ах да, — безучастно ответил он. — Конечно. — Он открыл дверь шире и пропустил гостя.

Внутри царил домашний уют с налетом хаоса. Вешалка ломилась от обилия одежды; стены были украшены повешенными вкривь и вкось картинами. В углу притулились детские ботиночки — один кренился к другому, будто в поисках поддержки. От этого зрелища у Шепа нехорошо екнуло в груди, и пришлось прокашляться, прежде чем он продолжил говорить.

— Мистер Андерсон, я надеялся, что вы сможете уделить мне немного времени.

— Зовите меня Эндрю. — Хозяин провел детектива в гостиную и указал рукой на стул возле обеденного стола. Окна выходили на внутренний садик; трава на газоне разрослась и давно требовала стрижки. Эндрю заметил направление взгляда гостя.

— Простите за состояние лужайки. Мы подстригли ее только в июне, и вот там уже снова джунгли.

Шепард задумчиво кивнул.

Эндрю подошел к кухонной стойке:

— Чаю, может быть?

— Только если вы ко мне присоединитесь, — ответил детектив. Эта тактика всегда срабатывала: за чашкой чая свидетель более разговорчив, поэтому Крис обычно старался принудить собеседника к чаепитию. Так или иначе, никому не приходило в голову отказаться. Он молча наблюдал, как Эндрю суетится на кухне, и дожидался, пока тот усядется на место.

— Соболезную вашей утрате, — начал Шепард. — Я понимаю, как вам сложно пережить такую трагедию.

За годы службы Кристофер испробовал разные формулировки, но все они звучали одинаково глупо и неуместно, поэтому он остановился на самой блеклой фразе.

Эндрю нервно кивнул: соболезнования приняты.

Шепард отодвинул свою чашку чуть в сторону.

— Мне необходимо услышать от вас подробный рассказ о вчерашнем происшествии. — Детектив оперся на локти, принимая естественное положение, а на самом деле пристальнее разглядывая Эндрю и отмечая его реакции. — Можете рассказать своими словами, что вы делали вчера утром?

— Мы не поедem для этого в участок? — уточнил Эндрю.

Шепард отметил про себя этот вопрос с интересом. Обычно родители всячески уклоняются от беседы в полицейском участке, а Андерсон будто вызывается добровольно.

— На данном этапе мы просто пытаемcя собрать воедино цепь событий. Если понадобится детализировать ситуацию, я, возможно, попрошу вас о визите.

— Ясно. — Эндрю задумчиво разгладил складку на рубашке. — Ну что ж. Меня срочно вызвали на работу из-за аварии. У меня не оставалось времени, чтобы завезти Макса в детский сад, а Ясмин уже уехала на работу, поэтому пришлось позвонить Лейле, сестре жены, и попросить о помощи. Детский сад находится по пути к ее офису, и я решил, что она не откажет.

— Давайте-ка поподробнее. — Шепард положил на стол свою внушительную записную книжку и открыл страницу с графиком. — Вас вызвали на работу. Могу я поинтересоваться, кто вам позвонил?

— Мне не звонили. Автоматический сигнал тревоги приходит мне на телефон.

— Откуда?

— Из нашей серверной. Если какая-то часть сервера падает, мне на телефон приходит эсэмэска.

— Так это текст, а не звонок?

Эндрю повертел в руках кружку.

— Ну да. Мы в шутку называем его повесткой.

— Можно посмотреть, как это выглядит?

Эндрю поколебался.

— Да, наверное... — Он вынул из кармана телефон, нашел нужное сообщение и протянул аппарат Шепарду: — Вот.

Детектив поглядел на экран — больше для серьезности, чем для знакомства с текстом. Записал в свой блокнот: «7:54».

— И что произойдет, если вы проигнорируете вызов?

— Меня мигом выпрут. — Эндрю заметил удивление в глазах гостя. — Я понимаю, звучит грубо, но это правда. Каждый час поломки сервера обходится нашим клиентам в сумму порядка двадцати тысяч фунтов. — Он пустился в объяснения механизма работы сервера. Говорил Эндрю легко, прекрасно ориентируясь в своей профессиональной области.

— Хорошо. Что вы сделали после того, как получили повестку?

Эндрю поерзал на стуле.

— Ну, я слегка запаниковал. Двадцать минут на дорогу до детского сада, двадцать минут до серверной, итого — тринадцать тысяч фунтов, только чтобы сдать сына воспитателям.

Шепард поднял бровь:

— С такой стороны я об этом не думал.

— При моей специальности учишься считать, да. — Эндрю картинно повесил голову. — Иногда забываешь о важных вещах.

Полицейский дал собеседнику несколько секунд, прежде чем продолжить:

— Макс спал, когда вы сажали его в машину?

— Да.

Шепард занес ручку над тетрадью, стараясь как можно точнее сформулировать вопрос.

— А для него нормально спать в такое время?

— Да шут его знает, — ответил Эндрю. — После трех лет никакого «нормально» не остается, привычки меняются каждый день.

Шепард сдержанно улыбнулся.

— Лейла выглядела взвинченной, как человек, который спешит?

— Нет.

— Она не злилась на вас за неожиданную просьбу в последний момент?

— Нет. Ей обычно только в радость помогать нам.

— Можете описать ее поведение в то утро?

Эндрю задумался.

— Она выглядела как обычно. Никакой спешки, никакой тревоги. Как всегда.

— Хорошо, вы передали ребенка Лейле и отправились на работу. Когда вы поняли, что Макса нет в детском саду?

Эндрю заглянул за подсказкой в телефон.

— В районе половины двенадцатого, когда проверил голосовые сообщения. Я запускал трассировку на сервере, это долгий процесс, и у меня как раз появилась передышка.

Детектив сделал пометку в записной книжке.

— И что говорилось в сообщении?

— Звонила Джина, администратор детского сада. Она сказала, что Макса сегодня не привезли, и спрашивала, что случилось. Я запаниковал и позвонил Лейле.

Шепард изобразил удивление.

— Вы запаниковали уже тогда? Вы недостаточно доверяете свояченице?

— Да любой родитель запаникует, если ему сообщат нечто подобное.

Шепард смотрел в глаза собеседнику, готовясь к следующему, очень неудобному вопросу:

— У Лейлы могли быть причины навредить вашему сыну?

Эндрю округлил глаза.

— Н-нет. Лейла любила Макса. Это все... — Он тряхнул головой, сдерживая эмоции, и прокашлялся. — Это все трагическая ошибка.

Шепард помолчал, изучая свои заметки. Нужно было дать собеседнику время взять себя в руки.

— Можем мы немного вернуться назад в вашем повествовании? Насколько я понял, вы проверили голосовые сообщения в районе половины двенадцатого. У вас не было нужды проверить раньше, что Макс благополучно добрался до детского сада?

Эндрю непонимающе глядел на него, приоткрыв рот.

— Я... ну, сын же был с Лейлой. С чего бы мне беспокоиться?

— А как насчет вашей жены? Администратор и ей позвонила?

— Обычно они звонят только одному из родителей. Я первый в списке — фамилия Андерсон идет раньше, чем Саид, — поэтому чаще всего звонят мне.

— А ваша жена не спрашивала у вас на протяжении рабочего дня, все ли с Максом в порядке?

Эндрю сердито нахмурился.

— А многие родители во время рабочего дня интересуются, что происходит с ребенком?

Шепард кивнул и мягко ответил:

— Хорошо, я понял. — После короткого молчания детектив посмотрел на часы. — Можно поговорить с вашей супругой?

Эндрю сморщился.

— Мне кажется, ей лучше отдохнуть, если вы не возражаете.

Шепард скорчил сочувственную мину, отработанную годами работы в уголовном департаменте.

— Я понимаю, что ваша супруга сейчас в крайне уязвимом положении, и могу вернуться, когда ей будет удобнее, — заметил он и сделал паузу, дожидаясь реакции Эндрю. — Но если она все-таки может ответить на пару вопросов, это значительно ускорит ход расследования. Как-никак, мисс Саид знает свою сестру лучше всех остальных.

Эндрю согласно кивнул, и детектив понял, что оборона прорвана.

— Я спрошу у нее, — ответил Эндрю.

Кристофер проводил его взглядом. Эндрю Андерсон явно оберегает жену. Может ли статься, что она — одна или вместе с мужем — что-то сделала с Максом и решила повесить ответственность на сестру? Притянутое за уши предположение, но Шепарду доводилось встречать вещи и похуже. Он сделал заметку в дневнике: просмотреть отчет патологоанатома. Вдруг там попадутся какие-то несуразности, вроде странных симптомов или несовпадающего времени смерти.

Он посидел, прислушиваясь, потом встал и осмотрелся в кухне. Книжная полка была заставлена кулинарными сборниками. Судя по всему, супруги — фанаты Рика Стайна^[2]. Заложённый кирпичами камин служил красивой полкой, заваленной безделушками: китайский фарфоровый чайник, здоровенный пивной стакан, винтажный вечный календарь из сияющей меди. Ряд фотографий в рамках: вот юная Ясмин игриво глядит через плечо, разбросав по плечам длинные блестящие волны волос. Могла ли такая девушка убить своего ребенка? В ответ на собственный вопрос Шепард тяжело вздохнул.

— Детектив? — Ясмин стояла в дверном проеме. На ней были черные легинсы и огромная серая футболка с надписью «Императорский колледж Лондона», которая доставала ей почти до колен.

Шепард тепло улыбнулся.

— Ваша альма-матер?

Она поглядела на свою футболку.

— Нет. — Ясмин показала рукой на стоящего позади супруга. — Это его. Я не училась в университете.

— Школа жизни, да? — поинтересовался Шепард. тут же пожалев о нелепой шутке.

Ясмин села за стол, проигнорировав подкол. Детектив отметил про себя ее магнетизм: красота и мягкость движений мгновенно обезоруживали любого. Детектив осторожно, будто держал в руках драгоценную вазу, расспросил ее о вчерашнем дне и не спеша выяснил подробности ее передвижений, начиная с самого утра и заканчивая страшным визитом в больницу после звонка мужа. Потом он перевел разговор на Лейлу.

— Мне бы хотелось немного поговорить о ваших взаимоотношениях с сестрой. Вы не возражаете?

Ясмин кивнула, покраснев.

— Вы часто оставляли на Лейлу присмотр за ребенком?

Она задумалась, мысленно производя подсчет.

— Раз в две недели. Может быть, раз в неделю.

— Настолько часто?

Ясмин нахмурилась.

— Не думаю, что это так уж много. Разве много? Это она сказала?

Шепард не ответил.

— У Лейлы нет своих детей. По-вашему, она обладает достаточными навыками, чтобы присматривать за ребенком раз в неделю?

— Мы ее инструктировали.

— Но не беспокоились, оставляя Макса на ее попечение?

— Никогда.

— Лейла не жаловалась вам, что у нее проблемы с Максом?

— Нет. — Ясмин не нравились вопросы детектива. — Она планировала детей и часто говорила, что сидеть с Максом — это хорошая тренировка.

— Так и говорила?

— Возможно, не теми словами, которые выбрала я.

— То есть она не выражалась так открыто?

— Ну, они с мужем пытались зачать, поэтому я знаю, что они хотят детей, — ответила Ясмин неуверенным тоном. — Просто у них пока не получается.

— Это не провоцировало конфликты с вами?

Она потерла виски.

— Не конфликты, конечно, но иногда напряженность чувствовалась.

— В чем это выражалось?

— Когда я была беременна, Лейла не могла смотреть на меня или находиться рядом. Будто ей было больно. Потом все улеглось, но первые месяцы было странное ощущение.

— И сейчас все хорошо, так?

— Да, хотя... — Ясмин неуютно поерзала на стуле. — Иногда бывают споры. Я вижу, как она на нас смотрит — на меня, Эндрю и Макса, — когда мы бездельничаем и валяем дурака. И прямо чувствую ее взгляд.

Шепард ждал продолжения.

— Какой взгляд?

— Завистливый? — Ясмин одернула себя. — Нет, так неправильно говорить. Не завистливый, но какой-то тоскливый. Постарайтесь понять. Лейла всегда и во всем добивалась успеха. Она непревзойденная, дисциплинированная, зубами и когтями выбивает успех. Когда-то сестра решила, что ей нужно иметь детей, и когда выяснилось, что они с Уиллом не могут завести ребенка, для нее это было как пощечина. Постоянно видеть нас с Максом было для нее тяжелым испытанием, я думаю.

— И поводом для зависти?

Ясмин съежилась.

— Нет, это неподходящее слово.

Детектив сделал последнюю пометку.

— Мисс Саид, вы очень мне помогли. — Он поправил галстук и встал. — Я понимаю, как вам нелегко говорить о произошедшем.

Ясмин рассеянно кивнула. Сказанная банальность будто повисла в воздухе.

— Спасибо за уделенное время. Я вас оставляю. — Шепард направился к выходу, оставив нетронутой чашку остывшего чая.

Сев в машину, он включил на полную мощность кондиционер. Струя холодного воздуха била прямо в глаза. Вырулив на улицу, Кристофер поглядел через зеркальце заднего вида на промятое пассажирское место сзади. Возможно ли забыть ребенка? У Шепарда не было семьи, и он не мог себе представить постоянный пресс родительской ответственности, но сомневался, что можно случайно забыть в машине ребенка.

Оставить его в машине по необходимости — вот это уже более осмысленно. Родитель, в спешке забегающий в лавку при заправочной станции в поисках бутылки молока? Обычная картина. И вполне логичная. Неправильное решение, сделанное в сиюминутной горячке под давлением неожиданных обстоятельств.

С этими мыслями Шепард припарковался подле участка и добрел до своего рабочего места. На столе лежал плохо пропечатанный черно-белый лист: заключение патологоанатома. Детектив пробежал глазами текст. Предварительный диагноз: преждевременная смерть наступила вследствие гипертермического шока. Макс погиб от перегрева.

Шепард тяжело опустился в кресло. Значит, по этой части сомнений больше нет. Хотела она того или нет, Лейла Саид убила своего племянника.

Глава 4

Лейла потихоньку мерила шагами комнату, всякий раз останавливаясь у окна и рассматривая сереющее небо. Странные ощущения. Ей казалось, весь мир уже знает о том, что ее обвиняют в убийстве: таксист, который вез ее в понедельник домой из полицейского участка; почтальон, который постучал вчера в дверь; сосед, увиденный в саду вечером. Лейла пряталась от них, будто они могли наброситься на нее. Именно поэтому она сейчас ждала наступления темноты, чтобы выбраться из дому. Она оглядела пустую улицу, чувствуя, как неприятно сжимается что-то в животе. Понимая, что ей грозит за визит к сестре, Лейла не могла поступить иначе. Ей необходимо было поговорить с Ясмин, пусть даже в итоге последует наказание.

Дождавшись сумерек, она устремилась за угол на соседнюю улицу. Постучала в дверь — по привычке, будто Макс мог спать. Капризный малыш мог орать целый час, если его нечаянно разбудить. Резкий звук дверного звонка мог потревожить его сон — и тогда крики и плач начинались заново. От внезапного осознания того, что предосторожности больше не имеют смысла, у Лейлы встал в горле ком.

Щелкнула задвижка, и на пороге показалась Ясмин. Она была неумыта; через грязные спутанные волосы сквозила кожа головы. Сестры уставились друг на друга, и пространство между ними словно исказилось, подобно раздувшейся в костре консервной банке. Лейла открыла было рот, но Ясмин молча развернулась и ушла в глубь дома, оставив дверь распахнутой. Лейла осторожно ступила внутрь. Странно, насколько весь дом может поменяться в один вечер из-за трагедии. Раньше уютное и теплое, жилище сестры теперь выглядело захлавленным и тесным. Лейла сняла обувь, опираясь рукой на висящую на вешалке груду пальто и курток, которые спружинили под ладонью. Затем Лейла подошла к гостиной и замерла в дверях. Ясмин указала рукой на софу. Еще одна неудобная мебель из «Икеи» — первое серьезное вложение младшей сестры в попытку соответствовать стильным картинкам из соцсетей. Лейла не стала садиться: говорить о сложных вещах лучше стоя.

— Ты специально?

Лейла непонимающе поглядела на нее:

— Ты о чем?

— Ты специально оставила Макса в машине?

Лейла сникла.

— Я бы никогда так не сделала. Никогда.

Ясмин не отступалась:

— Понятно, что ты не хотела причинить ему вред. Но скажи, ты сознательно оставила его в машине? Всего на минутку.

— Нет. Конечно, нет.

Ясмин приблизилась к сестре.

— Ты говорила по телефону, да?

Лейла моргнула. После секундного замешательства она кивнула.

У Ясмин перехватило дыхание. Не произнося ни слова, она влепила сестре пощечину. Чистый звонкий звук удара разнесся эхом по дому.

Лейла опустила голову. Щека горела, но она не прикоснулась к лицу.

— Прости, — сказала она. Голос оставался предательски спокойным.

У Ясмин от возбуждения дрожал подбородок.

— Ты ничего не забываешь. Любую мелочь отмечаешь в ежедневнике. — Она всхлипнула. — Как? Как ты могла забыть о Максе?

Лейлу выжигал изнутри пламенный стыд.

— С кем ты разговаривала? — спросила Ясмин.

Старшая сестра покраснела.

— Из офиса позвонили, — призналась она.

Ясмин кивнула, будто этот ответ был ключом ко всему.

— Если бы ты не висела на телефоне, ты забыла бы Макса?

Лейла искала соломинку для спасения.

— Не знаю, Ясмин. Я понятия не имею, что случилось бы тогда.

— Мы заранее говорили об этом, — Ясмин махнула рукой в сторону лестницы, — мы с Эндрю. Разработали целую систему, когда начали пользоваться этим детским креслом. Я читала, что нужно оставлять на переднем сиденье игрушку или детские ботиночки, чтобы не забыть про ребенка, и сказала Эндрю, что это хорошая идея, но мы

никогда так не делали. А ты оставляешь себе напоминания о миллионе вещей.

Лейла подошла к сестре, чтобы обнять ее, но та отпрянула.

— Я не могу, — она выставила вперед дрожащие руки, — не могу к тебе прикасаться.

Лейла заговорила настойчивее:

— Ясмин, ты должна знать, что я не хотела этого. Ты обязана мне поверить.

Младшая сестра зло рассмеялась:

— Хватит. Хватит мне говорить, что я обязана делать. Всю жизнь ты мне указывала, куда идти и как себя вести. Понукала, точно какую-то скотину. А теперь ты вдруг забыла моего ребенка в машине! Худшей ошибки и быть не может, и почему-то она коснулась именно меня! Моего сына!

— Ясмин, пожалуйста, прекрати. Я не хотела этого.

— Не хотела?! — Ясмин перешла на крик. — Госпожа начальница, вечно в бегах, порхает с одной встречи на другую. Вечно в спешке. Я знаю, что тебе было некогда возиться с Максом. Не смотри на меня так! Думаешь, я этот твой тон не отличу, когда по телефону ты стараешься быть вежливой? О да, ты так ценишь свое время! Как смею я, презренный секретарь-ассистент, просить тебя, госпожу начальницу, присматривать за моим ребенком!

Лейла опустила глаза. Конечно, Ясмин ее раскусила. Как иначе. Сестра, с ее удивительно развитой эмпатией, считывала любые нюансы настроения окружающих.

Ясмин перешла на страшный шепот.

— Я спрошу еще раз, Лейла. Я понимаю, что ты не хотела причинить ему вред, но ты ведь сознательно оставила Макса в машине? Думала, на пару минут, да?

Лейла покачала головой:

— Я его любила. И ни за что не оставила бы одного.

Ясмин всхлипнула.

— Он проснулся, Лейла? Скажи мне. Он звал меня? Понимал, что умирает? Успел испугаться? Что он чувствовал? — Разрыдавшись, она рухнула на стул.

Лейла опустилась возле нее на колени. Мысль о том, что племянник мог проснуться и реветь в машине от ужаса и боли,

разрывала ее сердце на части. Она ненавидела себя. Сильнее всего остального Лейла чувствовала ненависть к себе и понимала, что сестра тоже ее ненавидит. Возможно, будет ненавидеть до конца дней.

— Он спал, — ответила она. — Все время спал.

Неважно, что они никогда не узнают правды. Это единственный ответ, который она могла дать Ясмин.

* * *

Кристофер любил работать в вечернее время: шум оживленной улицы за окном стихал, и сотрудники потихоньку покидали участок, оставляя после себя воспоминания о прошедшем дне. Детектив приблизил видео с Лейлой на экране ноутбука и присмотрелся. Запись с камеры слежения здания, в поле которой попадала часть парковки. Зернистое видео не передавало выражения лица; глаза и вовсе превратились в пару сверкающих пикселей. Время съемки 11:31, 12 июля, день смерти Макса. Лейла будто бы не паниковала, она спокойно шла по проходу, сжимая в руке телефон.

— О чем ты думаешь? — прошептал Шепард, следя за ее движениями. Выпрямленная спина и быстрые шаги говорили о напряжении, но отнюдь не страхе. Лейла вышла на улицу и покинула экран. Если тебе кто-нибудь скажет, что ты оставил в машине маленького ребенка, ты будешь идти шагом или все же побежишь? Кристофер отмотал видео назад и снова посмотрел на Лейлу. Открываются двери лифта, она выходит. Направляется прямо к машине. Лишь на краткий миг Лейла выдает свое волнение, прижав ладонь ко рту. Не зная, что происходит, можно было бы подумать, что она идет за кофе.

Шепард понимал, что реакция на кризисную ситуацию может быть очень необычной. Что означает спокойствие женщины — невинный шок или что-то более темное? Кристофер снова и снова просматривал видео в поисках любых зацепок. При личном общении Лейла произвела впечатление любящей тетушки. Но детектив знал, что внешний вид — особенно если он внушает доверие — может легко обмануть.

Он не всегда был столь циничен, но на такой работе сложно было оберегать свою веру в людей. Раньше Шепард сохранял наивное благодушие, но все разрушил случай с Корой, двухлетней малышкой,

которая фигурировала в отвратительном преступлении. Крис с коллегой посетил дом девочки, который оказался аккуратным и уютным жилищем. Джулия, изящная и яркая молодая мама с хорошо подвешенным языком и в стильном платье, их очаровала. Как такая женщина может жестоко обращаться со своим ребенком? Теперь, оглядываясь назад, Шепард мог вспомнить простые и действенные приемы манипуляции: вот она в нужный момент прикоснулась к его руке, вот пустила слезу, мило и по-детски всхлипывая. Другие матери плачут очень некрасиво, захлебываясь в истерике. Даже в том, как Джулия сжимала руки, был неуловимый оттенок сексуальности.

Шепард вспомнил день, когда в последний раз видел Кору. Из детского сада сообщили о свежих царапинах, и он вызвался съездить для разговора с Джулией — ему хотелось побыть с ней один на один. Шепард ничего не имел в виду, ему просто нравилось ее успокаивающее присутствие. Джулия встретила его, ласково улыбаясь, и привычно пригласила в дом. В те моменты, когда она подходила к нему слишком близко, воротник рубашки начинал сдавливать ему шею. Детектив понимал, что ведет себя крайне неэтично. Нельзя так относиться к свидетелю. Но Кристофер до сих пор помнил чувственный запах ее духов и не мог забыть жгучее желание ее поцеловать.

Тогда он сдержался, хотя знал, что Джулия не будет протестовать. Он неуклюже отступил и чуть не снес шкаф с посудой. Хозяйка не подняла его на смех, лишь одарила еще одной теплой улыбкой. Шепарда ослепило ее очарование, он забыл про обращение из детского сада. Ему тогда было тридцать лет — возраст, в котором пора научиться сохранять холодную голову. В тот день он сел в машину и пятнадцать минут уговаривал себя наконец уехать. Гадал, следит ли она за его машиной из-за занавески, возможно надеясь, что детектив заглушит двигатель и снова постучит в дверь.

А три недели спустя Кора погибла. С того времени прошло шестнадцать лет, но давняя ошибка по-прежнему не давала Кристоферу спать по ночам. Он не задал те вопросы, которые должен был задать. Вместо этого он с готовностью согласился на кофе и распустил хвост, будто они сидели в кафе на первом свидании. Грация и обаяние молодой матери навели на Шепарда морок.

Иногда он думал, не из-за этого ли до сих пор остается один. С тех пор Кристофер не расставался с броней. Вот и Лейла Саид вела себя как идеальная тетушка счастливого малыша, но это не снимало с нее подозрений. Если она и впрямь планировала убить ребенка, Шепард выведет ее на чистую воду.

* * *

Лейла сидела в полумраке своей кухни и глядела в окно на садик, изучая вянущую от жары траву, освещенную луной. Обычно Уилл поливал газон, но они расстались уже пять месяцев назад, и теперь она была одинока в своем чересчур большом доме. Они купили его после того, как Лейла получила свой первый большой контракт. Как они были по-детски счастливы, перебегая из одной комнаты в другую! Уилл раскачивался на деревянной балке, Лейла уговаривала его слезть, а потом он неуклюже свалился на ковер, и они хохотали до упаду. Они распределили все помещения: вот кабинет и библиотека, вот спортзал для Уилла, вот вторая спальня для запланированного первенца. Лейла мечтала о материнстве, как о божьем благословении. Если она сможет вырастить собственных детей в любви, безопасности и заботе, которых так не хватало им с Ясмин, возможно, это исцелит ее давнюю кровоточащую рану. Она очень заботилась о младшей сестре в детстве, но последующие события наводили тень на все воспоминания. Образ матери, лежащей в ванной с неестественно бледным лицом, открытыми глазами и пузырьками воздуха, зацепившимися за волосы, преследовал Лейлу всю жизнь.

Когда она получила право опеки над Ясмин, то нашла самую дешевую квартиру на проезде Фринтон. Первые их ночи там пришлись на очень холодное время, девочки дрожали от холода и натягивали на себя всю одежду, которая у них была. Вечерние смены в «Маркс энд Спенсер», работа официанткой по выходным. Лейла краснела, вспоминая те времена, потому что ей было по-настоящему стыдно. Она подбирала объедки с тарелок в кафе, прятала от сестры напоминания о долгах за электроэнергию, пробивала свежие дырки в ремне, чтобы с костлявых бедер не спадали джинсы.

Стало немного легче, когда Ясмин подростком получила первую работу в офисе. Потихоньку они выбрались из долговой ямы и стали копить, но для Лейлы это означало поражение: сестра поставила крест

на своем образовании. Не бросая работу официанткой в забегаловке, Лейла готовилась к сдаче дипломной работы. После выпускного она смогла получить место в архитектурном бюро «Фаррелл и Уайт» — по программе этнического разнообразия. Элеонор Фаррелл, миниатюрная хрупкая владелица бюро, взяла ее под свое крыло и быстро продвинула по служебной лестнице. Лейла доросла до позиции равноправного партнера, а потом, в двадцать восемь лет, покинула фирму и основала собственное бюро. Элеонора тогда, как ни странно, даже не потребовала подписать соглашение об отказе от конкуренции, только взяла с Лейлы обещание, что та не уведет за собой клиентов.

За следующие десять лет Лейла построила успешный бизнес. Тем временем Ясмин работала все в том же офисе, доросла до звания персонального ассистента и уткнулась в стеклянный потолок из-за отсутствия образования. Но сестра никогда не переживала по этому поводу: жизнь для нее вообще была устроена проще. Пока Лейла рвала жилы, младшая сестренка встретила понимающего мужчину, вышла замуж и забеременела.

В последние годы Лейла успокаивала себя тем, что успешно вырастила сестру, но все чаще признавалась себе в том, что тоскует по собственной большой семье. Отсутствие ребенка сквозило, как незакрытая форточка, и его приходилось деликатно обходить в каждой беседе. «У вас есть дети? Нет? Ох, тогда у вас наверняка куча свободного времени! Чем вы вообще занимаетесь после работы?»

Когда Ясмин забеременела, это, конечно же, стало радостью для всех. Но в тот момент Лейла пыталась выносить ребенка уже несколько лет, и то, с какой легкостью это получилось у Ясмин, воспринималось ударом под дых. Они с Уиллом прошли через пять процедур ЭКО и четыре выкидыша (одна из попыток и вовсе не дала результата). По ночам Лейла лежала в постели с открытыми глазами и приносила абсурдные клятвы: «Я брошу работу ради здорового ребенка; я отдам все деньги за здорового ребенка; да я и Уилла брошу ради здорового ребенка!» Она страстно хотела детей, и вид младшей сестры — радостной, полной сил и любви, — которой с такой легкостью удалось выносить плод, глубоко ранил Лейлу, лишенную счастья материнства.

Могут ли детективы узнать о ее отчаянии? Лейле казалось, что от нее буквально разит им. Могут ли они подумать, что она специально

убила Макса? Свихнулась от ревности? Возможно, она и правда слегка тронулась умом, раз позволила себе так поступить. Или, сама того не замечая, уже давно и глубоко психически нездорова.

Глава 5

Ясмин сидела в детской, сжимая в руках давно остывшую кружку чая. Дневной влажный воздух будто застыл в комнате — все равно что завернуться в мокрое полотенце. Ясмин чувствовала, как кожа источает липкую влагу. Она поднесла к лицу одеяло Макса и глубоко вдохнула. Одеяло пахло только лимоном — его как раз постирали. Приятный, но искусственный аромат. Эта маленькая несправедливость привела ее в ярость. Почему судьба так жестока к ней? Она швырнула одеяльце через всю комнату, но легкий кусок полотна перышком опустился на пол, не принеся облегчения.

Ей требовалась помощь, Ясмин это знала и понимала, что случится, если она откажется от нее. Она не позволила себе снова погрузиться в размышления, а вместо этого опрометью вылетела из детской и позвала Эндрю, сбегая вниз по лестнице. Он не всегда слышал ее, когда сидел у себя в кабинете. Иногда ей приходилось надрывать глотку, и она злилась на мужа, хотя понимала, что виноваты особенности здания.

В кабинете Эндрю склонился над ноутбуком, нахмутив лоб. Он поглядел на супругу. Ясмин показалось, что он понял, насколько ей нужна поддержка, и сейчас встанет и подойдет к ней.

Вместо этого он лишь спросил:

— Все в порядке? — Бесцветная мантра, которую он твердил дни напролет.

Увидев, что взгляд мужа снова вернулся к экрану, Ясмин оставила при себе невысказанную мольбу: «Нет, не в порядке. Мне нужна помощь!»

— Что ты делаешь? — спросила она, обходя стол. Прочитав поисковый запрос на экране: «Статистика детской смертности в автомобилях», Ясмин напряглась.

— Что ты делаешь? — повторила она.

Эндрю пробормотал:

— Собираю кое-какую информацию, — и потянулся, чтобы закрыть ноутбук, но она перехватила его руку.

— И что говорит твоя информация?

Эндрю замешкался.

— Говорит, что десятки детей ежегодно забывают в автомобилях.

Ясмин пригляделась к табличке на экране и ткнула пальцем в строчку с 2019 годом, где значилось число 52.

— Стольких оставили в прошлом году?

Эндрю скривился.

— Нет, столько умерло. Это статистика только по США.

Ясмин прижала кулак ко рту. Ужас ситуации был слишком велик, чтобы осознать его. Столько сломанных судеб. Разбитых семей. Уничтоженных одной нелепой оплошностью.

— Я подумал, что это может ей помочь.

— Ей?

Эндрю прокрутил страницу на экране вниз.

— Статистика говорит, что в пятидесяти четырех процентах случаев детей забывали случайно. Если это так распространено, возможно, пойдет на пользу в деле Лейлы.

Ясмин попятилась.

— Ты это для Лейлы смотришь?

Он обернулся.

— Ну да, она... — Заметив, что супруга злится, Эндрю осекся. — А не надо было?

Ясмин резко бросила:

— Эндрю, Лейла убила нашего сына.

— Она делала мне одолжение, Яс, — мягко возразил Эндрю. — Ведь это я должен был везти его в детский сад.

Ясмин закипела от ярости.

— Какая разница! Не имеет значения, должен ты был или не должен! Это она его везла. Она за него отвечала. А сама болтала по телефону, Эндрю! По своему треклятому телефону!

— Милая, мы тоже постоянно звоним друг другу с дороги.

Она покачала головой:

— Не в тот момент, когда Макс в машине.

— Ну же, милая, — Эндрю будто журил ее за нечестность.

— Что? — с вызовом спросила Ясмин.

— Ты знаешь, что это неправда.

Она сузила глаза.

— Я никогда не звонила по телефону, когда везла Макса.

Эндрю посмотрел на жену умоляющим взглядом.

— Я не звонила!

— А как насчет четверга, по дороге к стоматологу?

Ясмин огорошило, что Эндрю так легко поймал ее на лжи. От возмущения и отсутствия аргументов для спора она начала задыхаться. Злобно сбросив ноутбук мужа со стола, она отбежала к двери. Эндрю вскочил как ужаленный:

— Да что ты творишь?

— Ты бесчувственная сволочь! — заорала Ясмин. — Да как ты смеешь обвинять меня в том, что я рисковала Максом?

Эндрю сжал кулаки от бессилия.

— Я такого не говорил. Я сказал, что мы оба пользовались телефоном в машине и это не угрожало Максиму.

— Угрожало, Эндрю. Угрожало!

Муж набрал воздуха, чтобы закричать в ответ, но сумел проглотить свою злость.

— Как ты вообще смеешь мне такое говорить? — Ясмин указала рукой в сторону окна. — Как смеешь защищать ее?

— Я ее не защищаю.

— Защищаешь. — Ясмин снова сорвалась на крик: — Ты пытаешься мне объяснить, почему она не виновата!

— Я не... — Эндрю сел на край стула. — Я не защищаю Лейлу. Просто... Макс должен был быть со мной. Я должен был за ним присматривать, а сам скинул его на Лейлу и... — Он бессильно взмахнул рукой. — Если бы я на самом деле захотел, мог бы отказать начальству. Мог позвонить и сказать: извините, я занят, мне надо отвезти сына. Но вместо этого я попросил Лейлу, потому что так было проще. Не она виновата. Вернее, не только она.

— Не смей так делать. Оба не смейте — ни ты, ни она. Мой сын мертв, и вы не смее просить у меня снисхождения. Если вы оба виноваты — значит, вместе горите в аду!

Эндрю опустил голову, и Ясмин почувствовала секундный триумф оттого, что смогла уязвить мужа. Но уже через мгновение радость переросла в скорбь, Ясмин сжалась, опустилась на пол и зашла в рыданиях. Эндрю встал со стула и топтался рядом, бессильно опустив руки, опустошенный услышанными от жены обвинениями. Ясмин прижалась головой к ножке стола, обхватила руками бездушный кусок дерева и начала выть — страшно, протяжно. Эти животные вопли

были наполнены злобой и болью. Когда Эндрю нашел в себе силы подойти, она отогнала его криком, не понимая, как выразить словами гнев и скорбь, которые разрывали душу.

* * *

Шеп пытался настроить спинку кресла. После нескольких минут неудачных попыток он окликнул Мелани, секретаря отдела, и поинтересовался:

— Мелани, слушай, кто опять сидел за моим столом?

Не дождавшись ответа, он продолжил борьбу с ручкой настройки, коротко выругавшись. Детектив пребывал в плохом настроении. В основном, конечно, из-за соседского пса, который непрерывно скулил и лаял до рассвета, не дав ему выспаться. К тому же все выходные Шепарда терзала смутная догадка, которую он не мог уловить и сформулировать.

Детектив погрыз карандаш, смакуя вкус дерева, но, почувствовав свинцовую кислоту, отложил его на стол. Многие годы службы в полиции научили Кристофера тому, что подобные мысли приводят к проблемам. В тот момент, когда подозреваемый уже определен и обвинение выдвинуто, не стоит снова копаться в деталях: это очень плохая идея. Но что-то в недавнем разговоре с родителями погибшего малыша его тревожило. Шепард без конца вспоминал свой визит к ним и пытался определить, какая деталь головоломки не складывается.

Расправившись наконец с креслом, он откинулся назад, закрыл глаза и вспомнил коридор дома Андерсона. Коллеги подтрунивали над его привычкой уходить в «чертоги разума», будто недоделанный Шерлок Холмс. Но зато детективу удавалось отчетливо вспомнить все детали. Вот он идет по захламленному коридору, входит в пространство хорошо освещенного зала, объединяющего в себе кухню и гостиную. Вот глядит на палисадник за окном, на маленькую дверку для кота в правой нижней части двери. Кристофер попытался вспомнить, было ли еще что-нибудь, связанное с котом: когтеточка, миска с водой, лоток? Возможно, кот был раньше, но теперь его не держат.

Ладно, что там дальше? Он продолжил умозрительный осмотр. Вот камин, фотографии на полке: счастливое семейство; Макс в объятиях матери. У Шепарда не было своих детей, но имелся большой опыт

работы с семьями, и детектив понимал, что ребенку на фотографии примерно два года. Значит, фото сделано в прошлом году.

Шепард нахмурился и открыл глаза. У Ясмин на фотографии — стильное каре, сияющий ореол волос, которые едва доставали до подбородка. На прошлой неделе у нее были волосы ниже лопаток. Сорок сантиметров роста в год — такое вообще возможно? Детектив пробежался пальцами по клавиатуре. Экспресс-обращение к духам Гугла. Ответ очевиден: в среднем волосы у женщин вырастают на пятнадцать сантиметров в год. Фотографии явно больше года, но почему тогда Макс не вырос?

В голове забил набат. Дурная догадка заставила Кристофера зайти в административную базу. Сводный реестр всех рождений, смертей и свадеб на территории Англии и Уэльса. Вбив в поисковую строку имя и дату рождения матери, Шепард пролистал справочную информацию, все еще надеясь, что ошибся. Но нет, вот и ответ.

— Боже правый, — протянул детектив, вчитываясь в больничную запись. Всего лишь утро понедельника, а неделя уже обещает быть тяжелой. Органы опеки ему спасибо явно не скажут, но раз уж Кристофер наткнулся на новую информацию, скрывать ее тоже смысла не было. Потерев лоб в раздумьях, он схватил сумку и пошел к выходу. — Через час вернусь! — крикнул он Мелани, ощупывая карманы в поисках ключа от машины.

* * *

Лейла шагала в офис от автобусной остановки. Ее машина все еще находилась в полицейском участке у экспертов. Даже в балетках ноги страшно потели, и она чувствовала, как нагревается от асфальта подошва. Лейла заметила жирное пятно на подоле юбки и задумчиво разглядывала его несколько секунд. Она и забыла, какая грязь царит в лондонских автобусах. Лейла чувствовала ее всей кожей, как будто тело покрыл толстый слой высыхающей на солнце глины.

Оказавшись в холле, Лейла прошла прямо к лифту. Внутри она поглядела в зеркало, выпрямилась и взяла себя в руки. В лофте на пятом этаже из дверей лифта появилась совершенно другая женщина. Лейла прошла к своему угловому кабинету, слыша, как стихли разговоры коллег в зале. Пара человек попыталась продолжить беседу, как будто ничего не произошло, но их сдавленные голоса звучали

неестественно, натужно. Внутри кабинета Лейла нащупала кнопку, закрывающую жалюзи на стеклянных стенах, чтобы спрятаться от излишнего внимания. После этого она рухнула на стул и положила голову на руки, стараясь не смазать макияж. Сегодня куча времени ушла на то, чтобы привести себя в порядок: рука со щеточкой для туши дрогнула и оставила длинную черную полосу на щеке, помада смазалась с ямки над верхней губой, волосы спутались в клубок. Лейла планировала прийти в офис раньше всех подчиненных, но пришлось заново наносить весь макияж.

Она включила компьютер. Обычно Сьюки заранее запускала его, но сегодня, по всей видимости, решила, что начальница не придет. Позвав ассистентку и попросив чашку кофе, Лейла пролистала заголовки новостей: сначала «Архитектурный обзор» и «Метрополис», а потом, вздохнув, переключилась на «Гардианс». Новость в боковой рекламной колонке гласила: «Лондонского архитектора обвиняют в убийстве племянника». У Лейлы сбилось дыхание. Такие прямолинейные слова, лишенные подробностей и нюансов. Она перечитала заголовков с десятков раз, пока буквы не утратили всякое значение. Наконец трясущейся рукой она прикоснулась к мышке и открыла ссылку.

В статье почти не было информации, но зато присутствовали высокопарные обороты вроде «раскаленная тень стеклянного монстра в испепеляющей летней жаре». Где-то в глубине тела, в желудке, начало неприятно крутить. Лейла потянулась за салфеткой, чтобы вытереть пот с лица, и подскочила от неожиданного стука в дверь.

Тихо войдя, Сьюки поставила кофе на стол начальницы. Девушка была талантлива и быстро осваивала профессию, но ее чрезмерно кроткая манера держать себя иногда раздражала. Сьюки задержалась возле стола, и Лейла подняла на нее глаза.

— В чем дело? — поинтересовалась она у ассистентки.

Сьюки переминалась с ноги на ногу.

— Я просто хотела спросить, не нужно ли вам что-нибудь еще.

Лейла слегка улыбнулась:

— Нет, кофе достаточно.

Подождав, пока за девушкой закроется дверь, Лейла тяжело откинулась в кресле. Она действительно собирается заниматься

делами? Сидеть у себя в кабинете, управлять компанией и делать вид, что все в порядке?

Снова стук в дверь, и Лейла уже готовилась зло огрызнуться, но в кабинет заглянул ее партнер Роберт Гарднер и вопросительно показал пальцем на стул.

Лейла согласно кивнула.

— Кофе хочешь?

Роберт покосился на графин с виски, который стоял у нее за спиной. Лейла не любила виски, но держала его для правильного антуража. «Я одна из вас, — как бы говорила бутылка посещающим кабинет начальницы мужчинам, — мне можно доверять».

— Нет, обойдусь, — Роберт махнул рукой.

Лейла понимающе кивнула.

— Спасибо, что зашел.

Гарднер ответил грустной ухмылкой. Лейла постоянно подкалывала его за редкие визиты на рабочее место. Ей казалось, что Роберт переложил ведение всех дел на Джайлса, своего заместителя, и валяет дурака. Не то чтобы деловой партнер был лентяем; он просто не любил рутины и постоянно повторял, что сорок пять — это отличный возраст, чтобы начать отходить от дел.

— Я решил, что с моей стороны предусмотрительно будет нанести тебе визит. — Он задумчиво поводит пальцем по деревянной столешнице, не зная, как подступиться к предмету разговора. — Ты как вообще?

Лейла смерила его подозрительным взглядом.

— Ты правда хочешь знать? — Роберт был наименее сентиментальным человеком из всего ее окружения.

Гарднер наклонил голову.

— Ты уверена, что стоило сегодня приезжать?

— Что ты имеешь в виду?

Партнер, колеблясь, потер затылок. Пора отбросить сантименты и говорить начистоту.

— Прошла всего неделя... с момента трагедии. Ты не хочешь немного прийти в себя?

Лейла уловила его колеблющийся тон.

— Ты меня спрашиваешь или даешь рекомендацию?

— Я никогда тебе не указывал, что и как следует делать. Ты же знаешь, Лейла.

— Тогда к чему ты клонишь?

Роберт вздохнул, вынужденно отбрасывая дипломатичность.

— Проект банка «Мерсерз». Мне кажется, сейчас стоит передать твои обязанности Джайлсу.

Лейла оторопела. Джайлс Сэлтер был первым сотрудником фирмы, которого целенаправленно нанял Гарднер. Он был из той породы мужчин, что слишком близко наклоняются, глядя в экран компьютера коллеги через плечо, и частенько позволял себе говорить с Лейлой свысока, хотя в компании она была выше по статусу. Она постоянно замечала, что в те моменты, когда они вместе входят в переговорную, клиенты обращаются сначала к нему, будто он был старшим, и Сэлтер не поправлял их. Уже несколько лет Лейла и Роберт постоянно спорили по поводу присутствия Джайлса в компании.

Партнер прекрасно уловил ее тревогу.

— Прежде чем ответить, прошу, послушай меня. Я знаю, что ты недолюбливаешь Сэлтера, но он принес нам в этом году больше двух миллионов — а ведь еще только июль. Клиенты его обожают, у него бешеная работоспособность. — Гарднер поднял палец, прося у партнера позволения закончить мысль. — Если я не путаю, суд у тебя назначен на декабрь. До него всего пять месяцев. Если ты продолжишь вести проект «Мерсерз», как мы выкрутимся в следующем году?

Лейла раздраженно ответила:

— Будем решать проблемы по мере поступления.

Роберт цокнул языком.

— Ты знаешь, как осторожно ведут себя эти старые бренды. Стоит появиться хотя бы слухам о том, что у нас проблемы, как мы вылетим из игры.

— Но контракт к тому времени будет уже подписан.

Роберт покачал головой в ответ:

— Не будь такой наивной, Лейла. Медовый месяц не растянется на весь год. Если они узнают что-то про твое дело, тут же перебегут с заказом к кому-нибудь из больших акул. Нам надо защитить бюро.

— Ладно, и чем ты предлагаешь мне заняться? Нянчить стажеров? Продавать печенье для сбора средств в пользу приюта для животных?

Гарднер облокотился на стол.

— Я прошу тебя взять творческий отпуск. Оплачиваемый, разумеется.

Лейла подалась вперед, точно так же положив локти на стол, и посмотрела Роберту в глаза.

— А если я откажусь?

Он внимательно изучил ее лицо.

— Если откажешься, я расторгну партнерство согласно пункту о репутационных потерях.

Лейла округлила глаза.

— Ты не посмеешь. — Она сумела сохранить холодный тон, но внутри запаниковала. Не верилось, что многолетний партнер и доверенное лицо угрожает вышвырнуть ее из компании.

— Мне бы не хотелось так поступать, — Гарднер вздернул подбородок, — но выбора нет.

— Роберт, — взяв себя в руки, мягко произнесла Лейла. Взвесив варианты, она поняла, что у Гарднера на руках все козыри: учитывая уголовное преследование и тяжесть обвинения, Роберт с легкостью мог доказать в суде, что Лейла навлекает на компанию дурную славу, и лишит ее статуса партнера. — Как ты себе это представляешь?

Он сплел пальцы рук.

— Лейла, я уважаю тебя больше всех, с кем мне случалось работать. Но иногда приходится нарушать границы и защищать друг друга от нас самих. — Роберт сделал паузу. — Помнишь, что было три года назад? Что со мной случилось бы, не вмешайся ты тогда? — Он подбородком показал на графин с виски. — Разве ты не грозила мне тем же самым?

Лейла вспыхнула от стыда.

— И что теперь? Расплата?

— Нет, — терпеливо возразил Роберт. — Я лишь пытаюсь сохранить предприятие. Все, чего я прошу, это чтобы ты на время передала дела и отдохнула.

Лейла пыталась мыслить рационально. Из опыта она знала, что с Робертом лучше сохранять рамки приличий и не выпускать наружу эмоции.

— Я не буду брать творческий отпуск, — ответила Лейла, — но могу работать из дома.

Гарднер задумался.

— Хорошо, — согласился он. — Но постарайся не светиться, ладно?

— Конечно, — ответила она с ледяной улыбкой.

Роберт облегченно выдохнул.

— Спасибо. И поверь, мне жаль, Лейла.

— Прямо-таки жаль?

Он встал и одернул брюки.

— Больше, чем ты думаешь. — Роберт горько улыбнулся и покинул кабинет, осторожно прикрыв дверь.

Лейла крутнулась в кресле, чувствуя, как земля буквально уходит из-под ног. Впервые в жизни она не видела выхода. Ее брак рушится, семья разбивается на осколки, а теперь и дело всей жизни, единственное, на что еще можно опереться, ускользает из рук.

* * *

Шеп осторожно постучал и прислушался к шагам в глубине дома — твердым и четким. Эндрю Андерсон открыл дверь, и на лице его под маской гостеприимства легко читалось раздражение.

— Детектив, — вежливо поприветствовал он гостя, изображая недоумение.

— Мистер Андерсон, — Шепард протянул руку в приветствии. — Эндрю, — поправил он сам себя. — Мне неловко вваливаться к вам без предупреждения, но могу я украсть несколько минут вашего времени?

Эндрю оглянулся на коридор.

— Что вам надо?

Кристофер развел руками.

— Мне просто надо задать вам и мисс Саид — Ясмин — несколько уточняющих вопросов. — Он замер в ожидании, не желая давить. Детективу хотелось увидеть обоих родителей, чтобы посмотреть на их реакцию.

Эндрю распахнул дверь пошире:

— Конечно, проходите.

Шепард вошел и тут же направился в гостиную, где, как он помнил, на каминной полке находилась нужная фотография. Ясмин в черных легинсах и сером джемпере на несколько размеров больше, чем надо, стояла за кухонной стойкой. Шепард отметил, что она красивее Лейлы,

но не обладает той холодной невозмутимостью, которая придает ее старшей сестре притягательную загадочность. Детектив подождал, пока супруги сядут плечом к плечу, словно готовясь к обороне. Он устроился напротив них, потом слегка повернулся и указал рукой на каминную полку:

— Вы позволите?

Ясмин кивнула, недоуменно нахмурившись.

Шепард снял фотографию, оставив на полке чистую полоску, выделяющуюся в слое пыли. Поставив снимок на стол, детектив развернул его так, чтобы фото было видно всем троим.

— Кто это? — показал он на мальчика на картинке.

Тень пробежала по лицу Ясмин. Она откинулась на стуле и скрестила руки, словно защищаясь. Эндрю судорожно сглотнул раз, потом другой, пытаясь выдать ответ.

Шепард терпеливо ждал ответа, наблюдая за супругами. Повисла напряженная тишина.

Наконец Андерсон прочистил горло и ответил:

— Это наш сын. Тоби.

Детектив почувствовал, как участилось сердцебиение. Интуиция вела его в правильную сторону.

— Что с ним случилось?

Эндрю глубоко вдохнул.

— Он умер.

Шепард тщательно следил за тем, чтобы его голос звучал помягче.

— Давно?

— Четыре года назад.

— Сколько ему было лет?

Эндрю нервно поерзал на стуле.

— Три года.

— Столько же, сколько Максу?

— Да.

Детектив взглянул на Ясмин. Она проедала взглядом столешницу, будто сидела на кухне одна.

— Что с ним случилось?

У Эндрю на виске запульсировала жилка.

— Все есть в его медицинских записях.

Шепард ответил умоляющим взглядом, будто резкая отповедь причинила ему боль.

— Конечно. Но я хотел бы услышать это от вас.

Ясмин не шевелилась. Она смотрела в стол отсутствующим взглядом, будто и не слышала разговора.

Эндрю взял со стола пустой стеклянный стакан и сжал его в ладонях, будто желая сломать.

— Тоби родился в две тысячи четырнадцатом. Он был нашим первенцем, мы безумно радовались его появлению. — Он горько усмехнулся. — Страшно уставали, но радовались. Мы тогда жили в жуткой квартире в Лейтоне, продуваемой со всех сторон, с постоянно включенным обогревателем. Шум от трассы доносился даже при закрытых окнах. Но мы были счастливы. Тоби был чудесным малышом. Я знаю, все родители так говорят, но он и правда был чудесный. Все вокруг нам это твердили. Первые дни прошли на удивление легко. — Он покосился на супругу. — Ясмин прекрасно справлялась с ролью любящей матери. Она... просто сияла. Но в какой-то момент мы начали замечать странности: ссадины на коже Тоби там, где ему натирала одежда. Потом он начал покрываться волдырями.

Мы сходили к врачу и выяснили... и выяснили, что у Тоби БЭ: буллезный эпидермолиз. — Эндрю закрыл лицо рукой. — Это генетическое заболевание кожи. Можете сами почитать. Я не хочу... — Он помотал головой, отгоняя страшные воспоминания. — Он умер от заражения крови в возрасте трех лет... вот что случилось с Тоби.

Шепард внимательно наблюдал за собеседником, но чувствовал лишь, что поставил себя в тупик. Он был уверен, что заметит в Эндрю чувство вины, но видел лишь чистую и светлую скорбь.

Андерсон продолжал, никем не прерываемый.

— Когда моя жена снова забеременела, врач предупредил, что ребенок с высокой вероятностью может страдать БЭ, один шанс к четырем, потому что и у меня, и у Ясмин есть этот ген. Мы были в ужасе, но Макс родился идеальным.

Эндрю закашлялся. Ясмин не вмешивалась, опустив голову и безвольно уронив руки на колени.

— Я очень сожалею, что напомнил вам об этих переживаниях, — сказал Кристофер. Он тщательно подбирал слова для следующего

вопроса. — Я был удивлен, что вы ничего не рассказывали о первом сыне.

Эндрю напрягся.

— А надо было? — Он мельком глянул на жену. — Информация есть в медицинской карте.

Детектив заметил нотку смятения в голосе мужа — не метания уличенного преступника, но скорее беспокойство законопослушного гражданина, который опасается, что нарушил какое-то правило.

— Нет, конечно, — успокоил его Шепард. — Вы не могли бы дать нам доступ к его медицинской карте?

Эндрю кивнул, безмолвно подписывая подвинутую Кристофером форму разрешения.

— Я вас честно предупрежу, детектив. Там много всего, и большая часть просто... — он замешкался в поисках правильного слова, — просто кошмарна.

— Понимаю, — кивнул Шепард. — Мне всего лишь надо уточнить детали.

В разговоре повисла пауза, и детектив понял, что исчерпал лимит гостеприимства. Собрав бумаги, он аккуратно уложил их в папку.

— Еще раз прошу простить меня за вторжение. Теперь я пойду, а вы отдыхайте.

Эндрю проводил его к выходу.

У двери Кристофер обернулся и показал рукой в сторону кухни:

— Как ваша жена?

— Справляется, — поспешно ответил Эндрю. Он открыл дверь в ожидании, пока Шепард покинет дом. — До свидания, детектив.

Полицейский вернулся в свою машину, оглушенный жарой. Сел, растер шею под взмокшим воротником, ослабляя удавку галстука. Такое было сложно переварить. Ясмин Саид и Эндрю Андерсон потеряли двух детей — и обоих, очевидно, не по своей вине. В голове не укладывалось, что такое вообще бывает. Шепард закрыл глаза и прислушался к спокойному стрекотанию кондиционера. Было бы славно, подумал он, отдохнуть сейчас пару минут.

* * *

Лейла поставила продукты на ленту кассы: контейнер с лапшой быстрого приготовления, замороженные овощи для жарки, банку с

маринованными чили и пеструю упаковку соуса. Она поправила каждый продукт, чтобы они лежали под прямыми углами. Последние дни Лейла упорно боролась с этой напастью: желанием переставлять вещи, занять руки хоть чем-то. После разговора с Робертом она вернулась домой, чтобы в растерянности блуждать по пустой кухне, будто лодка, унесенная от причала бурей. Ей казалось, что она рассыплется в пыль, если остановится хоть на минуту. Лейла даже вышла на пробежку в тридцатиградусное пекло — это чуть-чуть помогло, но лишь на пару часов. Под вечер, страдая от безделья, она устремилась в супермаркет за едой, в которой не было нужды.

Кассирша, грузная дама в сияющем ореоле светлых кудряшек, поприветствовала клиентку. Сканируя код на каждом товаре, она улыбалась Лейле, будто чувствовала ее болезненное состояние и пыталась поддержать. Эта мягкость и открытость в лице кассирши развязали какой-то внутренний узелок, у Лейлы задрожали губы, и по щекам беззвучно покатались слезы. Кассирша остановилась и внимательно поглядела на посетительницу.

— Ох, дорогая! — Она оглянулась, будто ища помощи.

Лейла подняла ладонь, показывая, что все в порядке. Ее раздосадовало собственное проявление слабости.

— Что случилось, милая? Вам нужна помощь?

От успокоительного материнского тона Лейла только пуще зарыдала. Потом она провела пальцем под линией ресниц, смахивая слезы.

— Простите. — Стараясь успокоиться, Лейла трясущимися руками собрала оплаченные товары. — Все хорошо.

— Может, позвать кого-нибудь?

— Нет, спасибо. — Лейла осторожно указала на последние две упаковки, которые остались на ленте, и кассирша быстро их просканировала.

— Все уладится, дорогая, — заверила она на прощание. — Я обещаю!

Лейла заплатила и поспешно покинула магазин. Снаружи она огляделась в поисках укрытия, но площадь перед супермаркетом представляла собой открытое плоское пространство. Наконец Лейла просто повернулась лицом к стене и зашлась в рыданиях. Она пыталась совладать с собой, но плечи продолжали сотрясаться от

всхлипов. В такие моменты было бы замечательно позвонить маме или тете — но в их семье не было старших родственников, только она и Ясмин. Мимолетная мягкость незнакомой женщины ярко напомнила Лейле о ее сиротстве.

— Лейла? — спросил удивленный голос за спиной.

Обернувшись, она увидела на краю тротуара Уилла. Заметив ее слезы, он инстинктивно бросился к супруге.

— Солнце мое, — Уилл прижал Лейлу к груди.

Закопавшись лицом в его футболку, она постаралась унять рыдания.

— Что ты здесь делаешь? — пробормотала она и почувствовала движение его плеча, когда он указал рукой на вход в магазин.

— К тебе шел. Решил взять по дороге чего-нибудь.

— Где ты был? — Лейла поняла, что злится на мужа. Она знала, что больше не вправе претендовать на его личное время, но ожидала, что Уилл постарается быть рядом после событий минувшей недели. Вместо этого она получила лишь несколько эсэмэсок.

Уилл сжал ее в объятиях.

— Прости. Я собирался прийти раньше, но работал с утра до ночи.

— Но сейчас-то ты останешься? — спросила она дрогнувшим голосом.

Он поцеловал ее в макушку, потерся носом о мочку уха.

— Конечно.

Лейла бессильно повисла на муже, и они побрели к дому. Она вцепилась пальцами в ладонь Уилла, будто он пытался убежать. Обхватив жену одной рукой, Уилл нашептывал ей на ухо успокоительные нежности, пока они не дошли до площади Тредегар. Лейла поглядела в конец улицы, туда, где ее дом почти смыкался с домом Ясмин, стоявшим за углом.

— Они так близко. Мне никуда от этого не сбежать.

— Я понимаю, солнышко.

В доме они сразу прошли в кухню. Уилл поставил на стол ее пакет с продуктами.

— Прости, что не смог быть рядом. Мой редактор требует... — Увидев недовольный взгляд супруги, Уилл махнул рукой и забросил оправдания. — Неважно. Сейчас я с тобой, и все будет хорошо.

Он снова притянул Лейлу к себе, и они долго стояли молча, обнявшись, ощущая странную близость, в которой застревают пары, не в силах окончательно разойтись.

Потом Лейла чуть отстранилась.

— Я разрыдалась в супермаркете. Как раз перед твоим приходом.

— Милая! — Уилл, не отпуская ее, потянулся к столу, чтобы достать салфетку из серебряной салфетницы.

Лейла вцепилась в кусочек бумаги.

— Я просто... Просто слонялась по дому, делала вид, что все в порядке, а потом пришла в магазин, и та женщина была так добра ко мне, и я... распустила нюни.

Уилл нежно погладил ее по подбородку.

— Ты всегда пытаешься все решить самостоятельно.

Лейла подняла на мужа глаза, почувствовав щемящий приступ желаний.

— Мне тебя не хватало.

Он опустил голову.

— Мне тебя тоже. — Помолчав, он показал ей на стул: — Сядь. Я приготовлю ужин.

Лейла покорно выполнила указание. Ее радовала легкость, с которой Уилл ориентировался на ее кухне.

Она смотрела, как супруг безошибочно порхает от шкафа к шкафу. Сначала Уилл разобрал пакет из супермаркета, недовольно поцокал языком при виде готовой лапши, убрал продукты в холодильник. Выбрал из овощей перезрелые, разложил на разделочной доске. Он обожал готовить: изысканная кухня тешила его самолюбие и подтверждал имидж альфа-самца. Ясмин, тоже фанатка кулинарии, иногда готовила с ним вместе, охая и ахая при виде плиты с шестью горелками и огромного американского холодильника.

В такие моменты Лейла и Эндрю сидели за столом и хитро переглядывались, пока их партнеры страстно обсуждали мелкие детали вроде того, стоит ли тушить маринованное филе лосося на водяной бане или запекать в духовке в банановом листе. Те вечера были такими уютными и теплыми. Но теперь безвозвратно ушли в прошлое.

Уилл на скорую руку приготовил пасту с соусом из трюфелей и шалфея. Порывшись в винном шкафу, он извлек оттуда бутылку белого

и поставил все на стол. Зажигая свечи, он внимательно посмотрел на супругу.

— Ты справляешься, — произнес он скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Я... — Лейла не сдерживала эмоций, ее неловкие движения выдавали переживания, будто они были совсем близко, под тонким слоем кожи. Чиркни ногтем — и хлынет страдание. — Я не перестаю думать про то утро.

— Хочешь поговорить? — мягко поинтересовался Уилл.

— Я... понимаешь, у меня в голове будто чистый лист. — Лейла несколько раз сложила влажную салфетку. — Я перебираю в голове каждый момент и пытаюсь понять, где отключилась. Виноват даже не звонок из офиса. Как только Макс оказался в машине, я забыла о нем, будто кто-то на выключатель нажал. Я думала о чем угодно — о чертежах, о встрече, о том, успею ли выйти на пробежку... Но ни разу не подумала о том, что мне надо отвезти ребенка в детский сад. В голове ничего не было.

Уилл пригубил вина, внимательно глядя на жену. Лейла беспомощно развела руками.

— Если бы он пошевелился или издал какой-нибудь звук, сделал бы хоть что-нибудь, я бы вспомнила, что он в машине, но он спал молча, его вообще не было слышно, и вот... и вот я забыла.

Уилл протянул руку и сжал ее запястье чуть крепче обычного.

— Как ты себя чувствовала, когда поняла свою ошибку?

Рука начала потеть, и Лейла аккуратно избавилась от хватки Уилла.

— Ударилась в панику. Знаешь, такая абсолютная паника, как будто пожарная сирена в голове орет. Я знала, что произошло, еще до того, как открыла дверцу машины. Меня просто разрывало на куски. — Она съежилась. — Я до сих пор не могу поверить, что допустила такое.

— Это не твоя вина, — Уилл придвинул свой стул ближе к ней. Ножки скрипнули, царапнув дубовый пол. — Эй, — муж подождал, пока Лейла не поглядит на него, и настойчиво повторил: — Это не твоя вина.

Она фыркнула.

— Конечно, это моя вина, Уилл.

В глазах у него что-то мелькнуло, какая-то злая искорка, но он возразил:

— Нет, Лейла. Ты оказывала им большую услугу. Ты этого не видишь, но они постоянно пользовались тобой.

— Нет, Уилл, они...

— Так и есть, Лейла. И ты это прекрасно знаешь. Господи, да они сели тебе на шею. Во-первых, переехали поближе, чтобы ты могла чаще помогать, — причем деньги на переезд тоже дала им ты. А между прочим, Эндрю зачем-то купил новую машину.

— Уилл.

Но его уже понесло:

— Они просили тебя нянчиться с ребенком каждую неделю, зная, как это тебя ранит.

— Они не знали.

— Да конечно знали! Мы пытались зачать годами. Как они могли не понимать, насколько тебе тяжело приглядывать за Максом? Глядеть, как он кричит, что хочет к маме. Любить его больше всех на свете, но знать, что ты ему всего лишь тетя?

— Хватит! — обрубил Лейла тираду мужа. Она не хотела этого слышать, хотя понимала, что муж говорит правду. У нее случались периоды, когда сидение с Максом превращалось в сущую пытку, и Ясмин тут была ни при чем. Возможно, сестра с мужем и правда злоупотребляли иногда ее отзывчивостью, но для этого, в конце концов, и нужна семья.

Уилл отвел с ее лица непослушный локон.

— Ты оказывала им услугу. Эндрю мог не бежать на работу поджав хвост, и он прекрасно это знал, но предпочел скинуть ребенка на тебя, вместо того чтобы выдержать неприятный разговор с боссом. Это его вина. Не твоя.

Лейла не стала возражать, потому что промолчать было проще, чем настаивать на правде. Она знала, что виновата, и ей нужно было это самобичевание.

Они долго разговаривали, наблюдая, как свет уходящего солнца ползет по стене кухни. Даже когда стало совсем темно и свеча догорела, супруги не встали, чтобы зажечь свет. Уилл вылил остатки вина в ее бокал.

— Можно мне остаться сегодня? — спросил он.

Лейла не спешила с ответом.

— Я думаю, это плохая идея.

— Ну пожалуйста!

— Брось, Уилл, — мягко возразила она.

Он карикатурно наклонил голову и сложил брови домиком.

Лейле понадобилось все самообладание, чтобы не сдаться.

— Не сегодня.

Уилл нехотя поднялся.

— Хорошо, если ты считаешь, что так будет лучше. — Он потянулся к ней и поцеловал в губы, одной рукой зарывшись ей в волосы, а другой придерживая за шею.

Лейла судорожно выдохнула, чувствуя, как накатывают старые эмоции.

— Уилл, можем мы поговорить, когда это все закончится?

Он мягко кивнул:

— Я буду счастлив. — Поцеловав ее еще раз, он ушел.

Лейла собрала тарелки и поставила их в посудомойку, потом взяла недопитый бокал и пошла в гостиную к дивану. Вспомнила кассиршу в супермаркете, которая пробила ее оборону. В тот момент Лейла жалела, что рядом нет матери, но сейчас, одна в своем доме, она достаточно успокоилась, чтобы признать горькую правду: мать не смогла бы ей помочь. Она была взбаламошной и непрактичной, постоянно вляпывалась в какие-то финансовые пирамиды и дешевые аферы. Когда Лейле было двенадцать, мама постоянно твердила, что в следующем году они полетят в Канаду. «Первым классом!» — повторяла она. Будучи слишком юными, чтобы усомниться в ее словах, Лейла и пятилетняя Ясмин вечера напролет проводили в мечтах о том, что их ждет в Канаде: лыжи, санки, белые медведи! Девочки не могли знать, что мать взялась за надомную работу, угодив на низшую ступеньку гигантской финансовой пирамиды. Получив после двух месяцев работы письмо с тремя фунтами стерлингов, мама впала в уныние. Они всегда использовали этот эвфемизм — «уныние». Мать могла месяцами лежать в пыльной комнате с закрытыми шторами, снедаемая мигренью, постанывая от каждого шороха.

Когда мама умерла, coroner признал ее смерть суицидом. Лейла помнила, как назначенный муниципалитетом психотерапевт не разрешал ей говорить, что мать совершила самоубийство, поскольку это звучало как преступление. Лейла только злилась. Разве не

преступление обречь собственных детей на выживание без чьей-либо помощи?

Лейла допила остатки вина. Как трагично и глупо сложилась жизнь, подумала она. Они были детьми без матери, а теперь стали матерями без детей. Эта мысль будто парализовала ее, и она рухнула на диван, не в силах пошевелиться. Через несколько минут, а может быть, часов она расстегнула пуговицы на юбке, стянула ее через ноги и повесила на спинку. Завернувшись в декоративное покрывало, Лейла провалилась в болезненную полудрему. Завтра надо найти психотерапевта для Ясмин. Она знала одного специалиста. Он поможет сестре, и та справится с горем.

* * *

Ясмин глядела на отпечатки на обоях: крошечная ладонь новорожденного, красная смазанная полоса с его первого дня рождения, еще два отпечатка — двухлетнего и трехлетнего ребенка. Единственные следы Тоби, оставшиеся в комнате. Когда они с Эндрю ремонтировали комнату перед рождением Макса, только с этим воспоминанием о первенце Ясмин не решилась расстаться.

Она часами глядела на отпечатки, с тех пор как ушел тот детектив. Ясмин слышала, как они с мужем перешептывались в коридоре, и знала, что на самом деле гость спрашивал: «У вашей жены все в порядке? Или она свихнулась от горя?» Она понимала, что ее стремление закрыться ото всех нервирует окружающих, но иногда нужно сбросить с себя груз социальной ответственности и направить все силы на поддержание самой себя. С какой легкостью тот мужчина задавал вопросы, которые сотрясали основы ее мироздания! Такой крупный, неотесанный, крепкий, он не мог даже представить себе, что она пережила. Эндрю лучше нее справился с трагедией, запрятав ужас тех лет в несколько аккуратных предложений и виртуозно скрывая боль за безличными предложениями: «Нам сказали, что... врач объявил, что...»

В вихре воспоминаний Ясмин уже не знала, кого из сыночек оплакивать. Жизнь Тоби была короткой и болезненной, она во многом состояла из страданий. Ясмин помнила, как доктор, поставивший диагноз, рекомендовал им не читать про симптомы. От его напряженного тона кровь застыла в жилах. Дома Ясмин окунулась в

интернет, пытаюсь понять, что ее ждет, но ни форумы, ни медицинские библиотеки, ни картинки не смогли подготовить ее к грядущему. Кожа Тоби была такой уязвимой, что начинала кровоточить от любого неосторожного прикосновения. Даже швы нижнего белья оставляли на ней открытые раны. Мальчик не мог нормально есть, поскольку заболевание сказалось и на слизистой: во рту у него тоже постоянно были болезненные волдыри. Худшим испытанием стали воспаленные слезные железы: ребенок неделями лежал в темной комнате, ослепнув, невидимый и неприкасаемый, не в силах пережить свой страх, не в силах понять, почему мама не может его утешить. Те годы были кошмаром наяву, и Ясмин смогла пережить его только потому, что кошмар стал для нее обыденной реальностью. Ощущение ужаса не покидало ее и после смерти Тоби, и лишь рождение здорового Макса изгнало страх. И вот она лишилась и второго сына, тоже по нелепому стечению обстоятельств. Ясмин не понимала, как пережить новый удар. Даже непрекращающееся оцепенение служило плохим убежищем.

Снаружи копошился Эндрю, раздосадованный визитом полицейского. Ясмин понимала, чего опасается муж. Однажды после смерти Тоби она наглоталась таблеток перед воскресной ванной. Эндрю нашел ее без сознания в давно остывшей воде. Что было дальше, Ясмин помнила смутно: молочно-белая вода ванны, точь-в-точь как та, в которой они нашли маму; Эндрю неуклюже сушит ей волосы, пытаюсь перекричать шум фена; боль в животе, которая пронзила нутро с такой силой, что хотелось прекратить ее любым способом. Ясмин очнулась на больничной койке и сразу наткнулась на взгляд мужа. «Я не хотела! — воскликнула она. — Я не пыталась покончить с собой!» Эндрю ей не поверил. Он крепко, до боли, схватил ее за руку и умолял больше так не делать. Потом муж сломался и зарыдал, уткнувшись лицом ей в живот, будто напуганный ребенок. Ясмин хотела накричать на него, потому что ее заполняла собственная боль и не было сил утешать еще и Эндрю. И даже когда она заставила себя погладить мужа по голове, она сделала это грубо, напряженно, будто обвиняя его в том, что он не может поддержать ее и сам распустил нюни. Это она мать, она выносила Тоби в своем теле, она совершила путешествие на грань жизни и смерти, вернувшись оттуда с победой. Это ее право — рыдать в отчаянии. Это ее боль.

Ясмин начала укорять мужа за эту минуту слабости, за трясущиеся губы и слезы. Даже применила запрещенный прием: «Ты никогда не вел себя как девчонка!», удовлетворившись ядом в ответном взгляде Эндрю. После этого он уже никогда не расслаблялся, сжимая зубы всякий раз, когда незнакомцы заговаривали о смерти. И когда бы супруги ни глядели друг другу в глаза, вместо поддержки они чувствовали лишь вину друг перед другом.

Ясмин, прежде живая и веселая, закрылась и стала холодна, их брак был на грани распада. Но потом пришла радость — и страх — от второй беременности. Облегчение, когда сын родился здоровым. Медленное исцеление. За годы, проведенные с Максом, Ясмин сумела вернуть себя прежнюю: простые радости, простые мечты. А теперь? Новая, но знакомая трагедия. Сколько один человек способен вынести, думала она, прежде чем решит покончить со всем разом?

Глава 6

Лужайки в парке Виктория пожухли от многодневной жары. Лейла замедлила шаг, чувствуя, как сухие травинки царапают кожу на лодыжках. Солнце было уже высоко, и стайки детей бегали под старым фонтаном, вереща от удовольствия. Зря она пришла сюда утром в субботу, когда в парк стекаются семьи с детьми. Лейла с трудом осознавала, где она, — все ее внимание занимали липнущая к телу футболка и грязные волосы. Жалкое подобие того профессионала, что вышел из офиса в понедельник.

Лейла жалела, что не позволила Уиллу остаться в тот день. А лучше — на всю неделю. Пусть эта болезненная связь не приведет ни к чему хорошему, но, по крайней мере, присутствие мужа принесло бы значительное облегчение. Минувшей ночью она вздыхала и ворочалась до пяти утра, пока наконец не погрузилась в вязкое забытие, полное несуразных снов. Сегодня Лейла заставила себя выйти на пробежку, но не ожидала, что ей будет так сложно просто находиться на улице. Все звуки вокруг казались оглушающими: звонкая мелодия из колонок фургона с мороженым, резкий визг ребенка вдалеке. Ей хотелось приглушить все звуки вокруг, прикрутить громкость на минимум.

Лейла переместилась к розарию, в котором обычно было поспокойнее: родители старались не отпускать детей одних играть между колючих розовых кустов. Заняв скамейку, Лейла попыталась привести мысли в порядок: будто мотылек на свет, они упорно стремились к одному-единственному моменту. Лейла помнила, как оставила в то утро машину. В тот момент, когда она захлопнула дверцу «мини-купера», жизнь изменилась до неузнаваемости. Лейла сжалась от ощущения вины, потом похолодела от страха. А вдруг ее признают виновной? За этим последовал более трудный вопрос: «Разве я этого не заслуживаю?» Так или иначе, она оставила Макса в машине. Так или иначе, убила его. Не в состоянии усидеть с этой мыслью, Лейла вскочила, будто пытаясь стряхнуть ее с себя.

Она побрела в сторону Лористон-роуд мимо маленьких аккуратных магазинчиков с фермерскими товарами и стильных кафе со столиками в тени полосатых навесов. Она дошла до любимого заведения,

небольшой чайной всего на шесть столиков. Остановившись у витрины, Лейла долго изучала свое отражение. Вывеска «Медный чайник» делила ее лицо пополам, и Лейла сместилась в сторону, проверяя, достаточно ли аккуратно выглядит, чтобы зайти. И тут замерла, привлеченная движением по ту сторону окна. Угловой столик, приставленный к скамейке с подушками, был занят парой: ее зять Эндрю сидел с какой-то женщиной. Такая же миниатюрная и мягкая, как Ясмин, она была гораздо светлее, с почти белыми волосами, чуть тоньше — и младше на несколько лет. Женщина в стильной лиловой блузке с серой юбкой положила руку на запястье Эндрю: медленное движение на грани чувственной ласки. Эндрю, явно взвинченный, отстранился. С грустной улыбкой собеседница снова поймала и сжала его руку.

Лейла почувствовала прилив негодования. Неужели Эндрю изменяет ее сестре? Он был совершенно открыт с этой женщиной, держался по-свойски. Лейла всматривалась, ожидая доказательств порочной связи, но в следующую секунду они оба уже откинулись на своих стульях. Женщина вцепилась в кружку с кофе, сочувственно улыбаясь. Определенно, это был совершенно невинный разговор. От их дома до кафетерия не больше мили, и Эндрю знал, что Лейла часто сюда заглядывает. В конце концов, она ему это кафе и показала. Было бы безумием с его стороны приводить сюда любовницу.

Лейла колебалась, стоя у витрины, но заметила, что Эндрю поворачивает голову в сторону окна, и поспешно отвернулась, после чего быстро зашагала в сторону своего укрытия в розарии. Он не мог изменить Ясмин. Не мог. Ведь Эндрю знает, какой ад сейчас творится в голове у жены.

Лейла вспоминала бесконечные серые дни, когда Ясмин рыдала, бинтуя раны Тоби. Малыш яростно кричал, не в силах понять, почему тело ведет себя таким образом, извивался и корчился от постоянной невыносимой боли. Ясмин так и не смогла к этому привыкнуть. Лейла уговаривала сестру отдохнуть и позволить ей заняться перевязкой, но становилось только хуже: Тоби желал быть рядом с матерью, и даже в свои последние дни, накачанный анальгетиками до потери сознания, в присутствии Ясмин он был чуть спокойнее, чуть счастливее.

Когда через месяц после смерти Тоби Эндрю обнаружил жену в ванне, какая-то ниточка внутри Лейлы лопнула. Она ворвалась в

госпиталь, вне себя от паники. Те полчаса страха сами по себе нанесли ей глубокую травму. Лейла вспомнила, как она нервно металась по коридору, который будто изгибался и удлинялся по мере того, как она искала палату сестры. Когда Лейла наконец нашла нужную дверь и увидела, что Ясмин не спит, она развернулась и пошла прочь в поисках уборной, где можно было спрятаться и завывать — от облегчения, от ярости, от благодарности за то, что не потеряла сестру. Никогда она еще так остро не ощущала, насколько мала их семья: если Ясмин умрет, у Лейлы вообще не останется кровных родственников.

Через двадцать минут Лейла вернулась в палату к сестре.

— Прости меня, — тихим хриплым голосом сказала Ясмин, еле открывая бескровные губы.

Лейла обняла ее, проглотив гневные вопросы, которые вертелись на языке: «Как ты могла? После всего, что мы пережили?» За ее возмущением стоял позорный страх. А вдруг, учитывая кончину их матери, в генах сестер прячется какой-то норок? Иначе откуда эти темные импульсы и слабость духа?

Именно после того случая Лейла решила, что нельзя надеяться на судьбу, необходимо больше заботиться о сестре. Тогда она и начала подкидывать Эндрю деньги, понимая, что Ясмин слишком упряма, чтобы принять помощь. Лейла заплатила за новую машину и отдых сестры с мужем на дорогом курорте. Настояла на совместных ужинах по субботам. Семья держится на традициях, и коль скоро они не унаследовали ни одной, придется заново создать собственные.

С рождением Макса все будто началось с чистого листа. Хотя Лейла мучилась от собственной невозможности забеременеть, она заставляла себя быть рядом, играть с Максом, оберегать племянника, пока он не станет большим и крепким. Поэтому она всякий раз сдерживала раздражение, когда Ясмин посреди рабочей недели в последний момент просила посидеть с ребенком. Лейла видела, что та чувствует себя увереннее, зная, что старшая сестра всегда готова подстраховать ее. Иногда это означало для Лейлы сидение за ноутбуком до трех ночи, чтобы доделать утренний объем работы, но она все равно соглашалась. Теперь стало ясно, что именно эта навязчивая забота привела их к нынешней трагедии. Если бы Лейла не была всегда так близка, так доступна, Эндрю не попросил бы ее о

помощи. Она не чувствовала бы необходимости согласиться. И не была бы ни в чем виновата.

Последние несколько дней Лейла до мурашек боялась, что Ясмин повторит попытку самоубийства. Увидав, как Эндрю сидит в кафе и пьет чай с незнакомкой как ни в чем не бывало, Лейла с трудом подавила злость: хотелось вернуться и вытрясти из зятя весь дух. Если Эндрю изменяет ее сестре, Лейла его убьет. Не фигурально: на самом деле убьет.

* * *

Вокруг мокрого полотенца по простыне расплзлось темное пятно. Лейла перевесила его на батарею и кое-как высушила волосы. В двадцатый раз проверила телефон, не находя себе места. Она послала Эндрю краткое сообщение, что им надо поговорить, но он не отвечал. Зря она не вернулась в кафе, чтобы застигнуть его на месте преступления. Только она снова взялась за телефон, внизу прозвенел дверной звонок. Ну наконец-то. Собрав волосы в пучок, Лейла устремилась вниз, сдерживая ярость.

За дверью оказалась Вивьен Комб, сотрудница агентства по усыновлению. Не женщина, а олицетворение бездушной бюрократической машины: коричневые юбка и пиджак, собранные в пучок мышинные волосы.

— Мисс Саид, — произнесла она, поднимая кожаную сумку на уровень груди, будто щит, — могу я войти?

Лейла смутно забеспокоилась из-за состояния дома и собственного внешнего вида: драная футболка, мокрые волосы, гора неразобранной почты на столике в прихожей, разбросанная обувь. Потом ее пронзил укол раздражения: эти мелочи больше ничего не значили по сравнению с ее чудовищным преступлением. Она раскрыла дверь и пропустила гостью внутрь.

Вивьен задержалась в коридоре, остановив взгляд на письмах.

— Проходите, пожалуйста, — раздраженно предложила Лейла.

В гостиной чиновница расположилась на стуле, скромно положив руки себе на колени.

— Я решила зайти к вам из вежливости, — сообщила она. — Решила, что ограничиться электронным письмом будет некорректно. Поэтому я и приехала к вам в субботу. — Вивьен изобразила

сочувствующую улыбку. — Мисс Саид, вынуждена сообщить, что ваш запрос на усыновление отклонен.

Лейле показалось, что гостиняя поплыла вокруг нее. Она понимала, что такое может случиться — должно случиться. Но услышать новость оказалось невыносимо.

— Мне жаль, — сказала Вивьен, с грустью глядя на Лейлу, словно собиралась встать и обнять собеседницу. Но гостья позволила себе лишь сжать пальцами край стула. — Я знаю, как вы мечтали об усыновлении, но, учитывая нынешние обстоятельства... — Она протянула Лейле конверт, а потом, не дождавшись реакции, аккуратно положила его на стол. — Это официальное извещение и все ваши документы. Простите, у меня связаны руки.

Лейла схватила ее за рукав.

— Можно хоть что-нибудь сделать? — спросила она, сдерживая слезы.

— Учитывая обстоятельства... — Вивьен умолкла. Фразу не нужно было заканчивать: нельзя отдать ребенка убийце. — Мне очень жаль. Я знаю, как вы мечтали о детях.

Лейла пыталась ухватиться за какую-нибудь соломинку, чтобы не утонуть окончательно, но все ее достоинства — уверенность, амбиции, интеллект — были бесполезны. Все равно что укрываться от дождя пластиковой вилкой.

Вивьен взялась за ремешок сумки.

— Соболезную из-за случившегося. — Она поднялась со стула. — Всего вам хорошего.

Лейла слушала, как шаги гостьи удаляются по коридору, унося с собой ее последнюю надежду стать матерью. А ведь она жаждала этого с болезненной страстью. Именно ее решение и стало причиной разрыва с Уиллом: супруг отказывался растить чужого ребенка. Лейла укоряла его, памятуя, как сложно добиться усыновления одиночке. Она посвятила несколько месяцев подготовке к подаче заявления: изучала школы и детские сады в своем районе, украшала дом, проходила онлайн-курсы для родителей — лишь бы показать властям, что она достойна быть матерью. Что она может и готова любить ребенка. А теперь — отказ. Лейла столько думала о том, как переживет трагедию Ясмин, что забыла о возможных последствиях для нее самой. Оставив Макса в то утро в машине, она навсегда обрекла себя на бездетность.

Вивьен тихо закрыла входную дверь, а Лейла даже не могла найти в себе сил заплакать. Поднявшись в спальню, она зашторила окна и рухнула на кровать. Неусыпный голосок внутри шептал, что нельзя поддаваться отчаянию, ведь ей известно, куда ведет эта дорога. Лейла закрыла глаза, разглядывая яркие пятна на внутренней стороне век, оставленные солнечными лучами. Свернувшись калачиком, она накрылась одеялом с головой, прячась от жестокого мира.

* * *

Она очнулась уже в середине дня. Язык опух и прилип к нёбу от жажды. Посмотрев на часы, Лейла вздрогнула, увидев, что уже перевалило за два: она проспала больше четырех часов. Услышав дверной звонок, она поняла, что он ее и разбудил. Она села, но тут услышала скрежет ключа в замке, такой странный и знакомый звук.

— Лейла? — Голос Уилла был уверенным, жизнерадостным и четким. За таким можно спрятаться, как за каменной стеной. У Лейлы закружилась голова от радости.

— Я здесь, наверху! — отозвалась она охрипшим голосом. Воздух в комнате застоялся и отдавал несвежестью. Когда Уилл вошел в спальню, в его взгляде Лейла увидела беспокойство.

— Дорогая... — Муж сел на кровать, под его весом матрас прогнулся, и Лейла упала в его объятия. — Все в порядке?

— Мне отказали. — Лейла схватила мужа за рукав. — Агентство по усыновлению. Мне отказали.

— Ох, милая, ты же могла предсказать этот результат. — Уилл поцеловал супругу в висок. — Как тебя утешить?

— Остайся сегодня, — Лейла обхватила мужа руками.

— Конечно, останусь. От тебя никаких вестей второй день. Я беспокоился. — Уилл тряхнул головой, сбрасывая задумчивость. — Как ты себя чувствуешь?

Лейла покачала головой:

— Я не хочу об этом говорить.

Уилл нежно поцеловал ее.

— Может, хочешь?.. — Он придвинулся к Лейле, но в его вопросе не было уверенности, только мягкое сочувствие, будто Уилл предлагал близость из вежливости.

Лейла почувствовала жар его тела.

— Да, — серьезным голосом ответила она. — Хочу.

Уилл прильнул к жене и провел губами по ключице. Подняв ей футболку, он обвел пальцем пупок, а потом растянул футболку у нее на груди и обхватил ртом сосок. Ткань стала горячей от его дыхания. Лейла легла на спину, и ее покорность заставила Уилла пойти в наступление. Лейла закрыла глаза и ждала той волшебной потери контроля, которая всегда настигала ее в постели с мужем. Он был фантастическим любовником, но сейчас, прижатая к кровати весом его тела, она меланхолично оглядывала спальню, следила за солнечным зайчиком на стене, прислушивалась к далекому реву самолета. Никакие ухищрения Уилла не затягивали ее в омут удовольствия, и когда он наконец рухнул рядом, потный и довольный, Лейла осталась один на один с ощущением пустоты внутри.

Муж прижал ее к груди.

— Все образуется, — прошептал он. — Я буду рядом, пока этот кошмар не закончится.

Лейла придвинулась ближе, прижимаясь к нему всем телом.

— А если меня отправят в тюрьму?

Уилл провел пальцем по ее гладкому плечу.

— Таких людей, как ты, в тюрьму не отправляют.

Слова мужа больно ее кольнули, но, несмотря на моральные терзания, даровали некоторый душевный покой. Лейла, уважаемая предпринимательница, напряженно училась, вырастила сестру, пробила себе путь к успеху. Даже в момент паники, обнаружив тело Макса в машине, она ни на секунду не задумалась о том, что тюрьма окажется для нее реальностью. Что это — наивность, порожденная привычкой к богатству и привилегиям? Или жесткая логика общества? Но если и Уилл в это верит, значит, так и есть.

Лейла закрылась одеялом. Она мерзла, несмотря на жару.

— Спасибо, — прошептала она Уиллу.

Он поцеловал ее в висок и великодушно предложил:

— Обращайся в любое время.

Глава 7

Вдалеке звенели колокола, зовущие на воскресную службу. Лейла поглядела на дверь в садик, будто пытаясь расслышать знакомый голос. Она надеялась, что Уилл проведет сегодня с ней весь день, но он не жуя проглотил пару тостов, поцеловал и жену и улизнул: «Прости, надо бежать. Дедлайн».

Их брак противоречит любым законам природы, подумала она. Всю жизнь Лейла стремилась к тому, чтобы выстроить вокруг себя островок стабильности, и вдруг выскочила замуж за человека, который служил постоянным источником балаганного хаоса. Уилл любил говорить: «Если ты журналист и никогда не пожалел о написанном, значит, ты плохой журналист и не пытаешься написать ничего интересного».

А ведь именно этим он Лейлу и очаровал. Они познакомились на скучном банкете авторитетной конференции в Швейцарии. Лейла приехала туда по делам, а Уилл собирался написать искрометную колонку о бессмысленности мероприятия. Он подхватил с подноса проходящего официанта бокал мартини и беспардонно закатил глаза.

— Вы уже распробовали? — неожиданно обратился он к Лейле. Она непонимающе наклонила голову, и мужчина подошел ближе, обводя бокалом зал: — Уже распробовали всю эту ерунду вокруг?

Простой каламбур — хорошо спланированная уловка, чтобы привлечь ее внимание. Все вокруг, включая Лейлу, были ценными профессионалами с серьезными лицами, и Уилл наслаждался своим фрондерством.

Она улыбнулась с нарочитой вежливостью, чтобы показать: маленькая хитрость незнакомца не смогла ее очаровать.

— Ага, — продолжил Уилл, — так вы одна из них.

— Из кого это?

Его губы расплылись в улыбке.

— Из тех женщин, что сидят в своих башнях слоновой кости и взирают на нас, простых смертных, не позволяя даже... — Уилл легко провел пальцем по сгибу ее локтя, — даже прикоснуться к себе.

Его наступление должно было бы разбудить в Лейле разъяренную феминистку, но вместо этого она почувствовала азарт. Незнакомец

навязывает ей соперничество в острологии? Ну что же, посмотрим, кто кого превзойдет в цинизме. Лейла приняла вызов. Хотя она старалась держаться отстраненно, по мере беседы окружающие люди будто растворились в воздухе, оставляя их вдвоем на сцене. Лейла увлеклась состязанием, между ними так и летали молнии — опьяняющее ощущение. Она даже не заметила, сколько выпила, и когда Уилл предложил уехать с мероприятия с ним, она согласилась, будто это была самая естественная в мире вещь. Он взял Лейлу за руку, переплетя ее пальцы со своими, и вывел из зала. Они слились в поцелуе еще до того, как закрылись двери лифта, и впервые в жизни страсть Лейлы была настоящей, а не наигранной для любовника. Лейла сунула руки ему под джемпер, чтобы почувствовать жар его кожи, готовая взорваться от желания.

В ту ночь она вела себя как никогда раньше свободно, уверенная, что они никогда больше не встретятся. Утром он попросил ее номер, и Лейла продиктовала цифры, картинно закатив глаза: мол, знаем мы эти ритуальные танцы. Она не ожидала, что Уилл позвонит, однако он позвонил. Следующие несколько месяцев длился бурный роман, и то, какой Лейла себя чувствовала с Уиллом — маленькой, беззаботной, шепотливой, — настолько ее увлекло, что на предложение выйти за него замуж она не задумываясь ответила согласием — всего через семь месяцев после знакомства.

Окружающие были шокированы развитием событий, и не в последнюю очередь Ясмин, у которой раньше не было повода уличить сестру в импульсивности. Конечно, Лейла уже давно проболталась, какую добычу поймала на крючок, — что тоже было ей несвойственно. Когда друзья удивлялись скоропалительному решению, Лейла лишь хохотала или отвечала с загадочной миной: «Иногда сразу видишь свою судьбу». Она даже учинила разнузданную вечеринку в честь помолвки, чтобы показать всему свету, насколько уверена в своем избраннике.

Роберт Гарднер предложил для торжества свой загородный дом в Челси, и Лейла с благодарностью приняла его любезность. Уилл был в ударе, и Лейла замечала, как он впечатлил ее друзей. Все прошло волшебным образом: гирлянды в кронах деревьев, сухость рислинга на языке, легкий вечерний бриз. Поэтому ее так обидело поведение Ясмин.

Когда вечеринка перетекла в тихую фазу, сестры отошли на край сада к берегу пруда. Усевшись на длинной деревянной скамье, они любовались темной гладью воды. Лейла подтолкнула сестру в плечо.

— Кто мог подумать, что мы закончим вот так? Шампанское, икра и это дурацкое кольцо. — Она растопырила пальцы, любуясь бриллиантом, свадебным подарком от семейства Уилла.

Ясмин не ответила, и Лейла почувствовала, что с сестрой что-то не так.

— В чем дело? — спросила она.

Ясмин поджала губы, будто не зная, говорить или нет о том, что у нее на уме.

— Можно сказать одну вещь?

Лейла уронила руку.

— Какую?

Младшая сестра зябко поежилась.

— Ты уверена, что не слишком поспешила?

Лейла засмеялась.

— Я еще никогда ни в чем не была настолько уверена.

— Но это так на тебя непохоже. И сам Уилл так на тебя не похож.

— И что? — спросила Лейла уже чуть серьезнее.

— Ну, знаешь, я не оспариваю твой выбор, но ведь Уилл слегка, что ли... испорченный.

Лейла вздрогнула. Испорченный. Какое мерзкое определение.

— Я всегда представляла тебя с кем-то более зрелым. Намного более зрелым. Каким-нибудь крупным воротилой, который носит дорогие костюмы с платочком в нагрудном кармашке и водит зеленый «ягуар». С мужчиной, которому не надо ничего никому доказывать.

— Уиллу тоже не надо ничего никому доказывать, — насупилась Лейла.

Ясмин вздохнула.

— Правда? Ну ладно, — саркастично заметила она.

— Обязательно было сегодня портить мне настроение?

Ясмин отшатнулась, поздно поняв, что ее слова прозвучали слишком обидно.

— Не злись, Лейла. Просто... Ты всю жизнь заботилась обо мне, и я лишь хочу, чтобы кто-то теперь позаботился о тебе, но не уверена, что Уилл сможет стать таким человеком.

— От тебя уверенность и не требуется: мне хватит своей, — отрезала Лейла. — Господи, Ясмин! Мы празднуем мою помолвку, а ты поливаешь Уилла помоями! — Она нервно отряхнула колени, будто заметив на них грязь. — Ладно, допустим, Уилл действительно отличается от моих представлений об идеальном супруге, но мне не нужен старик, который станет обо мне заботиться. Если ты не заметила, до сих пор я и сама как-то справлялась. А что мне действительно нужно, так это человек, с которым я забуду о прошлом, — она показала на себя и сестру, — о том, через что нам пришлось пройти. С Уиллом я забываю. С ним я могу жить здесь и сейчас. Не возвращаться на десять лет назад, когда мы считали медяки, и не уходить на десять лет вперед, как я постоянно делаю всю жизнь.

— Но разве этого достаточно для свадьбы? — настаивала Ясмин. — Нельзя же постоянно жить здесь и сейчас. Вы проведете вместе следующие лет сорок, а то и пятьдесят.

— Мне просто хорошо с ним, — уже мягче ответила Лейла. — Много лет не было так хорошо.

Ясмин замолчала, и две сестры долго вслушивались в шум вечеринки. Потом младшая поежилась от холодного порыва ветра, и длинная черная прядь упала на ее голое плечо.

— Черт, — прошептала Ясмин.

— Что?

— Я поняла, почему ты так поступаешь.

— Как?

Ясмин улыбнулась и глубоким голосом запела ту самую песенку про папу и сына, изображая поучающий отцовский тон.

Лейла покачала головой.

— А я теперь поняла, почему тебе не нравится эта идея.

Ясмин продолжала петь, задорно толкнув сестру локотком. Потом она обняла Лейлу и чмокнула в плечо.

— Ты правда его любишь? — серьезным голосом спросила она.

— Правда.

— Тогда я его тоже люблю, — заявила Ясмин. — Ну ладно, пойдем! Закончим начатое. — Она встала и потянула сестру обратно в гущу праздника.

Через полгода Лейла с Уиллом поженились. Первая пара лет прошла чудесно, они нащупали общий ритм. Лейла не была из тех

женщин, кто пытается утихомирить супруга. Она понимала, что ему нужен простор, поэтому легко отпускала его на ночные вечеринки и отвязные мальчишники, которые были так важны мужу для самоутверждения.

Уилл действительно повзрослел только после того, как они стали планировать детей. Лейла изумилась его готовности, потому что была уверена, что придется постоянно шпынять его, как делали ее подруги со своими партнерами. Напротив, он сам выбирал детские имена и посылал ей аккуратными списками: Амелия, Изабелла, София, Аиша, Хана, Сафа, Райла. Большинство мужчин мечтает о сыне, но Уилл очень хотел именно дочку.

Первые несколько месяцев прошли спокойно, но с весенним буйством цветов пришла тревога. Через полгода они впервые пошли на прием к врачу, и с тех пор начались долгие годы мучений и попыток. Лейла тиранила собственное тело, годами жила в стрессе, но не теряла надежды: она достигла в жизни всего, чего желала, и материнство не станет исключением. Но после четвертого выкидыша она больше не могла продолжать упорствовать, поэтому предложила усыновление, однако Уилл ответил твердым отказом. Она умоляла его согласиться, а потом начала укорять: «Как ты можешь быть таким жестоким? Почему ты отказываешь мне в счастье?» Но Уилла ничто не могло поколебать, и в конце концов, после десяти лет брака, они расстались. Лейла утоляла боль от разрыва надеждой на материнство. Теперь, когда у нее забрали и этот шанс, ее словно дважды обокрали.

Однажды Уилл спросил у нее разрешения написать колонку об их неудачных беременностях, но Лейла была против. Уилл иногда подрывал уют их семейной жизни своими неосторожными статьями на личные темы, но так далеко еще не заходил. Он уговаривал ее, что написать о травме равнозначно психотерапии, и дулся неделями, поняв, что не сможет уговорить Лейлу согласиться. Иногда они яростно спорили, и все же взаимное желание и любовь никогда не исчезали из их брака.

Теперь, когда Лейла сидела в одиночестве в пустом доме, мысль о том, что Уилл может решиться на следующий шаг, заново жениться, завести наконец детей, залила ее сердце ядом преждевременной ревности. В попытках сбросить наваждение она начала слоняться по дому, бездумно заглядывать в шкафчики, поправлять одежду на

вешалках, будто среди них могло найтись тайное средство спасения. Наконец Лейла решила выйти на пробежку. Воздух снаружи оказался неожиданно сухим и драл горло. Башня небоскреба вдалеке, казалось, плыла волнами в горячих порывах ветра. Она убрала волосы в хвост и вставила в уши наушники — и тут заметила знакомую фигуру. Человек удалялся вдаль по улице, и Лейла трусцой нагнала его.

— Эндрю, — позвала она.

Он обернулся, затравленно посмотрел на свояченицу.

— Ох, Лейла. — Эндрю явно не мог подобрать слова для ответа. — Прости, я прочел твое сообщение вечером и хотел ответить, но... — Он бессильно махнул рукой. — У меня ни на что не хватает времени.

— Можно с тобой поговорить? — резко спросила Лейла.

Эндрю переступил с ноги на ногу.

— О чем?

Лейла указала в сторону своего дома:

— Давай зайдём внутрь.

Он посмотрел на часы.

— У меня, вообще-то, не так много времени.

— Я видела тебя вчера, — заявила Лейла. — В «Медном чайнике».

Эндрю ответил непонимающим взглядом.

— Ох, прости, я тебя не заметил.

— С кем ты там был?

Он насупился.

— Что за вопросы? Ты за мной следишь?

— Да пошел ты, Эндрю! — гаркнула Лейла с чрезмерной злостью. Увидев обиду у него на лице, она простонала: — Пожалуйста, скажи мне, что ты не обманываешь мою сестру!

Эндрю попятился.

— Как ты вообще можешь меня о таком спрашивать? — Он отвернулся и уставился на горизонт. — Не тебе меня упрекать, Лейла. Не тебе обвинять меня в обмане.

Лейла дождалась, когда он снова повернулся к ней.

— Ты ведь знаешь, каково будет Ясмин.

— Хуже, чем от твоего поступка?

Это был словно удар под дых. Лейла выпучила глаза на зятя, безмолвно открыв рот.

— Да как ты смеешь? — наконец прошептала она.

Эндрю придвинулся к ней вплотную и заглянул в глаза:

— Дерьмовое чувство, правда? Когда тебя обвиняют в обмане.

Лейла еле сдержалась, чтобы не ударить его.

— Я просто хочу знать, кто та женщина.

— Не твое собачье дело!

— Так это правда?

— Нет, черт тебя дери, это неправда! — Эндрю сделал шумный вдох, стараясь взять себя в руки, потом еще один. — Если тебе так важно знать, она психотерапевт.

— Психотерапевты не дотрагиваются до своих клиентов.

Эндрю уставился на родственницу, словно перед ним был пришелец с другой планеты.

— И долго ты за нами наблюдала?

— Я все видела, — соврала она.

— Не будь дурой, Лейла. — Не дождавшись реакции, Эндрю поднял ладони, сдаваясь. — Ты помнишь нашу свадьбу в Дании?

Лейла нахмурилась. Эндрю и Ясмин поженились восемь лет назад.

— Да.

— Помнишь Анну?

Лейла аж присела от неожиданного эффекта узнавания. Да, те самые нежные скулы и тонкая шея.

— Это была твоя сестра?

— Да, мать твою, в кафе была моя сестра. Она прилетела на следующий же день, как узнала о Максе. А теперь отвали, Лейла. Прекрати пытаться все вокруг контролировать.

Лейла вздрогнула. Ясмин частенько обвиняла ее в том же самом. Упрек Эндрю после всей той помощи, которую она им оказывала, наполнил Лейлу горечью. Она инстинктивно протянула руку, чтобы преодолеть дистанцию между ними, но Эндрю отстранился.

— Прекрати. Просто оставь нас в покое хоть ненадолго.

Сделав пару шагов назад, он развернулся и ушел, оставив Лейлу одну в замешательстве посреди улицы.

* * *

Ясмин молча наблюдала, скрытая деревом подле палисадника Лейлы. Сердце бешено забилося, когда она увидела своего мужа и сестру вместе. Лейла раздраженно жестикулировала, что само по себе

было странно. Обычно, когда сестра обижалась, она скорбно умолкала, словно мученик, которым ей хотелось казаться. Потом Лейла потянулась к Эндрю, но он оттолкнул ее. Ясмин тихо охнула. Она ни разу не видела мужа в таком раздражении.

Ясмин следила за их ссорой, пока Эндрю не пошел прочь. Но потом, будто какая-то шестеренка замерла у него в голове, он остановился и снова подбежал к Лейле. Он смотрел на нее с таким пылом, что у Ясмин перехватило дыхание. Погружаясь в транс, она наблюдала, как Эндрю преодолел разделявшее их с Лейлой расстояние и обнял ее.

В шоке от этой сцены Ясмин готова была поверить, что ошиблась, приняла за своих родственников совершенно чужих людей. Но нет: вот ее муж Эндрю, а вот в его объятиях ее сестра Лейла, уронила голову зятю на грудь, схватившись руками за воротник его рубашки. Ясмин не припоминала, чтобы они когда-либо прикасались друг к другу, не говоря уже об объятиях. Зрелище вызывало смущение. Их объятия, пусть и далекие от сексуальных, все равно были наполнены чувственной энергией. Ясмин продолжала наблюдать, разинув рот, не в силах сдвинуться. Оставалось только удивляться капризу судьбы, который привел ее под это дерево в нужную минуту: дома закончилось молоко, и Ясмин заставила себя выйти в магазин на углу, но в последнюю минуту решила сделать небольшой крюк мимо дома Лейлы. Последнее, что она ожидала увидеть, — эту страстную встречу. Что теперь делать? Хладнокровно похлопать сестру по плечу? Схватить за волосы и оттащить от мужа? Ясмин заворуженно следила за парой, будто наблюдала крушение поезда в замедленной съемке.

Наконец они отступили друг от друга, и Ясмин увидела, как Лейла утирает слезы. Эндрю взял ее за руку и нажал большим пальцем на середину ладони, как делал с ней, с Ясмин. Кивнув, Лейла обошла его и трусцой побежала вперед. Эндрю проводил ее взглядом, пока Лейла не скрылась за углом. Когда он снова повернулся, у него на лице явственно читался стыд.

Ясмин схватилась руками за прутья решетки, окружающей скверик. Мысли путались, она пыталась продраться через них и понять, что она сейчас видела. Ведь вроде бы не произошло ничего предосудительного — ни поцелуев, ни грязных прикосновений, — но интимность момента была очевидной.

Она поглядела на сияющий фасад дома сестры. Так и подмывало схватить камень и швырнуть ей в окно. Идеальная Лейла со своей проклятой идеальной жизнью. Ясмин никогда никому не признавалась — даже своему психотерапевту, — но какая-то ее часть праздновала победу, когда брак Лейлы распался. Семья и материнство были единственным преимуществом, которое Ясмин имела перед Лейлой. Смерть Макса по вине старшей сестры казалась актом возмездия. Ясмин ясно понимала, что это не так, но ей нужна была кукла для битья. И теперь, когда она застала сестру со своим мужем, появилась тысяча новых причин для обвинений.

Поднявшись в свою комнату, Ясмин достала запасной ключ из тайничка под керамическим цветочным горшком, проникла в дом сестры и набрала код на пульте сигнализации. Цифры — 8093 — не значили абсолютно ничего. Типичный фокус Лейлы.

Пройдя внутрь, Ясмин разозлилась, не увидев в доме ни малейших признаков беспорядка или депрессии хозяйки. В гостиной она слегка толкнула стопку журналов «Нью-Йоркер», и два верхних выпуска соскользнули на пол. Затем Ясмин остановилась у двери в сад, разминая пальцы. Может, разбить стекло кулаком? Она выпила стакан сока и оставила посуду на разделочном столе. Поднявшись наверх, Ясмин наконец нашла некоторое удовлетворение в том, что окна были наглухо закрыты шторами, а постель не убрана.

В ванной комнате ее внимание привлекла отдельно стоящая ванна, изящная и стильная белая громадина. Каково будет Лейле, если она вернется домой и обнаружит младшую сестру в этой самой ванне? Ясмин готова была умереть назло сестре. Она присела на край, опустила ноги внутрь и изящно соскользнула на дно, чувствуя холод эмали голыми икрами.

В этом белом коконе на нее нахлынул поток воспоминаний. Когда Тоби поставили диагноз, Ясмин поклялась, что вынесет все испытания, не сломается, как того ожидала Лейла, однако ноша оказалась настолько тяжелой и непосильной, что ни один человек в здравом уме не справился бы с ней.

В самые худшие ночи, когда плач Тоби переходил в полузадушенные хрипы, она молилась о том, чтобы свихнуться, чтобы мозг взорвался и разлетелся по комнате, как остатки старых галактик. Но нет: от нее требовалась выдержка. После смерти сына Ясмин

плакала дни напролет, а через месяц, поняв, что боль не утихает, мечтала только об одном: покончить со всем разом. Сейчас, когда у нее отняли и Макса, она погрузилась в болезненное оцепенение, словно уже истратила все слезы и скорбь на первенца и ей нечего было дать второму сыну.

Ясмин опустила затылок на холодный бортик ванны. Навалилась смертельная усталость. Закрыв глаза, Ясмин погрузилась в сон, чувствуя себя под защитой твердого белого кокона.

* * *

Лейла распахнула входную дверь коленом, вздрогнув от лязга защелки. Заправив язычок замка пальцем, она прошла в дом и поставила полупустую сумку с покупками на стол, попутно поймав пару покотившихся к краю персиков. Помыв фрукты, Лейла заметила у края разделочного стола стакан с остатками апельсинового сока и нахмурилась. Неужели она оставила его перед пробежкой? Лейла всегда заливала грязную посуду водой, чтобы проще было отмывать. Внимательно осмотрев стакан, будто он мог предложить какие-то ответы, Лейла проверила телефон. Что случилось? Может, Уилл пришел, не предупредив ее? Никаких новых сообщений не приходило. Ладно, похоже, она действительно забыла про стакан. Помыв его, Лейла поднялась наверх в ванную комнату. Стянув потный желтый спортивный топик, она протянула руку к корзине для грязного белья — и тут увидела черную прядь, ниспадающую с края ванны. В ужасе Лейла завопила, и от ее животного вопля задрожали окна.

От крика Ясмин выскочила из ванны, и Лейла умолкла: ужас сменился шоком. Сестры уставились друг на друга, и в воздухе будто прошли электрические разряды. Ясмин сощурилась, будто ей светили в глаза ярким фонарем, а у Лейлы подогнулись ноги, и она рухнула на пол, будто тряпичная кукла, издав странное бульканье, непохожее на человеческую речь. Ее било крупной дрожью. Когда вернулась способность говорить, Лейла, задыхаясь, бормотала снова и снова:

— Как ты могла? Как ты могла? Как ты могла? — и наконец завопила: — Ясмин, что ты здесь делаешь? Как ты сюда попала? — Тут она заметила затуманенный взгляд сестры. — Господи, ты наглоталась таблеток? — Она подползла ближе к Ясмин, силой разжала ее пальцы, потом импульсивно обшарила дно ванны. — Ты

приняла таблетки? Какие? — повторяла она, схватив сестру за подбородок. — Что ты приняла, Ясмин?

— Ничего, — ответила та смущенным голосом. — Я ничего не принимала.

— Скажи мне правду!

Ясмин резко убрала ее руку.

— Я ничего не принимала.

Лейла смотрела на нее с прищуром.

— Я ничего не принимала!

Лейла хлопнула ладонями по краю ванны:

— Тогда что ты здесь делаешь? — Она подалась вперед, но Ясмин резко отодвинулась. Лейла сделала несколько глубоких вдохов и поднялась на ноги. — Ясмин, пожалуйста, уходи отсюда.

Младшая сестра изогнула губы в презрительной усмешке, но поднялась и, присев на край, покосилась на голый живот сестры.

Заметив это, Лейла снова натянула топик, кривясь от того, как холодная влажная ткань прилипает к коже.

— Что тут вообще происходит, черт тебя дерит?

— Это ты мне объясни. Ты ведь у нас в каждой бочке затычка.

Лейла не сводила с сестры глаз. Точно ли она не под действием препаратов?

— Ну давай, — раздраженно продолжала Ясмин, поднимаясь с бортика ванны. — Объясни. Расскажи, что тут вообще происходит. Ты трахаешься с моим мужем?

Лейла оторопела.

— Что...

— Я вас видела, — едко оборвала ее Ясмин. — Видела вас вместе.

Лейла беззвучно раскрыла рот.

— Я видела, как ты на нем виснешь.

— Когда?

Ясмин прищурилась:

— А когда должна была?

Лейла пыталась подыскать слова, чтобы успокоить сестру.

— Так что же? Ты трахаешь моего мужа? Тебе мало огромного дома, модной машины, бизнеса и жирного счета в банке? Захотелось еще и моего мужа прибрать к рукам?

— Не надо.

— Чего не надо?!

— Не делай из меня врага. Я всегда на твоей стороне.

— Да катись ты к дьяволу, Лейла!

— Я его просто утешала. — Лейла отступила на шагок назад. — Неужели ты думаешь, что я буду крутить роман с твоим мужем?

Воздух стал упругим, как резина, почти физически растягиваясь то в ту, то в другую сторону, пока не лопнул.

— С тебя станется, — процедила Ясмин. — У тебя все должно быть безупречно. Поездки в Нью-Йорк, завтраки с миллионерами, дорогое шампанское. Твоя карьера, твой успех, даже твое проклятое тело — все идеально. — Голос у нее сорвался. — А у меня в жизни не было ничего важного. Только Макс.

— Ясмин, ты гораздо лучше меня.

— Хватит меня опекать! — рывкнула Ясмин. — Я знаю, что ты хотела детей, Лейла, но у тебя было все остальное. У меня же был только Макс, но ты его отняла. И как мне теперь жить?

Лейла не могла больше глядеть на сестру; сердце готово было разорваться от чувства вины. Она отвернулась и глухо произнесла в стену:

— Прости.

— Скажи мне одну вещь, Лейла. Одну-единственную вещь. Ты нарочно его там оставила?

Лейла резко выдохнула и в отчаянии затрясла головой.

— Я понимаю, что ты не хотела его убивать, но ты ведь нарочно его там оставила, чтобы дойти до офиса?

Загнанная вопросом в угол, Лейла пыталась понять, как лучше ответить, чтобы успокоить сестру.

— Нет, Ясмин, — сказала она тихо. — Я не нарочно.

В глазах младшей сестры будто вспыхнула молния.

— Я тебе не верю.

— Я бы никогда...

— Но ты оставляла! — гаркнула Ясмин. — Ты оставляла меня!

— Это другое. Ты была старше и могла позаботиться о себе.

— Мне едва исполнилось одиннадцать!

— Я знаю, но... — Лейла потерла ладонью лоб. — У меня не было выбора.

— А был у тебя выбор, когда многомиллионная сделка оказалась на грани срыва? Разве ты не думала, что сейчас снова всех спасешь?

— Не сочиняй.

— Просто скажи правду.

— Я тебе клянусь, — Лейла уже злилась, — это правда.

Ясмин холодно поглядела на сестру.

— Не верю. — Она направила на Лейлу палец: — Не желаю больше с тобой разговаривать до суда.

— Ясмин, суд только через пять месяцев.

— Плевать. Я не хочу с тобой разговаривать.

— Ясмин...

— Я тебе Господом Богом клянусь, — тихо процедила Ясмин убийственным тоном, — если подойдешь ко мне, я вызову полицию и скажу, что ты нарушила условия подписки.

— Ты не посмеешь.

— Посмею. Вот увидишь.

Лейла взмолилась:

— Не надо так поступать со мной!

Ясмин ответила ледяным взглядом.

— Ты убила моего ребенка, Лейла. Молись, чтобы я вообще когда-нибудь с тобой заговорила.

— погоди, — Лейла попыталась преградить ей путь, но младшая сестра, оттолкнув старшую, вышла из ванной комнаты.

— Держись от меня подальше, — процедила она. — И только посмей подойти к моему мужу!

Ясмин ураганом вылетела из дома, со всей мочи захлопнув за собой дверь.

Лейла сползла по холодной кафельной стене. Что за жестокая пытка: сестра так близко, но к ней нельзя подойти. А впереди пять месяцев размышлений о содеянном. Пять месяцев, чтобы оплакать свою потерю, чтобы забиться в угол и скорбеть.

* * *

Детектив Кристофер Шепард рылся в бумагах, проверяя, нет ли случайных ошибок в документах, которые разные департаменты подготовили для декабрьского суда. Он вполне доверял органам опеки, но когда в дело, как сейчас, вовлечены несколько участников —

полиция, органы опеки, прокуратура, адвокат, судьи, — все может пойти кувырком без должного надзора. Сколько раз он наблюдал, как процесс рушился на глазах из-за того, что кто-то не уточнил мелкую деталь у свидетеля или не сообщил ему об изменении даты заседания. Дознаватели из отдела опеки слишком загружены бумажной работой, как и его коллеги, и каждый постоянно пытается найти способ избавиться от той или иной неприятной задачи.

В деле Лейлы Саид нельзя было допустить ошибку. Хорошее обвинение похоже на стену: его нужно выстраивать по кирпичику. Каждый кирпичик — доказательство, которое должно выдержать проверку на слушаниях. Защита может заприметить один крошащийся кирпич и разрушить все обвинение — такова цена ошибки.

Наконец Шеп удостоверился, что все документы на месте. Он откинулся, сомкнул руки на затылке и крутанулся на вращающемся кресле, собираясь предложить коллегам сделать перерыв на кофе, но обнаружил, что в отделе никого нет. Так частенько случалось: Крис был единственным бездетным сотрудником. Его не огорчали долгие переработки, они скорее приносили ему радость азарта. А вот что его действительно раздражало, так это показное мученичество коллег и постоянные напоминания: «Ну конечно, тебе-то не надо укладывать спать трех спиногрызов!» Остальные из всех сил пытались выставить себя аскетами, лишенными личных интересов. У Шепарда, напротив, нет никого, о ком приходилось беспокоиться, — таков был обычный посыл подобных разговоров. Что еще больше бесило, так это общее предубеждение, будто он не способен по-настоящему чувствовать, поскольку у него нет детей. Можно подумать, проблемы с эмпатией лечатся только отцовством.

Вернувшись мыслями к этой постоянной проблеме, Шепард споткнулся о собственный стереотип. А не подумал ли он того же о Лейле Саид? К бездетным женщинам люди относятся еще более подозрительно, чем к мужчинам. В случае с Лейлой обвинение точно разыграет эту карту. Нет ничего удивительного в том, что роковых женщин в кино и книгах никогда не показывают с детьми.

Краем уха Шепард услышал, как звякнул лифт: Карен, уборщица, заступила на свою смену. Кажется, это можно считать сигналом к отправке. Кристофер сгреб все документы в толстую папку и захлопнул крышку старенького ноутбука. Суд состоится еще через

пять месяцев, а все доказательства уже приведены в порядок. Только в декабре все узнают окончательную правду. Только тогда присяжные решат, виновна ли Лейла Саид в смерти своего трехлетнего племянника.

Часть вторая

Глава 8

Английская зима — штука опасная. Даже звуки будто съеживаются под ее воздействием: ни бойкой птичьей трели, ни шороха листьев под ногами — только вездесущее ощущение давления. Лейла постоянно думала, как Ясмин справляется с горем. Ее сестра, подобно матери, всегда плохо переносила это время года, словно убыль светового дня уносила с собой кусочек ее души. Лейла не видела Ясмин уже пять месяцев; они даже случайно не сталкивались на улице. Эндрю каждую неделю отчитывался о состоянии супруги, но, конечно, общения с сестрой его рассказы заменить не могли. Сегодня они наконец-то встретятся на заседании.

Лейла провела в приготовлениях не меньше двух часов. Для суда она выбрала костюм темносинего цвета с зауженными книзу брюками, но поначалу он показался слишком жестким и тесным: пока она ходила по комнате, он давил и натирал в самых неподходящих местах. Лейла работала из дома все пять месяцев, лишь изредка совершая вылазки в офис по выходным, и внезапное возвращение к деловой одежде добавляло тяжести происходящему. Лейла заколебалась, не сменить ли наряд на более удобный, но тогда она приехала бы в суд не заранее, а просто вовремя — и тогда существовал риск опоздать к началу, что и вовсе недопустимо, ведь ей следовало показать себя с самой лучшей стороны.

В такси по дороге в суд Лейла почувствовала неприятный спазм в животе: знакомая боль в предверии общения с государственной машиной. Вся жизнь власти представлялись ей драконом, с которым приходится сражаться, которого необходимо побеждать. Она вспомнила, как выступала в суде по семейным делам, отстаивая свое право опекать Ясмин. Обращение, с которым столкнулась Лейла, — внезапные смены дат заседаний, указания поехать за каким-то несуществующим документом в Манчестер, бессмысленная карусель бюрократических коридоров — угнетало и лишало всякой надежды. А теперь в этом шапито будет решаться ее собственная судьба: абсурдная, неповоротливая махина выберет, стоит отправить ее в тюрьму или признать невиновной.

Прибыв к Лондонскому королевскому суду, Лейла вошла в вестибюль и вытерпела досмотр охраны. Само здание состояло из двух корпусов. Парадная часть поражала величественным фасадом, просторными коридорами и стрельчатыми окнами в пол, которые приводили Лейлу в восторг. Хотелось рассмотреть их поближе, а то и зарисовать. Задний, новый корпус представлял собой серое убожество с пыльными лестницами, как в бедных муниципальных школах. Именно тут Лейле предстояло сидеть в ожидании заседания, глубоко дыша, чтобы унять дрожь. К ней подошел пристав и кивнул: полный серьезности сигнал, что испытание началось. Лейла зашагала вслед за ним в зал заседаний и села в кабину для обвиняемых — тесный отсек из пуленепробиваемого пластика. От вида судейского стола напротив на глаза навернулись слезы. Лейла много раз представляла себе, как будут проходить заседания, но не ожидала, что почувствует себя настолько маленькой и беспомощной. Оглядевшись, Лейла мысленно составила схему расположения мест в зале. Свидетельская трибуна была от нее справа, а места для присяжных — слева; они стояли друг напротив друга. Между ними размещались столы для юристов и поверенных. Клара Пирсон, адвокат Лейлы, уже заняла самое ближайшее к присяжным место и спокойно изучала содержимое папки с документами. За спиной Лейлы, на балконе, находились места для посетителей. Интересно, пришла ли Ясмин?

— Встать, суд идет! — объявил пристав.

В зал вошел судья Уоррен, костлявый мужчина с тонкими губами, которые почти сливались по тону с кожей лица. Светло-серые глаза-бусинки обрамляла толстая круглая оправа очков. Но голос у него оказался неожиданно басовитым, будто он позаимствовал его у другого человека. Судья пригласил в зал коллегия присяжных, которые молча заняли свои места.

Лейла начала рассматривать женщин в жюри, инстинктивно подмечая, кто из них может иметь детей и затаить предубеждение против нее. Иногда она глупо себя чувствовала, оказываясь в компании женщин, обсуждающих целый дивный мир, к которому Лейла не была допущена. Рядом с мамашами она чувствовала себя холодной рептилией, неспособной к гибкости и чувствам. И каждый раз ей вспоминалось мельком прочитанное социологическое исследование 2019 года, уверявшее, что незамужние бездетные женщины оказались

самыми счастливыми членами общества. Однако матери всегда выступали единым фронтом, всегда были эти «мы» против «них», имеющие детей порицали не имеющих, которые взамен владели свободным временем, собственным стабильным доходом, свободой, наконец. Пусть даже женщины с детьми не выражали зависть в открытую, но Лейла постоянно замечала их тайное осуждение. Она вспомнила, как по «Фейсбуку» расплылся вирусный пост одной женщины, которая написала, что ненавидит незамужних девушек, которые слоняются по Диснейленду в неприлично коротких шортиках и вечно толкуются в очереди за мороженым. До чего же общество оказалось жестоко к бездетным женщинам. «Таким, как я», — подумала Лейла. Неужели присяжные тоже осудят ее за грех бездетности?

Сейчас все они сидели перед ней: пять мужчин и семь женщин, включая обязательных представителей этнических меньшинств. Все женщины были в возрасте за тридцать, а то и за сорок, за исключением одной девушки, которая выглядела на двадцать пять. У нее был отрешенный холодный вид и цепкие кошачьи глаза. Возможно, она и станет спасительницей Лейлы? Суды предпочитали добиваться от присяжных единогласного решения, в качестве исключения принимали также большинство в десять голосов против двух. Девушка мельком глянула на Лейлу, та постаралась улыбнуться в ответ — жалкая попытка добиться эмпатии. Но присяжная отвернулась, не проявив никакого участия. Как же отвратительно сидеть здесь, ожидая милости от незнакомцев! Они ведь ничего не знают о ее жизни. Ничего не знают о том, как неистово Лейла любила Макса.

Встал государственный обвинитель. В черной мантии и традиционном парике из конского волоса вид у него был внушительный, хотя сам Эдвард Форшелл скорее напоминал холеного американского бизнесмена: легкий загар, волевая челюсть, возраст вступления в зрелость. Глубоко посаженные коричневые глаза будто пронзали присутствующих насквозь. Обвинитель говорил хорошо поставленным, приятным голосом. Он назвал себя и представил свою коллегу Клару Пирсон, которая сегодня находилась по другую сторону баррикад. После краткого вступления Форшелл перешел к своей речи:

— Уважаемая коллегия присяжных, услышанное сегодня вы, вероятно, будете склонны описать как трагедию. Возможно, вы

попробуете найти эвфемизмы помягче: шокирующая ошибка, провал в памяти. Но я спешу заявить, что произошедшее двенадцатого июля сего месяца не было трагическим стечением обстоятельств. Это было результатом преднамеренного действия.

Позвольте изложить сухие факты. Утром означенного дня подсудимая Лейла Саид согласилась отвезти своего племянника Макса Андерсона в детский сад, находящийся в трех с половиной милях от ее дома. Чтобы завернуть в детский сад, достаточно сделать пятиминутный крюк по сравнению с ее обычным маршрутом к офису — миссия несложная. Однако по пути Лейла Саид получила срочный звонок из офиса, где разыгралась нештатная ситуация, причем по-настоящему серьезная, ведь под угрозой оказалась мультимиллионная сделка, за которую боролась ее компания.

Мисс Саид ответила на звонок в десяти минутах от офиса, оказавшись на перепутье: она могла сначала завезти племянника в детский сад и таким образом потратить на дорогу вдвое больше времени, либо же могла доехать до офиса, решить неотложную проблему и только после этого передать Макса воспитателям. Мы предполагаем, что мисс Саид выбрала второе: решила первым делом разобраться с рабочей проблемой, а потому преднамеренно оставила ребенка в машине.

Лейла почувствовала на себе взгляды присяжных и решила не поднимать головы, чтобы не встретиться ни с кем взглядом.

Эдвард Форшелл сплел пальцы рук, продолжая:

— Уважаемая коллегия присяжных, многие из вас наверняка являются родителями. У каждого случались пугающие моменты, когда вы теряли ребенка из виду на парковке или людном пляже. Мы все знаем, какой ужас охватывает родителей в подобной ситуации. Когда ребенок наконец находится, мы восклицаем: «Слава богу, он здесь!» Но в рассматриваемом нами случае речь не о недосмотре уставших родителей или о шалости малолетки. Мисс Саид намеренно бросила спящего трехлетнего малыша в раскаленном автомобиле. Она оставила ребенка, за которого единолично несла ответственность, в машине с закрытыми окнами и дверьми на целых три часа в беспрецедентно жаркий день. Как оказалось, самый жаркий за все лето. Этот поступок и лишил жизни маленького мальчика. Однако мисс Саид же утверждает, будто забыла о ребенке. — Форшелл пренебрежительным

жестом указал на нее. — По словам подсудимой, звонок, связанный с внештатной ситуацией, способной уничтожить ее компанию, никак не связан с тем, что произошло десятью минутами позднее. Она попытается убедить нас в том, что в то утро спокойно и без спешки доехала до офиса, где попросту забыла о ребенке. — Обвинитель презрительно ухмыльнулся. — Мисс Саид также будет утверждать, будто ранее никогда не возила своего племянника в детский сад и потому забыла о возложенной на нее миссии, однако из свидетельских показаний вы узнаете иное. Кроме того, мисс Саид будет настаивать, что с радостью возлагала на себя присмотр за племянником, но вы услышите прямо противоположные свидетельские показания, причем от ее же близких друзей.

Форшелл сложил ладони вместе.

— Мисс Саид оставила Макса в машине по своей воле. Она утверждает, будто совершила ошибку, но никакой ошибки в тот день не было. Мы можем назвать действия подсудимой лишь взвешенным осознанным решением запереть племянника в автомобиле, пока сама она отправится в офис своей компании. Пребывание ребенка в закрытой машине в столь жаркий день предсказуемо привело к летальному исходу. Таким образом, вывод напрашивается один: мисс Саид виновна в убийстве. — Обвинитель сделал паузу и смерил присяжных тяжелым взглядом. — Я уверен, что вам тяжело будет вынести нужный вердикт, но факты неумолимо указывают на вину мисс Саид. «Виновна» — вот решение, которое мы ожидаем от вас услышать. — И Форшелл скромно уронил голову, показывая, что закончил речь.

От услышанного у Лейлы по спине побежали мурашки. Как он мог изобразить ее портрет в подобных тонах? Обвинитель воспользовался карикатурным образом успешной бизнес-леди, движимой исключительно амбициями. Но ведь все неправда. Когда Эндрю попросил ее о помощи, она согласилась, потому что всегда ставила нужды Ясмин превыше своих. Ее уступчивость и без того обошлась ей слишком дорого, а теперь незнакомые люди называют ее бездушным истуканом. Чем не публичная порка на площади?

* * *

Эдвард Форшелл вызвал первого свидетеля обвинения. Лейла вздрогнула, когда в зал вошла Ясмин. Она ожидала, что вызовут Эндрю, ведь все завертелось именно из-за него. Но, увидев, как присяжные уставились на ее сестру, Лейла поняла: для максимального эмоционального включения лучше начать с матери погибшего ребенка. Естественно, обвинение так и поступило.

Ясмин надела в суд бледно-розовое, почти белое свободное платье. Волосы были собраны в пучок, макияж почти отсутствовал — тонкая линия подводки вокруг огромных глаз да блеск для губ сливового оттенка. Ясмин выглядела как администратор в уважаемой юридической фирме, максимально целомудренно. Где-то в глубине души Лейла почувствовала раздражение оттого, что сестра скрыла свою красоту. Интересно, она сознательно отказалась от привычной ярко-красной помады, чтобы выглядеть более уязвимой? Обычно своей внешностью Ясмин вызывала завистливое фырканье окружающих женщин и откровенно наслаждалась этим. Сегодняшний скромный макияж вкупе с девичьим нарядом рисовали совершенно иной образ.

Лейла постаралась поймать взгляд сестры, но та старательно избегала ее. Теперь Лейла жалела, что не попробовала заговорить с Ясмин еще раз, выяснить ее намерения. Жаждет ли она мести? Готова ли определить сегодня судьбу старшей сестры?

— Мисс Саид, — замогильным голосом начал Форшелл. — Опишите, какой тетушкой была Лейла Саид для вашего сына.

Лейла вытянула шею в стремлении встретиться глазами с Ясмин, но младшая сестра не поворачивала головы, сфокусировав взгляд на незримой точке на полу перед местами присяжных.

— Она была хорошей тетушкой, — бесцветным голосом ответила Ясмин.

— Любящей?

— Да, можно и так сказать.

Эдвард склонил голову к плечу.

— Простите мою настойчивость, но я уловил в вашем голосе сомнение.

Ясмин разгладила складочку на платье.

— Ну, пожалуй, она не особенно выражала свои чувства, если вы об этом. — Она увидела, как присяжные заерзали, и поспешила

сгладить свой ответ: — Я не имею в виду, что она не любила Макса. Скорее, не показывала свою любовь. Она вообще не поклонница прикосновений и объятий.

Лейла почувствовала беспокойство. Ясмин не врала, но как это воспримут присяжные? Они не могут знать, что Лейла каждый раз чувствовала невыплаканную тоску по собственным детям, когда держала на руках Макса. Вес его тела, тепло дыхания на щеке, неуклюжие поцелуи малыша бередили незалеченную рану в душе Лейлы.

— Вы можете сказать, что ваша сестра была холодна с ребенком?

Ясмин нахмурилась.

— Нет, она очень... много вкладывала в Макса. Покупала ему кучу игрушек и книжек, всегда следила за тем, чем он занимается.

— Вы переехали в соседний с ней дом в двадцатом году. Вы рассчитывали, что сестра сможет сидеть с ребенком?

Ясмин сжала деревянный поручень свидетельской кафедры.

— Да.

— И часто?

— Примерно раз в две недели.

Лейла рассердилась: такое случалось не меньше раза в неделю, если не чаще.

— И как сестра относилась к этому?

Ясмин замешкалась на секунду, подбирая слова.

— В основном ее все устраивало. Но время от времени я понимала, что мы слишком навязываемся.

— Что наводило вас на такую мысль?

— Ну, к примеру, иногда она говорила: «У меня очень много работы, поэтому включу ему мультики». Что-то вроде этого.

— То есть, когда вы оставляли ребенка Лейле, она просто бросала его в одиночестве перед телевизором?

Ясмин развела руками.

— Не в одиночестве. Вряд ли в одиночестве.

— Иными словами, ей удавалось спокойно работать в гостиной при трехлетнем малыше и включенном телевизоре?

— Ну не знаю.

— У нее оборудовано рабочее место в гостиной?

— Нет.

— Но кабинет в доме есть?

— Да.

— Лейла профессиональный архитектор. Как вы думаете, она предпочтет работать в гостиной или в специально оборудованном кабинете?

— Не могу сказать.

Клара Пирсон демонстративно фыркнула, и Эдвард перешел к другим вопросам.

— Совершала ли ваша сестра какие-либо поступки, которые заставили вас усомниться в ее способности присматривать за ребенком?

— Нет. Будь у меня сомнения, я бы не доверила ей Макса.

— Насколько мне известно, Лейла никогда не оставляла его одного в течение длительного времени?

— Нет.

— Вы согласны с тем, что подобное недопустимо?

— Да.

— Как вы думаете, в каком возрасте ребенка уже можно надолго оставлять одного?

Ясмин колебалась с ответом.

— Ну, допустим, с шестнадцати.

Эдвард снисходительно улыбнулся.

— Это социально одобряемый ответ, но у меня тоже есть дети, и все мы знаем, что иногда приходится совершать поступки, за которые позже мы чувствуем себя виноватыми. Поэтому я очень прошу ответить вас честно. Как по-вашему, в каком возрасте ребенка уже можно надолго оставлять одного?

Ясмин переминалась с ноги на ногу, переводя взгляд с судьи на присяжных.

— Пускай будет тринадцать.

— Пускай будет тринадцать, — эхом отозвался Форшелл. — Не двенадцать?

— Нет.

— Может, одиннадцать?

Свидетельница напряглась.

— Нет.

Лейла смотрела на происходящее вытаращив глаза. Из желудка поднималась неприятная волна тошноты. Да откуда они узнали?

Обвинитель вытащил из папки листочек. Ему не требовалось читать его: это был театральный жест для пушшего эффекта.

— Ясмин, верно ли, что вы находились под опекой сестры с одиннадцати до восемнадцати лет?

— Да.

— Вы помните, что произошло в январе две тысячи второго года?

Ясмин начала нервно разминать одну ладонь другой.

— Мисс Саид, поделитесь этим с судом?

В первый раз младшая сестра бросила опасливый взгляд на старшую, но лишь на какое-то мгновение.

— Мы жили в квартире в Гэнтс-Хилл. Лейла нашла вечернюю подработку, но сначала надо было пройти обучение.

— Где проходило обучение?

— В Костуолдс.

— И надолго Лейла уехала туда?

— На три дня.

— Кого она попросила за вами присматривать?

Ясмин залилась краской.

— Я оставалась одна.

— Понятно. И сколько же лет вам было в тот момент? Шестнадцать? — Обвинитель подождал ответа. — Мисс Саид?

— Одиннадцать.

По залу прошла волна перешептываний, присяжные переглянулись.

— Одиннадцать! — громогласно повторил Форшелл, в притворной озадаченности почесав затылок. — То есть вам было одиннадцать лет, когда старшая сестра, ваш законный опекун, оставила вас в одиночестве на целых три дня посреди Восточного Лондона?

Лейла вспыхнула. Она до сих пор хорошо помнила события той недели. Она спрашивала у новых работодателей, можно ли договориться об услугах няни, и даже подумывала спрятать Ясмин у себя в номере в отеле. В растерянности она чуть было не попросила соседа присмотреть за сестрой, но потом решила, что это еще опаснее, чем просто запереть Ясмин в комнате. В конце концов Лейла скупилась половину продуктового магазина и строго-настрого запретила сестре выходить из дому. Три дня прошли в маниакальной тревоге: Лейла

была уверена, что, открыв дверь, обнаружит сестру на полу умершей от голода. По возвращении, увидев Ясмин на диване, где та сидела, замотавшись в одеяло и поглощая попкорн, которым был усеян весь пол в квартире, Лейла чуть не заплакала от облегчения. Стараясь не напугать сестру, она поздоровалась с ней как обычно, а потом заперлась в ванной и прорыдала там пятнадцать минут. Вечером они страшно поссорились, когда Лейла заприметила в мусорном ведре коробку из-под курицы из китайской забегаловки. В ярости и слезах она орала на Ясмин: «Я же велела тебе не выходить из дому! А если бы с тобой что-нибудь случилось?!» Как близка была трагедия тогда, однако настигла Лейлу лишь двадцать лет спустя.

— Мисс Саид, — продолжал Форшелл мягко, будто сообщая плохую весть, — как вы считаете, такое поведение можно считать взвешенными действиями взрослого человека?

Ясмин скорчила горькую гримасу.

— Мы обе были совсем юными.

— Но ведь это кое-что говорит о человеке, не так ли? О самой Лейле Саид и ее склонности рисковать.

Свидетельница переступила с ноги на ногу, но ничего не ответила и не попыталась встать на защиту сестры. Возможно, обвинитель был прав. Надо относиться к специфическому типу людей, чтобы рисковать теми, кого любишь.

— Мисс Саид, — мягко начал Эдвард, — ответьте мне как мать: как по-вашему, было ли это оправданным риском?

Ясмин промолчала.

— Мисс Саид?

Наконец, собравшись с духом, младшая сестра честно ответила:

— Нет.

Лейла до боли, до побелевших костяшек вцепилась пальцами в колени. Ей хотелось крикнуть: «Прости меня! Прости, Ясмин, за все, через что тебе пришлось пройти!»

— Я вернусь к событиям утра двенадцатого июля, если не возражаете, — сказал Эдвард. — Ваш супруг попросил вашу сестру подвезти Макса до детского сада. Просьба была необычной?

— Да. Мы старались не беспокоить Лейлу по утрам.

— Вот как? И почему же?

Ясмин замялась с ответом.

— Ну, чаще всего она рада посидеть с Максом, но в последний раз, когда я попросила ее прийти утром, она довольно резко отказала.

— По какой причине?

— Понимаете, она старается передвинуть все дела на утро, чтобы освободить вечер для размышлений. У Лейлы всё по расписанию.

— То есть вы неохотно обращались к сестре за помощью в раннее время. Вас удивило, когда ваш муж поступил иначе?

— Да. Я ведь предупреждала его.

— Значит, вы особо оговаривали с ним, чтобы он не обращался к вашей сестре за помощью по утрам?

— Да.

— Поскольку в первой половине дня Лейла чрезвычайно занята?

— Да.

Лейла припоминала утро, про которое говорила Ясмин: холодный февральский день за пять месяцев до гибели Макса. У Лейлы была назначена встреча с юридической фирмой, которая собиралась привлечь ее к реконструкции своего офиса в лондонском Сити. Проект был дорогой, к тому же он прекрасно смотрелся бы в ее портфолио. В закрытый клуб старых юридических фирм было чрезвычайно трудно прорваться, и Лейла потратила колоссальные усилия, чтобы попасть в это высшее общество.

«Но ты же сама себе босс, сама составляешь расписание, — канючила Ясмин по телефону. — А я завишу от начальника». — «Это не мой ребенок», — огрызнулась тогда Лейла. Она помнила, какая напряженная тишина повисла на линии. «Прости. Больше не буду тебя беспокоить», — бросила Ясмин, вешая трубку. И сдержала слово: в последующие месяцы Лейле ни разу не пришлось сидеть с племянником по утрам. Ясмин всегда была упертой. Сестры больше не поднимали опасную тему, и когда младшая снова обратилась к старшей за помощью — в субботу вечером, — Лейла с готовностью согласилась. Она считала, что конфликт исчерпан, не подозревая, что Ясмин попросту запретила мужу тревожить ее по утрам.

— Давайте еще раз пробежимся по фактам, — резюмировал Эдвард. — Лейла говорила вам, что иногда оставляет Макса наедине с телевизором. Нам известно, что она и вас оставила в одиночестве на целых три дня, когда вам было всего одиннадцать. И мы знаем, что она

категорически возражала против того, чтобы следить за племянником по утрам, когда она наиболее занята.

Ясмин теребила пуговицу на платье.

— Как вы думаете, возможно ли, что ваша сестра преднамеренно оставила Макса в машине для того, чтобы решить собственную проблему?

Ясмин, на секунду задумавшись, глухо произнесла:

— Не знаю.

Только сейчас Лейла поняла, что сестра действительно в ней сомневается. Ясмин и впрямь думала, будто она способна рискнуть жизнью племянника ради выгодной сделки. Лейла наигранно покачала головой, чтобы показать присяжным свое несогласие.

Эдвард продвигался дальше.

— Мисс Саид, я понимаю, что это может быть для вас болезненно, но я все же прошу подумать и дать правдивый ответ. Принимая во внимание известный факт, что ваша сестра уже оставляла ребенка одного — не только Макса, но и вас, — возможно ли, по вашему мнению, что Лейла заперла мальчика в машине преднамеренно?

Ясмин долго молчала. Решившись, она ответила кротким голосом:

— Да.

— Погромче, умоляю вас.

Свидетельница прочистила горло.

— Да, это возможно.

Лейла почувствовала, как силы стремительно покидают ее, будто где-то внутри прорвало дамбу. Ее только что приговорила собственная сестра. Лейлу полностью поглотил этот факт, все остальные вопросы Форшелла ушли на задний план. Ясмин ей не верит.

А если не верит Ясмин, какие у Лейлы шансы убедить присяжных?

* * *

После короткого ланча к вопросам приступила Клара Пирсон. Она начала с соболезнований, но подала их в сжатой манере, наглядно демонстрируя, что не будет церемониться со свидетелем. Лейла встревожилась за сестру. Обычно, когда та вступала в дискуссию с более умным собеседником, Лейла спешила вмешаться, чтобы сгладить острые углы. Ясмин запросто могла влезть в спор о Палестине или контроле вооружений, о чем не имела почти никакого

представления, и тогда Лейла спасала сестру, пока та не выставила себя на публике дурочкой. Сейчас, под давлением адвоката, Ясмин точно наговорит глупостей. Лейла хотела, чтобы Клара вела опрос помягче, но нуждалась в том, чтобы адвокат проявила жесткость.

— Мисс Саид, в тех случаях, когда вы оставляли сына с сестрой и она предупреждала, что лишь включит ему мультфильмы, вы возражали против такого обращения?

— Нет.

— Почему нет?

— Не видела в этом ничего плохого. Я и сама так иногда делала.

— А ваш супруг оставлял ребенка перед включенным телевизором?

— Да. Конечно, ненадолго, пока поливал палисадник. Ведь так делает любой родитель, верно?

— Правда ли, что Лейла была вашим опекуном с одиннадцати до восемнадцати лет, когда она сама находилась в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти?

— Да.

— Мы услышали здесь, что в самом начале этого периода Лейла снабдила вас полным холодильником продуктов и строгими инструкциями не покидать квартиру, пока она по работе уедет в Костуолдс, не так ли?

— Так.

— Почему она не оставила вас на попечении другого взрослого?

— Потому что нам никто не помогал.

Клара наигранно удивилась:

— Неужели совсем никто? Родители, тетушки, дядюшки, друзья семьи?

— Нет, мы с сестрой всегда были только вдвоем.

Клара покачала головой.

— То есть Лейла поступила крайне неоднозначно, но если бы она не получила эту работу, то просто не смогла бы вас прокормить.

Эдвард Форшелл возмущенно замахал рукой, привлекая внимание Клары. Губы адвоката тронула тень улыбки.

— Все верно, — ответила Ясмин.

— Впоследствии она хоть раз оставляла вас одну после того случая?

— Нет.

— С тех пор минуло двадцать лет. Справедливо ли сказать, что Лейла за это время стала более опытной в плане опеки над детьми?

— Да.

— Достаточно опытной, чтобы вы доверили ей своего ребенка?

— Да.

Клара задумчиво кивнула.

— Хорошо. Давайте перенесемся в тот день, когда произошла трагедия. Вы упомянули, что старались не обременять Лейлу в первой половине дня и просили мужа следовать вашему примеру. Была ли Лейла занята также в то утро?

— Да.

— Правда ли, что детское кресло Макса устанавливается лицом назад, против хода машины?

— Да.

— И вы однажды упомянули в разговоре с Лейлой, что вместе с мужем придумали правило оставлять на переднем сиденье игрушку или детскую обувь, чтобы не забыть о присутствии ребенка в машине, я ведь ничего не путаю?

— Да, все верно.

— А вы когда-нибудь применяли это правило на практике?

— Нет.

— Вы просили Лейлу так делать?

— Нет.

— Хорошо, давайте резюмируем. Если вы, родители Макса, обсуждали между собой вероятность забыть о сыне, когда он сидит в автомобильном кресле, не следует ли из этого, что человек, не привыкший к постоянному присутствию ребенка, может совершить подобную ошибку?

Ясмин нервно поправила прядь волос.

— Я... да, наверное.

— То есть вы согласны с тем, что Лейла — которая оказала вам большую услугу тем утром, хотя была крайне занята, — могла на самом деле просто забыть про ребенка?

— Но она никогда ничего не забывает! — инстинктивно вырвалось у Ясмин.

Один из присяжных покосился на Лейлу, и она вся съежилась от этого взгляда.

— Но все же, если вас, мать ребенка, беспокоила теоретическая возможность забыть его в машине — уточню: настолько беспокоила, что вы с мужем даже обсуждали меры против этого, — так не мог ли человек, который крайне редко возит в автомобиле ребенка, действительно про него позабыть? Возможно ли, что это был не взвешенный эгоистичный поступок, а трагическое, но случайное стечение обстоятельств?

Ясмин заволновалась, сиюсь расшифровать доводы адвоката.

— Мисс Саид?

— Да, — согласилась свидетельница. — Такое возможно.

Лейла с облегчением выдохнула, ощутив, как с груди упали невидимые оковы. Пусть этот ответ не заделает брешь, но Клара посеяла семена сомнения и дала всем возможность ощутить снисхождение к Лейле. Подсудимая попыталась встретиться глазами с Ясмин, чтобы отблагодарить ее за эту маленькую передышку, но та больше ни разу не поглядела в сторону сестры до конца заседания.

* * *

С наступлением сумерек за окном судья Уоррен объявил о конце первого дня слушаний. Лейла наблюдала за тем, как пустеет зал заседаний. Ее потряхивало от напряжения; долгий день будто вытянул из нее все нервы. Выйдя в коридор, Лейла с благодарностью встретила Уилла, который взял ее под локоть и деловито отвел к машине.

Дома она без сил рухнула на диван. Ее поглотило такое же состояние опустошенности, какое бывает у людей, выдержавших похороны близкого человека или природный катаклизм. Первый день в суде, и она выжила.

Уилл наполнил бокал вином и поставил его на табуретку подле ног жены.

— Ну как? — поинтересовался он.

— Терпимо, — ответила Лейла.

Муж ласково приподнял ей подбородок пальцем, чтобы встретиться с Лейлой взглядом.

— Эй, малышка. А если честно, как ты себя чувствуешь?

Лейла выдавила слабую улыбку:

— Как будто меня поезд переехал.

— Ты отлично держалась.

Лейле стало спокойнее от поддержки Уилла. Обычно, вместо того чтобы внимательно выслушать жену, он превращал ее проблемы в балаган и сыпал дурацкими предложениями по их решению. Ей понравилось более сочувственное отношение.

Уилл вложил бокал вина в ее ладонь.

— Злишься на Ясмин?

— Я совсем не хочу это обсуждать, — извиняющимся голосом ответила Лейла.

— Да брось, милая. Расскажи мне, что ты думаешь. Сложно в одиночку переварить слова, которые ты сегодня услышала от сестры.

Лейла вяло пожала плечами.

— Тебе не кажется, что ей следовало бы встать на твою сторону?

— Не знаю, Уилл.

— И ты не злишься на Ясмин?

Лейла взмахнула рукой с бокалом, чуть было не разлив содержимое.

— У меня нет права злиться.

— Но это не отменяет твоих чувств, — настаивал Уилл. — Так ты злишься на нее?

— Я просто хочу, чтобы весь этот ад закончился еще до того, как я разберусь в своих чувствах.

Уилл в сомнении покачал головой:

— Тебе было бы легче, если бы ты делилась своими переживаниями.

Она поставила бокал обратно на табурет.

— Я поделюсь. Но позже.

Супруг внимательно посмотрел ей в глаза, потом нежным движением убрал с ее лица прядь волос.

— Конечно.

Лейла почувствовала облегчение.

— Нам не обязательно говорить. Просто побудь со мной немножко. — Она положила голову Уиллу на грудь и закрыла глаза, чувствуя, как тревога покидает ее — хотя бы ненадолго.

Глава 9

Сегодня за кафедрой для свидетельских показаний стоял Эндрю Андерсон. Он был гладко выбрит, а короткие светлые волосы блестели от геля для укладки. В черном костюме и голубой рубашке Эндрю являл собой привлекательный образ скорбящего отца.

Лейла наблюдала за зятем, подмечая легкие признаки беспокойства: вот он поправил галстук, вот нервно тербит пуговицу, вот зачем-то сунул руку в карман. Странно было видеть своего давнего товарища в стане тех, кто стремится упрятать ее в тюрьму. Они встретились глазами, и Эндрю одарил Лейлу мимолетной улыбкой. Она зарделась от благодарности. Значит, он не собирается оговаривать Лейлу, ведь она и правда много для него сделала.

Эдвард Форшелл начал опрос:

— Мистер Андерсон, в ваших показаниях полиции вы отметили, что не хотели просить мисс Саид о помощи. Почему?

Эндрю прочистил горло.

— Не хотел злоупотреблять ее любезностью.

— Потому что по утрам она чрезвычайно загружена делами и составляет расписание на весь день?

Эндрю нахмурил брови.

— Ну нет, просто она и так многое для нас делает, и я не хочу навязываться.

— Она ведь нехотя согласилась помочь, когда вы позвонили?

— Нет.

Эдвард удивленно поднял бровь, будто ожидал иного ответа.

— И ничуть не колебалась?

— Пожалуй, нет. То есть... нет, она была согласна.

Лейла напрыглась. Почему он мямлит? Она всегда рада помочь!

— Хорошо. Как она выглядела, когда подъехала к вашему дому?

— Отлично.

— Не торопилась никуда?

— Не более, чем всегда.

— То есть обычно она торопится?

Эндрю растерялся, попав в простую ловушку.

— Нет, я лишь имел в виду, что она вела себя обыкновенно, торопясь не больше и не меньше, чем обычно.

Форшелл медленно кивнул, будто узнав великий секрет.

— Мистер Андерсон, как бы вы описали сестру вашей жены?

Эндрю обдумал свои слова, прежде чем ответить:

— Она сильный человек. Внушающий уважение, я бы сказал. Она безумно работоспособна. Многого достигла в жизни. Она... она действительно впечатляет. — Он взглянул на Лейлу и чуть заметно кивнул в знак солидарности.

У Лейлы ком встал в горле: ее потребность в признании наконец-то получила удовлетворение. Годами Лейла стремилась к результату, а для всех ее работа выглядела будто бы незаметной. Услышать признание своих заслуг здесь, на публике, в зале суда, — такой поворот событий придал ей сил.

Эдвард с заговорщическим видом спросил:

— А вы не замечали за ней неорганизованности, неряшливости, может быть, забывчивости?

— Нет.

— Лейла когда-нибудь причиняла вред Максусу?

— Нет, — удивленно ответил Эндрю. — Она бы так никогда не сделала.

— С вашего позволения, я сформулирую вопрос иначе: Лейла когда-нибудь причиняла Максусу вред хотя бы непреднамеренно?

— Нет.

— Она ни разу не скрывала от вас случаи, когда Макс вдруг поранился или ушибся?

— Нет, — повторил Эндрю с напором.

— И вы в этом уверены?

Свидетель бросил взгляд в сторону подсудимой.

— Насколько я вообще могу быть в чем-то уверен, — замявшись, пробормотал он.

Форшелл достал из своего тонкого блокнота с голубой обложкой сложенный вчетверо листок.

— То есть вы в курсе, что прошлым летом Лейла обратилась за помощью в детское отделение травматологии Лондонской королевской больницы с жалобой на рваную рану головы у ребенка?

Эндрю удивленно заморгал. Для всех в зале было очевидно, что услышанное стало для него новостью.

Обвинитель вчитался в содержимое бумаги.

— Тут написано, что Лейла Саид обратилась в детское отделение травматологии в пятницу двадцать четвертого июля. Она сообщала о происшествии вам или вашей супруге?

Эндрю в замешательстве вытянул шею, будто пытаясь прочесть документ в руках у обвинителя.

— Нет. Что случилось с Максом?

— Врач, который его осматривал, расскажет нам чуть позже. Но сначала я хочу пригласить мою коллегу, которая тоже задаст вам пару вопросов. — Эдвард Форшелл явно получил удовольствие оттого, что сумел срежиссировать столь драматическую интерлюдия.

Лейла разом потеряла надежду, наблюдая за тем, как продолжается опрос. Она искренне надеялась на поддержку Эндрю, надеялась, что он расскажет суду, как она помогала его семье деньгами и советами, как не жалела времени на заботу о родных. Но было видно, что раскрытый секрет о походе к врачу выбил Эндрю из колеи. Теперь он глядел на Лейлу с ожесточением: его сын пострадал, и никто не удосужился даже сказать ему об этом.

Лейла жаждала объяснить, что это была лишь пустая предосторожность. Будь Макс ее сыном, она бы и пальцем не пошевелила, но подобно тому, как люди более бережно обращаются с заимствованным инструментом — соседской стремянкой или одолженной у друзей газонокосилкой, — так и она более настороженно относилась к травмам Макса. Он упал с горки на детской площадке, приземлившись вниз головой. Осмотрев ребенка и обнаружив у него на виске небольшую красную полосу, Лейла тут же позвонила по телефону неотложной помощи. Оператор записала ее на прием в травматологическом отделении Королевской больницы, и Лейла съездила туда с Максом. Происшествие не стоило выведенного яйца, но пометка «неотложная помощь» придавала серьезности незначительному эпизоду. Как жаль, что она не могла объяснить это Эндрю прямо сейчас! Он был настроен помочь Лейле, но его растерянность и односложные ответы, которые он давал Кларе, не сулили ничего хорошего.

* * *

Взойдя на свидетельскую кафедру, доктор Притчард напыщенно прочитала свидетельскую клятву. Мисс Притчард было ближе к пятидесяти. Лейла хорошо запомнила ее прошлым летом: угрюмая женщина со слабым подбородком, собранными в пучок каштановыми волосами и вечным прищуром. будто она забыла дома очки. Врачом она была толковым, но совершенно не умела общаться с пациентами.

Эдвард начал деловым тоном:

— Доктор, расскажите нам, пожалуйста, что произошло, когда Лейла Саид обратилась к вам с травмой своего племянника Макса Андерсона.

Свидетельница коротко кивнула.

— Эта женщина, мисс Саид, провела у нас мало времени. По ее словам, она была не уверена, что ей вообще стоило обращаться в неотложку.

— И какой она вам показалась, можете описать?

— Я бы сказала, слегка на нервах. Она постоянно говорила и пыталась объяснить, что произошло.

— И что же именно произошло, по ее словам?

— Она сказала, что малыш упал с горки.

— Его травма подходила к такому случаю?

— Вполне. У меня не было оснований сомневаться. Мы осмотрели ребенка, нашли лишь небольшой порез кожных покровов — ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться. Хорошо, что она не потащила ребенка в амбулаторию.

— Таким образом, это была неглубокая рваная рана, ничего экстраординарного?

— Именно так.

Обвинитель нахмурил брови.

— Но тогда почему же вы посчитали нужным обратиться к нам по этому поводу?

— Скажем так, я увидела выпуск новостей про мисс Саид и вспомнила тот визит.

— Что заставило вас заподозрить неладное?

— В репортаже говорилось, что у нее нет своих детей.

— И что же тут необычного?

— А вот что: в момент визита она представилась нам как мать ребенка.

В зале послышались перешептывания. Присяжные обернулись в сторону Лейлы, которая сидела выпучив от страха глаза. Эдвард держал паузу. Было что-то зловещее в женщине, которая называет себя матерью чужого ребенка, — и обвинитель хотел, чтобы эта информация произвела эффект на собравшихся.

Когда в зале вновь воцарилась тишина, Форшелл продолжил:

— У вас были причины усомниться в ее заявлении?

— Нет, — ответила врач.

— Вы можете предположить, почему она солгала?

— Думаю, чтобы скрыть травму от настоящей матери.

Лейла заставляла себя сдерживаться. Она не закроет глаза и не опустит голову. Нельзя показывать признаки стыда.

— Чтобы скрыть травму от настоящей матери, — задумчиво повторил Форшелл. — Благодарю вас, доктор. Пожалуйста, задержитесь на несколько минут, чтобы ответить на вопросы защиты.

Вслед за Форшеллом поднялась Клара Пирсон.

— Доктор Притчард, можете поподробнее рассказать нам об этой рваной ране головы? Насколько она была обширна или глубока?

— Абсолютно незначительный порез. Мы даже не использовали пластырь, просто обработали антисептиком.

Клара театрально развела руками.

— Простите, я запуталась. Мой коллега описал травму как рваную рану головы, но при этом вы даже обошлись без пластыря?

— В документах повреждение значится как небольшая рана, но на самом деле это была не более чем ссадина.

— Не более чем ссадина, — эхом отозвалась Клара. — Но при этом Лейла Саид была настолько обеспокоена этой ссадиной, что привезла ребенка к вам на осмотр?

— Да. Мы часто сталкиваемся с тревожными родителями, — врач неопределенно махнула рукой, — или членами семьи. Малейший синяк — и они выламывают двери госпиталя.

— То есть Лейла Саид беспокоилась о племяннике, как многие ответственные родители?

— Да, это вполне верно.

— Вы определили повреждение как «не более чем ссадину». Как вы думаете, это заслуживало долгих объяснений с родителями ребенка? Если бы подобное произошло с мальчиком в садике, вас смутило бы, если бы воспитатель не посчитал нужным тут же вызывать родителей на встречу, чтобы сообщить столь пугающую новость?

— Думаю, нет. Дети получают синяки и порезы по десять раз на дню.

— Как вы думаете, это объясняет поведение Лейлы, когда она не сообщила о произошедшем сестре? В конце концов, это же ежедневная рутина.

— Да, но меня беспокоит другое. Мне показалось странным, что она выдала себя за мать ребенка.

Клара улыбнулась.

— Конечно, но мы ведь все знакомы с бюрократическим абсурдом. Могла ли Лейла выбрать легкий выход из ситуации или ей следовало вызванивать сестру ради столь незначительной проблемы?

Доктор замялась.

— Наверное, нет, но...

— У вас есть дети, доктор Притчард?

Свидетельница нахмурилась.

— Да. У меня дочь.

— Как вы воспримете, если вас оторвут от работы из-за того, что ваша дочь, допустим, порезала палец?

Доктор задумалась на секунду, а потом нехотя ответила:

— Думаю, буду раздражена.

— Можем ли мы решить, что Лейла Саид хотела уберечь сестру от ненужной нервотрепки?

— Не знаю. Спросите ее саму.

— Но как по-вашему, это возможно?

— Да, конечно, возможно, — ворчливо ответила врач.

Клара холодно улыбнулась:

— Спасибо, доктор Притчард. — Повернувшись к судье, она сказала: — Ваша честь, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Лейла поняла, что все это время сидела затаив дыхание, и осторожно выдохнула. Ее страшно вымотал сегодняшний день, и она

была рада его окончанию. Когда зал заседаний опустел, Лейла подошла к Кларе.

— Вы знали, что они вытащат это на заседании? — спросила она испуганным шепотом.

— Бумаги лежали в папке с неиспользованным материалом. В документе были сведения о том, что Макса приводили на прием, но не упоминалось, что с ним были вы, — укоризненно отметила адвокат. — Как и то, что вы назвались его матерью.

Лейла попыталась объяснить, но Клара, взглянув на наручные часы, прервала ее:

— Простите, Лейла, мне нужно идти. Не переживайте по поводу сегодняшнего. Езжайте домой и постарайтесь отдохнуть.

Лейла смотрела вслед адвокату. В голове у нее роились тяжелые мысли, которыми хотелось поделиться, но никого не было рядом. Нервы сдавали, Лейла была издергана и не могла успокоиться. Сегодняшнее обвинение звучало жутковато — словно она пыталась дискредитировать сестру или отнять у нее кусочек личности. Но ведь Лейлой двигали абсолютно благие намерения. Она только хотела избежать бюрократической проволочки и ожидания Ясмин, ведь на самом деле речь шла лишь о небольшой ссадине. Когда вечером они с Максом приехали домой, малыш веселился и самозабвенно играл, и Лейле просто не хотелось портить Ясмин настроение. После того как они потеряли Тоби, любая царапина на ребенке приводила мать в панику. Как Лейла могла предположить, что однажды эта мелкая недомолвка приведет к обвинению в самых темных устремлениях?

В фойе она увидела Ясмин: вместе с мужем она быстро шла к выходу. Лейлу немного утешило, что сестра и Эндрю по-прежнему вместе. Раньше она боялась, что Ясмин закончит дни среди безденежной богемы. Годами Лейла слышала от сестры, что все ее ухажеры слишком порядочные и скучные. Когда Лейла познакомила ее с Уиллом, Ясин и вовсе картинно закатила глаза: что это за буржуа с оксфордским образованием и карьерой в желтой журналистике? Встретив Эндрю, однако, младшая сестра крепко ухватила за его мягкое покровительственное отношение, и Лейла смогла вздохнуть спокойно.

Иногда она беспокоилась, не ревнует ли Ясмин из-за того, что у Лейлы более интересный муж. Та никогда бы в этом, конечно, не

призналась, но периодически подкалывала старшую сестру из-за унылых вечеринок с участием СМИ, которые Лейле приходилось время от времени посещать. Наверное, они с сестрой уж слишком близки. Наверное, они все слишком близки: Ясмин и Уилл со своими невинными заигрываниями, Лейла и Эндрю с торжественным соблюдением приличий. Напряжение, соревнование, химия между двумя супружескими парами. Какая болезненная связь привела их в ту точку, где они оказались теперь? Как сложился этот странный четырехугольник? Возможно, им всем не помешала бы некоторая дистанция.

* * *

Ясмин всегда считала абсурдом стремление матерей восхищаться характером шестимесячного малыша и кричать на каждом шагу, что он уже самостоятельная личность. Но, сама став матерью, она поняла, что так и есть. Тоби в свои шесть месяцев был тих и спокоен, а Макса переполняло любопытство, он вечно шумел и пытался изучить все, что его окружало. Макс был общительным ребенком, к тому же легко понимал родителей и почти не спорил. Если Ясмин объясняла своему трехлетке, почему нельзя съесть третью конфету подряд, сын мрачнел на минуту или две, но потом снова взрывался залившимся смехом, будто плохое настроение не стоило потраченного времени.

Ясмин сидела в опустевшей детской и трогала игрушки сына, будто проверяя, как они переживают скорбь утраты: вот плюшевый шмель, а вот пузатый кролик, который по-прежнему пучит глаза из-за ужасного известия. Липкая волна боли снова захлестнула ее с головой, и Ясмин изо всех сил постаралась не заплакать, чтобы Эндрю не услышал. Он обязательно прибежит ее утешать, вместо того чтобы дать ей возможность выплакать горе. Она доводила себя до мигрени и тошноты безутешными рыданиями, но потом, когда Ясмин уже решила, что достигла ступени принятия и успокоения, она внезапно рухнула вниз, на самое дно, к злобе и чувству вины. Она чувствовала себя виноватой, потому что ее не оказалось рядом с Максом в нужный момент, потому что она слишком часто полагалась на помощь Лейлы. Ясмин ничуть не задело выступление доктора сегодня в суде. Забраться на вершину горки и свалиться оттуда было как раз в стиле Макса. И она прекрасно знала, что отпрашиваться с работы из-за

мелкого пореза нелепо. В решении таких вопросов можно целиком довериться Лейле.

Нет: можно было довериться Лейле. Прошедшее время.

Ясмин вспомнила собственные показания за день до этого и вопрос обвинителя: «Как вы думаете, возможно ли, что ваша сестра преднамеренно оставила Макса в машине?» Ее ответ мог глубоко ранить Лейлу, но Ясмин должна была сказать правду. Увязнув в трясине боли и стыда, она не могла единолично решать, виновна сестра или нет. Оставалось лишь отвечать настолько объективно, насколько это возможно. Могла Лейла оставить Макса специально? Да. Заслуживает ли она тюрьмы? Ясмин и вправду не знала.

Эндрю постучал в дверь и заглянул в детскую.

— Привет, — мягко сказал он.

— Привет, — ответила Ясмин, не поворачивая головы.

Эндрю сел на кровать Макса, провел рукой по флисовому голубому одеялу. Потом увидел плюшевого шмеля на коленях у жены и ссутулился, выдавая боль, которая терзала его. Закрыв лицо ладонью, он начал беззвучно плакать.

Ясмин растерялась. Она понимала, что Эндрю тоже тяжело переживает утрату, но он всегда стремился спрятаться от жены в минуты слабости. А сейчас плечи у него вздрагивали от рыданий. Ясмин под села ближе, сжала пальцами руку мужа и уткнулась носом ему в шею.

Эндрю обнял жену и зарылся лицом в ее волосы.

— Прости, — пробормотал он.

— Нет, это ты меня прости, — ответила Ясмин. Она чувствовала, как вздрагивает Эндрю, и осознала, насколько эгоистично было отмахиваться от его неуверенных вопросов, не понимая, что он задает их не для нее, а для себя. Ведь если Ясмин в порядке, то и он сможет пережить горе.

Так они и сидели, крепко обнявшись, скрепленные своей болью, будто скотчем.

Ясмин поцеловала мужа в шею. Эндрю чуть расслабился и выпрямил спину, закрыв глаза. Она продолжала целовать его, сначала с нежностью, а потом и с нарастающей страстью. Когда Ясмин начала стаскивать с него футболку, Эндрю удивленно открыл глаза:

— Что ты делаешь?

Она запнулась.

— Я подумала, что мы можем...

Эндрю скорчил гримасу:

— Здесь?

Ясмин вся вспыхнула, восприняв его вопрос как обвинение.

— Я... я подумала, возможно, нам стоит попробовать снова.

Эндрю в изумлении воззрился на супругу:

— Попробовать снова?

Она кивнула и тихо продолжила дрожащим голосом:

— Снова завести ребенка.

Эндрю резко отстранился, чуть не столкнув Ясмин с кровати.

— Нет, — коротко прохрипел он. Вскочив с кровати, он посмотрел на жену, как на чужую. — Ты серьезно снова хочешь детей?

— Да, хочу.

Эндрю закашлялся.

— Как ты вообще можешь сейчас думать о детях? — Он показал рукой на стену с отпечатками ладоней Тоби: — Неужели ты хочешь снова через все это пройти?

— Но мы сможем уберечь ребенка, — вяло ответила Ясмин.

— Сможем? — рявкнул он в ответ. — Сможем, говоришь? Как ты судишь с такой уверенностью после того, что случилось с Тоби? Как ты вообще допускаешь такую мысль? — Эндрю сложил ладони в просительном жесте: — Может, это был знак. Может, нам с тобой просто не следует быть родителями.

Это был словно удар под дых. Ясмин прошептала:

— Ты ведь так не думаешь?

— Очень даже думаю.

Ясмин пришла в ужас. Многие годы она мечтала об идеальной жизни: муж, двое детей, коттедж за городом. А какой выбор у нее был десять лет назад! Банкир-миллионер, талантливый шеф-повар, идущий к успеху сценарист. Она выбрала Эндрю за его уверенность в себе и чуткость к ее проблемам. Ясмин решила, что отсутствие денег не мешает им купаться в любви и преданности, но оказалось, что они с трудом сводят концы с концами. Она забыла свою мечту о коттедже — пошлое материальное желание, — но потом даже автомобиль стал частенько ломаться, и поездки превратились в непредсказуемую авантюру. Ясмин помрачнела, но все равно старалась сохранять

оптимизм. Макс стал ее панацеей, лекарством от всех неурядиц. Теперь, когда сына больше нет, вокруг Ясмин осталась только гулкая пустота. Как Эндрю смеет не считаться с ее желаниями? Она стольким пожертвовала ради него, неужели она не заслуживает понимания?

— Я хочу ребенка, — настаивала Ясмин.

— Ни за что, Ясмин. Я совершенно не желаю проходить через все это снова. С меня хватит.

— Не говори так. Пожалуйста.

Эндрю опустил перед ней на колени:

— Ясмин, любовь моя. Я сделаю для тебя все что угодно. Хоть на край земли схожу и добуду то, что тебе надо. Но детей я больше не хочу. Нам нельзя заводить ребенка. — Голос у него дрогнул. — Но мы все равно можем прожить счастливую жизнь. Я тебе обещаю.

— Как? — она оттолкнула мужа. — Мы ведь не сможем ничего исправить!

— И не надо исправлять. Мы будем помнить о Максе, в наших сердцах будет жить память, и мы пройдем этот путь достойно, рука об руку. — Он наклонился к жене, но та отпрянула.

— Нет, Эндрю. Ты не имеешь права решать за меня. — Увидев у него в глазах несогласие, она еще больше разозлилась: — Ты не имеешь права отказывать мне.

— Но я отказываю, — спокойно ответил Эндрю.

— Тогда уходи. — Она вспыхнула от негодования.

— Ясмин, прошу тебя...

— Уходи, Эндрю. — Когда муж не пошевелился, Ясмин закричала: — Пошел вон!

Он поднялся, и Ясмин разъярилась еще больше, увидев его нелепую безмолвную покорность. Такова природа скорби: когда слезы заканчиваются, человек остается один на один со своей ненавистью.

* * *

Лейла открыла дверь и с удивлением увидела на пороге Эндрю. Она быстро окинула взглядом улицу у него за спиной в поисках возможных свидетелей, а потом быстро втащила его внутрь.

— Ты что здесь делаешь? — требовательно спросила Лейла.

— Прости, что вваливаюсь. Хотел посмотреть, как ты.

— Мог бы позвонить. А вдруг Ясмин тебя увидит?

Эндрю беспомощно махнул рукой.

— Она не увидит. Она... ведет себя по-прежнему.

— Все так же сидит в комнате Макса?

Эндрю потер складку на переносице.

— Каждый вечер.

Лейла рассыпалась в извинениях:

— Эндрю, прости, я в тот день не сказала про врача, это правда был мелкий порез, и я...

— Это мне надо просить прощения, Лейла. Мне следовало увереннее выступить в суде, а я растерялся.

Лейла медленно выдохнула.

— Я на тебя рассчитывала.

Он виновато кивнул:

— Прости. Я просто запутался.

Лейла размяла пальцы.

— Так или иначе, уже поздно пытаться что-то изменить. — Она показала в глубь дома: — Проходи, я налью чаю.

Эндрю прошел на кухню, сел за обеденный стол и уронил голову на руки.

— Я совершил ошибку, — мрачно заявил он.

Не обращая внимания на его слова, Лейла заваривала чай.

— Не надо было просить тебя о помощи, — продолжал Эндрю. — Тогда ничего бы не случилось.

— Господи, Эндрю! — воскликнула Лейла. — У меня своя ноша, не перекладывай на меня еще и свои проблемы! — Виноватое выражение его лица лишь подстегнуло ее. — Послушай, в тот день я сама согласилась тебе помочь. Я могла бы отказаться под предлогом работы, но я приехала. Ты не заставлял меня брать с собой Макса. Это не твоя вина, и не вынуждай меня работать твоим психотерапевтом. Мне и так несладко.

Эндрю умоляюще сложил ладони:

— А вдруг Ясмин не сможет пережить смерть сына?

— Но она же держится, правильно? Лучше, чем в прошлый раз? — Лейла не сумела убрать из голоса яд. От ее внимания не ускользнуло, что зять зашел якобы поинтересоваться ее самочувствием, но тут же переключился на себя и Ясмин.

Эндрю мрачно усмехнулся:

— Она снова хочет детей.

Лейла замерла.

— Ты шутишь.

Он пожал плечами, будто бы вздрогнув от холода.

Лейла отставила чайник в сторону и подошла к столу. Схватив гостя за предплечье, она спросила:

— Эндрю, но ты-то не думаешь о детях?

— Нет, конечно нет.

Заметив его неуверенность, Лейла повысил голос:

— Эндрю, ради бога, скажи мне, что ты ей отказал.

Ясмин сейчас была уязвима и искала быстрое решение. А ей требовалось время, чтобы залечить раны и успокоиться.

— Я люблю ее и очень хочу просто... — Эндрю потер горло, будто чувствуя удушье, — просто все исправить. Помнишь, что ты мне сказала, когда отвела в сторону на нашей свадьбе?

— Помню.

— Ты сказала, если я хоть раз причиню Ясмин вред, ты меня уничтожишь. Ты говорила так серьезно, что я сразу тебе поверил. Но в итоге, кажется, мы вдвоем уничтожили Ясмин.

— Ты всерьез думаешь, что она не выкарабкается?

— Не знаю.

Лейла расправила плечи.

— Послушай, она ведь в гораздо лучшем состоянии, чем тогда, верно? Сама ест, одевается, разговаривает с людьми. Все обойдется, Эндрю.

— Ты правда так считаешь?

— Да, я так считаю, — Лейле было необходимо верить в лучшее. Она слишком много сделала для Ясмин и не могла допустить, чтобы теперь все обернулось крахом. — Эндрю, — начала она, как можно тщательнее скрывая эмоции, — ты действительно задумывался над тем, чтобы завести еще одного ребенка?

Он потер лицо. Серая от недосыпа кожа растягивалась под пальцами.

— Я собираюсь сделать вазэктомию.

Лейла выдохнула с облегчением. Вот это абсолютно верное решение.

— Скажешь Ясмин?

— Нет, — отрезал Эндрю.

Она сжала запястье зятя:

— Я думаю, ты поступаешь правильно.

Повернувшись, Лейла вернулась к чайнику, ставя в уме заметку: не упоминать Ясмин об этом разговоре.

Глава 10

Сьюки Тейлор теребила пуговицу на белоснежной шелковой рубашке, которую носила по последнему писку моды, стильно заправляя одну полу за пояс, а другую оставляя свободно свисать вдоль широкой штанины темно-синих брюк. Девушка вежливо улыбнулась начальнице со свидетельской кафедры. В такой серьезной обстановке Сьюки со своей подростковой челкой выглядела совсем юной. Как будто скрывая что-то, она сомкнула руки перед собой.

Лейла серьезно тревожилась. У них со Сьюки были хорошие отношения, но нельзя было не признать, что временами Лейла вела себя грубо с подчиненной. Не исключено, что Сьюки затаила тайное желание отомстить за долгие вечера в офисе и унижительные задания, которые сваливались ей на голову: забрать одежду из химчистки, свозить машину на автомойку, заплатить штраф за превышение скорости, прежде чем извещение пришлют по почте, — не лучшее применение образования в престижной дизайнерской школе Сен-Мартин. Однако Лейла, пусть и нещадно гоняла ассистентку, все же продвигала ее по службе, приглашая на встречи с клиентами и советуясь с ней по важным вопросам. Она старалась быть хорошим наставником и открывать Сьюки новые возможности для самореализации, но была ли эта благосклонность обоюдной?

Эдвард Форшелл подошел к свидетельской кафедре, сияя пронырливой улыбкой.

— Мисс Тейлор, вы являетесь личным ассистентом мисс Саид. Мы можем рассчитывать на то, что вы досконально знаете ее расписание?

— Да.

— Над чем работала мисс Саид в июле нынешнего года?

Сьюки убрала челку, но волосы снова упали на глаза.

— Она работала над проектом по заказу банка «Мерсерз» по реконструкции их центрального офиса.

— Это был необычный проект?

— Да. Время выдалось очень напряженное для всех сотрудников. Нам поставили очень сжатые сроки, поэтому мы засиживались на работе допоздна и постоянно срывались друг на друге.

— Включая мисс Саид?

Сьюки нахмурила брови.

— Нет. Мисс Саид всегда держала себя в руках.

— То есть она не склонна выражать эмоции?

— Нет. Она всегда спокойна. И я ценю это ее качество, хотя поначалу считала ее какой-то снежной королевой.

Лейла напряглась. Она ненавидела, когда ее так называли.

Эдвард, наоборот, выглядел как добравшийся до сметаны кот.

— Она всегда спокойна, — протянул он, — и напоминает снежную королеву. То есть она никогда не показывала признаки рассеянности, неряшливости, забывчивости?

— Нет, — Сьюки энергично покачала головой. — Скажем так, у нее тоже бывает стресс, но она умеет это хорошо скрывать. К любым вопросам подходит профессионально и собранно.

— И ничего не забывает?

Сьюки расплылась в белоснежной улыбке:

— Нет, Лейла всегда знает, что делает.

— Вы упомянули, что мисс Саид сохраняет спокойствие в стрессовых ситуациях. Что вы имеете в виду?

Сьюки взмахнула рукой, блеснув стильным серебряным колечком:

— Когда поджимают сроки сдачи или назревает конфликт, она всегда готова вмешаться и потушить пожар.

— Это касается только профессиональной сферы или вы замечали за ней подобные качества и в личных делах?

Лейла снова принялась нервно крутить пуговицу.

— Ну, я не провожу с ней много времени за пределами офиса. — Она отвела глаза, что не ускользнуло от внимания Эдварда.

— В показаниях полиции вы заявили, что часто выполняли ее личные поручения: забирали вещи из химчистки, записывали начальницу в салон красоты. Это соответствует действительности?

— Да.

— То есть вы все-таки видели ее за пределами офиса?

Сьюки смутилась.

— Да.

Форшелл внимательно посмотрел на свидетельницу.

— В таком случае я позволю себе повторить вопрос. Лейла Саид проявляет спокойствие только в профессиональной сфере или вы замечали это за ней и в личных делах?

Сьюки нервно перебирала пальцами, словно принимая сложное решение.

— В общем, был один раз... — Она виновато посмотрела в сторону начальницы.

Эдвард знаком попросил ее продолжать.

— У Лейлы случился выкидыш на работе.

В зале поднялся шум. Внезапно открывшаяся роль Лейлы-матери, пусть и не случившейся, тут же прибавила ей симпатии коллегии присяжных. Лейла, однако, не почувствовала никакого облегчения, понимая, что именно сейчас расскажет Сьюки.

— Ясно, — кивнул обвинитель. — Можете описать, что случилось? Сьюки посерьезнела.

— Кажется, был вторник. Начало недели у Лейлы обычно особенно загружено. Я увидела, как она вошла в кабинет, а пару минут спустя она позвала меня. Лейла была не за столом, а в своей уборной. У нее... — Сьюки вздохнула. — У нее началось кровотечение. Я запаниковала, но она меня успокоила. Когда я предложила поехать в больницу, Лейла отказалась. Сказала, что это происходит уже в четвертый раз и она знает, что делать. Просто попросила меня принести влажные салфетки и прокладки.

Эдвард кивнул.

— После я... ждала ее снаружи. Помню, меня трясло и я старалась не заплакать. Лейла привела себя в порядок, вышла и продолжила.

— Продолжила?

— Продолжила работать. У нее были переговоры по скайпу.

Публика в зале огорошенно притихла. Лейла съежилась под испытующими взглядами присяжных. Она вспомнила свои ощущения в тот день: что-то мокрое и теплое течет по бедрам, и внутри будто образовалась дыра. Прагматизм взял вверх, когда она поняла, что сейчас заляпает кресло. Извинившись перед аудиторией на экране, она перебежала в уборную, оттуда набрала внутренний номер и попросила Сьюки помочь ей: «Принеси мне белье из нижнего ящика стола, пожалуйста. И тампоны». Потом Сьюки застыла в дверном проеме, округлив глаза от ужаса. «У меня выкидыш, — объяснила Лейла. — Не распространяйся об этом, пожалуйста». Она быстро смыла кровь и переделалась. Такое случалось уже в четвертый раз, какой смысл паниковать и привлекать внимание?

Эдвард поднял палец.

— Позвольте мне уточнить услышанное. У мисс Саид случился выкидыш во время переговоров, и после она продолжила беседу как ни в чем не бывало?

Сьюки искала пути к отступлению.

— Нет, я пытаюсь сказать, что она была в очень стрессовой ситуации, но проявила профессионализм, потому что звонок был очень важным...

— Важнее гибели ребенка?

Вопрос прозвучал слишком жестко, и по залу пробежал возмущенный ропот. Клара Пирсон перегнулась через стол и что-то ядовито прошептала своему коллеге.

— Я прошу вас следить за выражениями, мистер Форшелл, — заметил судья Уоррен.

Эдвард почтительно склонил голову.

— Конечно, ваша честь. Прошу прощения. — Снова повернувшись к Сьюки, он переформулировал вопрос: — Итак, мисс Саид, пережив столь значительное событие, продолжила общаться с коллегами, верно?

Сьюки судорожно сглотнула.

— Да.

— Будет ли справедливым сказать, что работа чрезвычайно важна для Лейлы, и если придется выбирать между личной и профессиональной сферами, она предпочитает уделить время последней?

— Не знаю, справедливо это или нет, но...

— Однако в той ситуации так и было? — Обвинитель повысил голос, добиваясь ответа.

— Да.

Эдвард коротко кивнул и продолжил:

— Я бы хотел обратиться к событиям двенадцатого июля. Вы позвонили мисс Саид в восемь минут девятого. Поведайте нам, пожалуйста, в чем состояла суть вашего звонка.

— Конечно. Наша команда собиралась на важную встречу с представителями банка «Мерсерз». Один из руководителей потерял чертежи. Они были выполнены в большом формате, копировальный центр еще не открылся, поэтому мы не могли просто распечатать их

заново. Я знала, что в кабинете Лейлы есть резервная копия, но не могла туда попасть.

— У кого есть ключи от кабинета?

— У Лейлы.

— Больше ни у кого?

Сьюки виновато наморщила лоб:

— Вообще-то запасной ключ существует, но его вечно не найти. У нас оставалось два варианта: либо Лейла приезжает и открывает свой кабинет, либо мы едем презентовать проект без чертежей, что достаточно абсурдно. — Девушка пожала плечами. — Вот я и попросила Лейлу приехать.

— И вы звонили ей, чтобы сообщить об этом?

— Да.

— Что она ответила?

— Что уже едет напрямиком в офис.

Обвинитель прищурился.

— Она так и сказала: «Я еду напрямиком в офис»?

— Не точно так, но что-то вроде этого.

— Однако она поняла, что в офис необходимо явиться как можно быстрее?

— Да.

Эдвард поджал губы, демонстрируя глубокую задумчивость.

— Учитывая, что Лейла Саид способна перенести выкидыш и в следующую минуту вернуться к деловому совещанию, стало бы для вас сюрпризом, если бы она решила ненадолго оставить спящего ребенка в машине, чтобы разобраться с неотложной проблемой в офисе?

Сьюки переминалась с ноги на ногу, опасаясь отвечать.

— Вы сейчас под присягой, мисс Тейлор, — напомнил Форшелл. — Я настаиваю: удивило бы вас, если бы мисс Саид решила ненадолго оставить спящего ребенка в машине, чтобы разобраться с неотложной проблемой в офисе?

Напряжение в зале суда нарастало, и девушка еле сдерживала слезы.

— Нет, — коротко выдавила она. Ее тихий ответ был сравним с оглушительным выстрелом.

Лейла почувствовала, что ей трудно дышать. Слова Сьюки не стали для нее откровением. Увы, даже она сама дала бы тот же ответ, что и ее ассистентка. Лейла Саид выигрывала по жизни, потому что умела принимать сложные решения, которыми другие тяготились. Сьюки достаточно долго проработала с ней бок о бок, чтобы понять это.

— Спасибо вам за откровенность, — задумчиво произнес Эдвард. — Пожалуйста, останьтесь с нами еще на несколько минут.

В центр зала вышла Клара Пирсон.

— Мисс Тейлор, у меня буквально пара вопросов. Сколько вы работаете на Лейлу Саид?

— Три года.

— Можете описать ее манеру работы? Она засиживается до поздней ночи?

Девушка покачала головой:

— Нет, мы стараемся следовать принципам гармоничной компании: поменьше переработок, никакой деловой переписки по выходным. В жаркие дни мы переходим на летний режим с сокращенным рабочим днем в пятницу.

— Была ли та неделя, на которую выпало двенадцатое июля, обычной?

— Нет. Я уже говорила, что мы готовили презентацию большого проекта, поэтому задерживались допоздна последнюю пару недель. Лейла не любит показывать плохой пример, но иногда обстоятельства вынуждают.

— Учитывая, какое загруженное было время, послала ли вам Лейла какие-нибудь сообщения одиннадцатого числа, в воскресенье?

— Да.

— Можете припомнить во сколько?

— Я обнаружила в электронной почте несколько писем от нее, когда проснулась в понедельник утром. Значит, она написала их очень поздно в воскресенье.

— Но это необычно для нее?

— Да.

— Учитывая, насколько поздно она легла спать, возможно ли, что на следующее утро она приехала более уставшей и рассеянной, чем обычно?

— Это было бы логично.

— Настолько уставшей, что могла, допустим, испытать временный провал памяти? Пусть даже в обычных условиях такое для нее нехарактерно.

Сьюки энергично закивала:

— Да, конечно!

— Спасибо, мисс Тейлор. — Клара повернулась к судье: — У меня нет больше вопросов, ваша честь.

К разочарованию Лейлы, снова поднялся Эдвард, не отпуская свидетельницу:

— Мисс Тейлор, вы сказали, что Лейла Саид обычно не имела привычки писать письма по воскресеньям. Скажите, часто ли такое случалось?

Девушка пожала плечами.

— Сложно сказать. Наверное, раз в месяц.

— Но не чаще?

— Вряд ли.

Эдвард кивнул приставу, и тот протянул Сьюки стопку серых листов.

— Мисс Тейлор, — заявил обвинитель, — вы держите в руках распечатку писем мисс Саид, которые она послала в течение полугода перед случившимся. Посчитайте, пожалуйста, сколько здесь воскресений, когда были отправлены сообщения?

Сьюки взвесила в руках увесистую стопку. После нескольких секунд сомнений она покорно начала считать. Время, пока она перебирала страницы, тянулось мучительно долго, стрелки на часах будто перестали двигаться. Наконец свидетельница подняла голову:

— Двадцать семь.

— Двадцать семь воскресений за полгода, иными словами, буквально каждое воскресенье. — Эдвард методично поправил манжеты рубашки под черной судейской мантией. — Можете зачитать отметки о времени отправки? Возьмем, к примеру, январь.

Сьюки вернулась к первой странице.

— Одиннадцать пятьдесят семь, двенадцать ноль одна, час ноль семь... — Она сделала паузу. — Два двадцать.

— Зачитайте, пожалуйста, в какое время было послано последнее сообщение в воскресенье перед смертью Макса, одиннадцатого июля?

Девушка замешкалась, ища нужный лист.

— В одиннадцать пятьдесят семь.

— Таким образом, учитывая, что накануне Лейла Саид прекратила работу даже раньше, чем иногда бывало, уместно ли предположить, что она была ничуть не менее собрана, хладнокровна и уверена в своих действиях, чем обычно?

— Наверное... — Сьюки была в замешательстве. — Наверное, не меньше.

— Наверное, не меньше, — с видимым удовольствием повторил Форшелл. — Благодарю, мисс Тейлор, вы нам очень помогли.

Судья Уоррен объявил перерыв на обед, и Лейла направилась напрямиком в туалет, где заперлась в кабинке — единственном надежном укрытии от атак обвинителя. Она старалась не думать о том дне, когда Сьюки застала ее всю в крови. Да, Лейла тогда сохраняла спокойствие, но к этому ее приучил собственный организм. Сколько раз можно оплакивать вездесущую потерю, одновременно титанически огромную и маленькую, как муравей? Лейла отказывала себе в возможности растеряться. Теперь она знала, что единственная максима, которая поддерживала ее внутренний стержень, способна столкнуть ее в могилу.

* * *

Жозефина Олсбрук была облачена в оливковый костюм в стиле восьмидесятых: широкие плечи и огромные лацканы, на одном из которых красовалась брошь с крупным камнем в золоченой оправе. Кучерявые волосы были подстрижены очень коротко, почти ежиком, а две глубокие морщины, пролегающие от уголков губ к подбородку, придавали свидетельнице слегка угрюмый вид. Завуч школы Роузмонт говорила в прямолинейной солдатской манере.

— Миссис Олсбрук, — начал Эдвард, — я полагаю, как глава учебного учреждения, вы всегда работаете в своем кабинете, вдали от гомона детей?

Миссис Олсбрук снисходительно улыбнулась и поправила обвинителя, когда тот закончил свой вопрос:

— Напротив, я придерживаюсь более практичного подхода. Каждое утро я выхожу встречать детей на игровой площадке и разговариваю с ними и с их родителями.

Эдвард покачал головой в знак восхищения.

— В таком случае, я полагаю, вы хорошо знаете родителей?

Директриса пожала плечами:

— И да и нет. Я сосредоточена на детях, а многим родителям хочется побыстрее сдать ребенка и сбежать, что в целом понятно.

— Конечно, но вы, по крайней мере, знаете родителей в лицо, — настаивал обвинитель.

— О да, безусловно.

— Вы узнаете Ясмин Саид?

— Да, это мама Макса.

— А Эндрю Андерсона?

— Да, это его отец.

Форшелл сделал небольшую паузу.

— А Лейлу Саид вы можете узнать?

— Да, — ответила Жозефина. — Это тетушка Макса.

— Действительно. Но откуда вам знакома ее внешность?

Не подозревая о том, какие показания были даны до нее, миссис Олсбрук ответила не задумываясь:

— Она привозила Макса несколько раз.

В зале повисло тревожное молчание. Несколькими днями раньше присяжные слышали совсем иное.

Эдвард театрально нахмурил брови, изображая сомнение.

— Вы не ошибаетесь?

— Нет.

— Но почему вы так уверены?

— Как вы сами сказали, при такой работе учишься запоминать всех в лицо. Я еще подумала, что она выглядит очень элегантно. Как настоящая бизнес-леди на рекламном плакате.

— То есть вы даже заметили, во что была одета Лейла Саид?

— Скажем так: я не смогу точно назвать предметы одежды, но вещи были стильные и хорошо подходили друг к другу.

Эдвард коротко кивнул.

— Можете навскидку припомнить, сколько примерно раз мисс Саид привозила Макса в детский сад?

Морщины в уголках рта Жозефины стали еще глубже.

— Не могу сказать.

— Больше одного раза?

— Дважды или трижды, я думаю.

— Дважды или трижды, — протянул Форшелл. — Когда она привозила племянника в последний раз?

Жозефина задумалась над ответом.

— Сложно сказать, но вроде бы я видела ее в канун Пасхи. Я еще подумала, что она удачно оделась, потому что ее фиолетовая блуза по цвету очень напоминала шоколадные пасхальные яйца от «Кэдбери».

Эдвард явно обрадовался этой небольшой детали.

— То есть это произошло в апреле?

— Да.

— Всего за три месяца до инцидента?

— Совершенно верно.

— Вы точно видели именно Лейлу Саид?

— Абсолютно точно.

— Но обвиняемая утверждает, будто никогда не привозила Макса в детский сад. Что вы на это ответите?

Жозефина нахмурилась:

— Это по меньшей мере некорректно.

— Это некорректно. — Голос Эдварда гулко разнесся по залу. — Благодарю вас, миссис Олсбрук. Вы нам крайне помогли. — Он склонил голову в знак уважения.

Вслед за Форшеллом на середину зала вышла Клара. Она говорила тихо, зная по опыту, что людей вроде Жозефины невозможно застрашивать.

— Миссис Олсбрук, когда вы говорили, что Лейла Саид была одета очень стильно, вы имели в виду, что она выделялась среди остальных мам?

— Нет, я не сравнивала ее с другими женщинами. Она сама по себе хорошо выглядела.

— Можете представить ее в окружении прочих родителей?

Завуч засомневалась.

— Нет, пожалуй. Но народ приходит и уходит в разное время.

— Однако вы можете представить ее стоящей у школьных ворот вместе с Максом?

— Ну, допустим, я не помню, чтоб она подводила мальчика ко мне.

— Какова вероятность того, что вы встречали Лейлу Саид в другом месте — на родительском собрании или школьном спектакле? Может,

даже на чьем-то дне рождения? А потом автоматически перенесли ее образ на утренние часы?

Жозефина возмущенно поджала губы.

— Я уверена в том, что говорю. Я не посещаю частные мероприятия, а если бы Лейла Саид присутствовала на спектакле или родительском собрании, ее имя было бы у нас в базе.

— Я поняла, — задумчиво кивнула Клара. — Миссис Олсбрук, вы сказали, что запомнили встречу с Лейлой Саид в апреле из-за ее фиолетовой блузы. — Адвокат указала рукой на экран на стене, где появилась фотография Лейлы. — Вот такой?

Крупнозернистая фотография была сильно увеличена, но вполне позволяла рассмотреть наряд Лейлы: светло-серая юбка с фиолетовой, оттенка обертки шоколадок «Кэдбери», кофточкой.

Директриса уверенно кивнула:

— Именно такой.

Оставив изображение на экране, Клара продолжила:

— Расскажите, пожалуйста, дети какого возраста посещают школу Роузмонт?

— У нас есть группы детского сада с трех лет и школьники до одиннадцати.

— Куда они отправляются после одиннадцати лет?

— Мы являемся отдельным подразделением при старшей школе, так что, можно сказать, у нас полный цикл обучения.

— Где находится старшая школа?

— В пяти минутах ходьбы.

— Вы бываете там?

Жозефина кивнула:

— Да, постоянно. У них более современное оборудование, поэтому иногда мы проводим занятия там. К тому же в их зале проходят организационные встречи.

— Как часто вы там бываете, допустим, в неделю?

— Четыре или пять раз, по ситуации.

— То есть почти ежедневно?

— Да.

Клара улыбнулась.

— У вас общая база данных?

— Нет, у них есть своя.

— Таким образом, если кто-то посещает мероприятие в старшей школе, в вашей базе это никак не отображается?

— Нет.

Клара попросила пристава передать свидетельнице небольшой картонный прямоугольник.

— Можете сказать, что это такое?

— Временный пропуск для посещения старшей школы, — ответила миссис Олсбрук, даже не взглянув на картонку.

— Прочитайте вслух, пожалуйста, имя и дату посещения на пропуске.

Лицо у Жозефины вытянулось, когда она прочитала:

— Пропуск на имя Лейлы Саид, выдан первого апреля.

— Какова причина посещения?

— Школьная ассамблея.

Клара нахмурилась:

— Ассамблея? С чего это Лейле Саид посещать школьную ассамблею?

— Ну, иногда мы приглашаем на собрания лекторов, которые могут вдохновить учеников.

— Таким образом, успешная предпринимательница Лейла Саид проводила бесплатную лекцию в старшей школе?

— Не могу сказать точно, но пропуск говорит именно об этом.

Клара снова указала на экран.

— Эта картинка вам знакома?

Изображение отдалилось, и оказалось, что фотография Лейлы расположена на обложке школьного издания. Шапка гласила: «Ежемесячный журнал школы Роузмонт».

— Может ли стать, что вы вспомнили Лейлу Саид, которая якобы подвозила Макса к детскому саду, а на самом деле видели ее на выступлении в старшей школе?

Директриса выглядела подавленно.

— Если точнее, — Клара кивнула приставу, и тот передал свидетельнице еще несколько документов, — Лейла трижды присутствовала на школьных ассамблеях на протяжении года. Даты вы можете увидеть на пропусках. На отдельном листе мы выписали расписание ваших занятий в помещении старшей школы. Можете заметить совпадения, миссис Олсбрук?

Краска залила шею Жозефины.

— Все три совпадают.

— Ага! — воскликнула Клара. — Таким образом, вы абсолютно правы: Лейла Саид действительно посещала школу, как вы сказали, «дважды или трижды», но не детский сад и не для того, чтобы привезти Макса. Она давала бесплатные лекции в те дни, когда вы проводили занятия в здании старшей школы. А теперь, когда мы это выяснили, не кажется ли вам, что вы никогда не видели Лейлу Саид у ворот детского сада? Что на самом деле вы видели ее лишь в старшей школе?

Краска расплзлась уже по всему лицу завуча.

— Ох, — сдавленно выдохнула она, и этот короткий звук был столь красноречив, что Лейла чуть не рассмеялась в полный голос.

— Вот именно, «ох», — констатировала Клара, оставив прежний уважительный тон. — Для протокола, миссис Олсбрук: теперь вы согласны с тем, что видели Лейлу Саид лишь в здании старшей школы?

— Да, — ответила свидетельница. — Возможно, так и было. Даже скорее всего.

— И таким образом ваше более раннее замечание о том, что мисс Саид подвозила Макса в детский сад, не соответствует истине?

— Боюсь, что нет.

Клара холодно улыбнулась:

— Благодарю вас. — Она повернулась к судье Уоррену: — Ваша честь, я закончила.

Когда судья объявил об окончании сегодняшнего заседания, Лейла ощутила робкую надежду. Клара мастерски разделалась с показаниями завуча. А деталь, которую они обсуждали, была между тем критически важна. Лейла никогда не привозила Макса в детский сад, а значит, попросту не помнила этой локации. Конечно, любой нормальный человек теперь поймет, что она поехала прямо на работу на автопилоте. Что это был моментальный провал в памяти: так отмечаешь про себя, что нужно поставить на зарядку электрическую зубную щетку, и сразу забываешь об этом, едва заканчиваешь чистить зубы. Мелкая рядовая ошибка.

Лейла благодарно улыбнулась Кларе и в этот же момент случайно поймала взгляд одного из присяжных. От его циничной улыбки и

насмешливого излома брови ее окатило холодом. А вдруг этот любопытный незнакомец каким-то образом выяснил правду?

* * *

На улице лило как из ведра, и водяные змейки сбегали по оконному стеклу, то петляя, то чутко замирая на долю секунды. Ясмин сидела в тишине, морщась каждый раз, когда снаружи, освещая фарами комнату, проезжал автомобиль. Она понятия не имела, что у Лейлы было четыре выкидыша. Ясмин знала только про первый случай и твердо помнила, как сестра говорила ей: «Не волнуйся, каждая четвертая беременность заканчивается выкидышем. Это не такое уж большое несчастье». А вскоре у Ясмин появился Тоби, и все силы стали уходить на малыша — тогда у нее просто не осталось времени следить за страданиями Лейлы.

Ясмин думала, что у сестры с Уиллом проблемы с зачатием; она понятия не имела, что Лейла не может выносить плод. Сейчас она представляла, как сестра оттирает кровь в офисном туалете и делает вид, будто ее ничуть не задело произошедшее. Этот образ заставлял Ясмин выть от осознания собственной вины за самодовольные мысли, будто у нее есть кое-что, чего нет у сестры. У Лейлы — образованной, успешной, богатой — не было Макса.

Ясмин помнила, как после выступления Лейлы на школьной ассамблее к ней подходили другие детсадовские мамочки — у многих старшие дети учились в основном здании школы — и выражали восхищение: «Значит, Лейла Саид ваша сестра? Моя Джорджия просто бредит ею!» Даже на своей территории Ясмин не удавалось скрыться от совершенства старшей сестры.

Болезненная склонность сравнивать себя с Лейлой заставляла ее постоянно придирается к мелочам: к роскошным званым вечерам («Мы никогда не тратим столько на украшение стола!»), спонтанным поездкам («Конечно, у нас ведь Макс, мы не можем просто сорваться и поехать куда-нибудь»), даже к занятиям спортом («Тебе-то легко следить за собой, ведь ты же никогда и не теряла форму!»).

«У них в доме царит какая-то пустота, согласен?» — спросила Ясмин однажды у мужа, когда они возвращались с ужина у сестры. Пустота и впрямь ощущалась в белоснежной скатерти, ровных стенах, которые никто не разрисовывал фломастером, ровной стопке счетов и

писем на тумбочке, даже в небрежно брошенном ноже для вскрытия корреспонденции. Тихо, спокойно и... холодно. Разве Ясмин не ощущала свое превосходство? Ее так и подмывало сказать: «Посмотри на мою насыщенную, бурлящую, полную людей жизнь и признай, что твоя жизнь пуста».

Узнав, через что Лейла прошла, Ясмин почувствовала порыв нежности. Ей захотелось подойти к сестре, обнять ее, простить и самой попросить прощения. Но сначала надо узнать правду. Ясмин должна услышать от коллегии присяжных, намеренно ли сестра оставила Макса. Она смогла бы простить Лейлу, если это и впрямь был несчастный случай. В конце концов, сколько родителей — да и просто людей — каждый день ходят по самому краешку? Водитель, который пропустил лишнюю рюмку за ужином; отец семейства, забывший сковороду на огне; мать, поленившаяся починить пожарную сигнализацию, — все они на волосок от трагической развязки. Неужели те, кто сделал ложный шаг посреди минного поля, хуже тех, кто чудом спасся? Если суд признает Лейлу невиновной, Ясмин сможет пройти через это испытание. Если же старшую сестру осудят, Ясмин никогда не сумеет ее простить.

* * *

Лейла отхлебнула чаю, чувствуя, как кожа мгновенно покрылась испариной. Почти кипятком, именно такой, как она любит. Взглянув на часы — они показывали восемь вечера, — она поняла, что до сих пор ничего не ела. Надо дочитать электронную почту, решила она, и заказать еду на вынос.

Первое сообщение было от ее ассистентки: извинение за то, что она рассказала историю ее выкидыша. Лейла вовсе не обижалась на Сьюки, но ее разозлило, как Форшелл мастерски обернул подробности той истории против нее. Вспомнился его укоризненный тон: «Важнее гибели ребенка?» Забавно, однако, как превозносят мужчин, которые способны вернуться к исполнению служебных обязанностей после тяжелой трагедии, тогда как женщинам подобает рыдать неделями. Тот, четвертый, выкидыш был последней соломинкой. Лейла, конечно, слышала про героических женщин, переживших шесть-семь неудачных беременностей, прежде чем выносить ребенка, но с нее было довольно. Она тогда ощутила странное спокойствие и даже не

оплакивала последнюю потерю. Лейла будто освободилась, сдалась в этой борьбе и в своей капитуляции нашла успокоение. Разве признание, что нельзя достичь всего, не приносит гармонию?

Закрыв сообщение от Сьюки, она кликнула на следующее, от Роберта Гарднера. «Что за ПОДОНОК? — возмутился он. — Одно твое слово, и я ему горло перегрызу!» Лейла беспокойно поежилась. Роберт любит разыгрывать драму, и она приучила себя не реагировать на его эскапады, но сейчас Лейла не понимала, в чем дело, и занервничала. Дотянувшись до телефона, она немедленно набрала номер своего бизнес-партнера.

— Я достану этого мелкого ублюдка! — рявкнул тот вместо приветствия.

— Роберт, — тихо урезонила Лейла, — что вообще происходит?

По голосу Гарднера было слышно, что он пропустил пару рюмок.

После нескольких секунд тишины он спросил:

— Ты что, не видела? — Роберт поцокал языком. — Этот слизняк, твой дражайший супруг, он написал про тебя.

Лейла судорожно вдохнула.

— Насколько все плохо?

— Очень плохо. — Гарднер опять цокнул языком. — Черт, Лейла, прости.

Само извинение повергло ее в ужас. У них с Робертом были здоровые приятельские отношения, которые никогда не переходили грань близости. Обычно партнеры ограничивались шуточными оскорблениями и дурацкими подколами. Поэтому сейчас серьезность тона собеседника заставила Лейлу покачнуться от страха.

— В его колонке?

— Ага.

Авторскую колонку Уилла читали десятки тысяч людей еженедельно. Прижав трубку к уху плечом, Лейла открыла сайт газеты, прокрутила страницу к списку авторов и нажала на имя Уилла Кармайкла. И обомлела. Заголовок был хуже пощечины: «День, когда мою жену обвинили в убийстве трехлетнего ребенка».

Она закашлялась, и во рту образовался кислый привкус желудочного сока.

— Лейла? — позвал Гарднер. — Мне жаль, что ты вышла замуж за такого позера.

В ушах шумела кровь.

— Спасибо, что сообщил, Роберт.

— Если я могу чем-нибудь... — начал было он, но Лейла уже повесила трубку. Она еще раз прочитала заголовок, убедившись, что ей не показалось, потом открыла саму статью.

Никто не ожидает услышать признание вроде того, что я услышал в июле. Моя жена говорила хриплым механическим голосом, будто солдат, выживший после бомбардировки. Она произнесла слова, которые изменили течение наших жизней: «Макс погиб. По моей вине».

Макс — это ее племянник или, скорее, наш племянник (ведь племянники супруги после свадьбы становятся и вашими), добродушный, отзывчивый малыш, пусть и не идеальный — как и все дети. Он дулся, когда ему что-нибудь запрещали. Частенько не умел объяснить свои эмоции, и его переполняла энергия, которую сложно было перевести в конструктивное русло. Однако Макс всегда был щедрым, дружелюбным и нежным. На его последнем дне рождения я уронил на пол свой кусок торта, и он попросил у мамы нож, чтобы подезиться со мной своим ломтиком. Я предвкушал, каким ладным юношей он вырастет, и когда жена сказала мне, что Макса больше нет, мой мир на мгновение остановился.

Остаток статьи Лейла прочла по диагонали, проглядев текст до конца странички.

Я спросил, как она себя чувствует, и она ответила: «Я не хочу об этом говорить». Я ощутил ее хрупкость, ее уязвимость, когда она попросила меня просто остаться, свернулась калачиком у меня на груди, вцепилась пальцами в воротник моей рубашки, как дети цепляются за родителя в поисках защиты. В этот момент я увидел в ней маленькое испуганное дитя, которое живет в каждом из нас, боясь окружающего огромного недружелюбного мира. Я обнял ее и занялся любовью с моей женой, потенциальной убийцей.

Лейла отстранилась от стола, испытывая нарастающее чувство шока — замирание сердца, будто от прыжка в пустоту. Гнев ослепил ее, как карикатурный злодей из мультфильма, подкраившийся со спины и накинувший ей на голову свой плащ. Уилл часто делал необдуманные поступки, но сейчас превзошел сам себя, выбрав для своей колонки такую тему.

Лейла посмотрела на фото супруга в углу экрана: растрепанные волосы, трехдневная щетина, надменно изломленная бровь. Выражение его лица взбесило ее, хотелось добраться до Уилла сквозь экран и дать звонкую пощечину. Лейла до боли сжала зубы, чтобы сдержаться и не разгромить комнату. Как он посмел?

Она схватилась было за телефон, чтобы позвонить супругу, но поняла, что не сможет добиться у него ответа звонком. Глубоко вдохнув, она схватила ключи и пошла к своей новой машине, взятой в кредит взамен «мини-купера». Шесть миль до района Уанстед, где Уилл жил вместе со старым школьным приятелем. Как симптоматично, думала Лейла, что после разрыва муж съехал от нее в квартиру к заядлому холостяку.

Приближаясь к обители бывшего супруга, Лейла все больше распалялась, вооружившись своим гневом как тараном. Ей пришлось несколько раз объехать квартал в поисках свободной парковки, и это кружение довело ее до точки кипения. К тому моменту, когда Лейла постучалась в дверь, она готова была взорваться. Ей открыл сам Уилл: он не глядел наружу, обернувшись назад в коридор и отвечая на какую-то шутку. Изнутри донесся раскатистый смех. Повернув голову, Уилл обомлел. Он набрал в грудь воздуха, на ходу придумывая, что сказать, но Лейла опередила мужа.

— Да как ты мог? — прошипела она.

Как был, босиком, он вышел на улицу и прикрыл за собой дверь.

— Я пытался тебе дозвониться.

— Когда это? — Лейла достала из кармана смартфон. — От тебя нет ни одного проклятого пропущенного вызова!

Уилл миролюбиво поднял руки.

— Лейла, пожалуйста, не злись. Я хотел сначала спросить у тебя, но знал, что ты откажешь мне без всяких обсуждений.

Лейле понадобилось все ее самообладание, чтобы не кинуться на мужа с кулаками.

— Я не понимаю, Уилл, действительно не понимаю. Объясни мне: ты на самом деле такой тупой, что не видишь чудовищности своего поступка, или тебе просто насрать на всех?

Он поежился, словно от холода, и поглядел на Лейлу с мольбой во взгляде:

— Я должен был это сделать. Для себя.

Она закашлялась.

— Я всегда знала, что ты эгоист. Но не догадывалась, что ты еще и жестокий эгоист.

Уилл растерялся, но лишь на мгновение.

— Ты вечно твердила, что я не умею разбираться с собственными чувствами. Так вот, это мой способ работать с эмоциями.

Лейла тыкнула в мужа пальцем, почти упираясь ногтем ему в нос:

— Не строй из себя благородного, Уилл. Ты меня использовал. Опубликовал мои же слова! — Лейла вспомнила его настойчивость: «Да брось, милая. Расскажи мне, что ты думаешь». А ведь она приняла это за искренность.

— Послушай...

Она перебила Уилла:

— И это еще не самое худшее. Ты использовал Макса! Он не твоя собственность, ты не можешь о нем писать!

Уилл замер, в его взгляде появился холод.

— Они моя семья тоже.

— Нет, не твоя! Вот тебе ответ на твое остроумное замечание: «Ведь племянники супруги после свадьбы становятся вашими». Нет, черт тебя дерь, не становятся, и тебе нельзя использовать их в своей газетенке!

— Я его тоже любил. Только не говори, что я не имею на это права. — Уилл странно покачнулся, как боксер, пропустивший меткий удар. — Для меня важно, веришь ты в это или нет.

Лейла с презрением бросила:

— В чем я уверена, Уилл, так это в том, что ты поганый бумагомаратель! Дешевый неоригинальный писака. — Она сделала пару шагов к машине. — Что бы между нами ни было, все кончено, Уилл. Не говори больше со мной. Не звони, не пиши. Забери свою чертову гитару и пластинки, и я больше не желаю тебя видеть.

— Лейла, мы можем всё спокойно обсудить? Да, я понимаю, ты сейчас злишься...

— Не буду я с тобой ничего обсуждать, бесхребетный ты слизняк! Всю карьеру построил на своем мудачестве! Поздравляю, Уилл! Я надеюсь, эта колонка наконец принесет тебе награду, которой у тебя до сих пор нет!

Уилл болезненно скривился, и Лейла чуть не расхохоталась от произведенного эффекта: это оскорбление, кажется, задело его больше, чем боль жены.

— Ах да, и последнее. Если ты еще раз упомянешь где-нибудь Макса, я тебя достану. Использую все свои связи, но уничтожу тебя. Если не веришь, можешь сделать ставку на все свое жалкое журналистское жалованье.

Уилл глядел на нее раскрыв рот.

Лейла рассмеялась для пущего эффекта.

— И не надейся выиграть!

Развернувшись, она направилась к машине, удовлетворенная выражением лица Уилла. Плхнувшись на сиденье, Лейла с размаху ударила по рулю ладонями, потом еще раз и еще, заорав от ярости. Словно маленький ребенок, она не могла найти слов, чтобы объяснить свою обиду, и только пуще впадала в истерику. Уилл и раньше подло крал ее истории, чтобы кропать свои статьи, и она знала это. Но использовать такую трагедию, даже не попытавшись попросить разрешения, — это было слишком.

Лейла опустила голову на рулевое колесо и дала волю слезам. Гнев угас, словно подернувшись пеплом. С самого начала друзья твердили ей, что Уилл жалкий нарцисс, но она списывала его проделки на разницу характеров, на раздражающую самоуверенность мужа и его любовь к спорам. Уилл делал безапелляционные заявления по темам, в которых разбирался, — политика и СМИ, — но держал язык за зубами, когда разговор дрейфовал в другие области, где он ничего не смыслил. Иногда, ужиная с общими друзьями, Лейла намеренно поворачивала беседу к политическим темам, чтобы приободрить супруга. Они всегда были командой, и нынешнее предательство больно ударило по Лейле.

Она твердила себе, что ей нужно побыть наедине с собой, чтобы достойно оплакать разрыв с мужем. Помогут не бесконечные полувстречи и недорасставания, а только полное одиночество. Лейла

пообещала себе, что, когда все кончится, поедет в какое-нибудь тихое место и спроектирует красивое здание — просто для удовольствия. Она так тяжело работала в «Саид и Гарднер», цепляясь за прибыльные проекты, что совсем потеряла связь с тем, что на самом деле любила в своей работе: четкие линии уникальных зданий, прямые контрфорсы, словно из сказок братьев Гримм. Она нарисует высокий готический замок, вроде жемчужин Шварцвальда: сказочный дворец, полный лестниц, тайников и ажурных арок.

Возникший в голове образ замка навел Лейлу на темные мысли: «Интересно, в тюрьме есть миллиметровая бумага?» Вопрос загнал ее в угол, потому что Лейла не представляла себе обвинительный вердикт. В глубине души она просто не верила, что такое возможно. Нет, если им с адвокатом все-таки удастся убедить присяжных в том, что произошел несчастный случай, ее не станут наказывать. Наверняка ее отпустят.

Глава 11

Дженнифер Ли стояла на свидетельской кафедре с расслабленным видом уверенного в себе человека. Длинные черные волосы убраны в хвост, темно-синий джемпер, серые брюки. Отсутствующий макияж придавал Дженнифер свежий вид.

Лейла смотрела на нее из своего отсека. С Дженнифер, няней Макса, у обеих сестер были хорошие отношения. Они слушали одни и те же подкасты и обсуждали одни и те же сериалы: «Хорошая жена», «Новости», «Западное крыло». Иногда вечерами, когда Лейла вызывалась сама присмотреть за Максом, Дженнифер оставалась у нее, и они болтали о чем-нибудь за бокалом вина. Девушке шел всего двадцатый год, но интересы и манеры у нее были весьма взрослые.

Эдвард Форшелл начал с примитивных вопросов: имя, возраст, место работы и учебы, насколько хорошо Дженнифер знала Лейлу и часто ли они виделись. Потом он перешел к отношениям тети и племянника.

— Как Лейла относилась к малышу?

Дженнифер тепло улыбнулась, будто от приятных воспоминаний.

— Потрясающе. Она постоянно с ним занималась, покупала ему развивающие игрушки, приносила книги.

Эдвард сощурился.

— А если не считать покупки игрушек, как она взаимодействовала с мальчиком?

— Макс любил с ней играть. Я всегда считала, что Ясмин повезло с такой сестрой. У Макса словно было четверо любящих родителей: Ясмин, Эндрю, Лейла и я.

Лейла сглотнула, ощутив тяжелый комок в горле. Она действительно любила племянника и была благодарна, что кто-то наконец вспомнил об этом. Пусть присяжные услышат: никакая она не снежная королева.

— То, что дети иногда доводят родителей, обычное дело, не так ли? — осторожно спросил Эдвард.

— Да.

— Если уж вы сказали, что Лейла была для Макса еще одним родителем, не раздражал ли он ее временами?

Дженнифер нахмурилась.

— В целом нет.

— «В целом нет» означает «да»?

Она слегка пожала плечами:

— Возможно, время от времени она слегка раздражалась.

— Можете привести примеры?

Дженнифер уже растеряла всю свою уверенность.

— В смысле, я видела такое всего раз или два, когда Макс слишком заигрывался.

— Так вы можете рассказать что-нибудь определенное?

— Ну, был один раз, когда Макс никак не хотел собирать игрушки и Лейла повысила на него голос. Он расплакался, а когда я хотела его успокоить, она остановила меня и сказала, что ему следует научиться слушать старших.

Эдвард поднял брови.

— То есть она не позволила вам успокоить ребенка, когда он очевидно находился в стрессе и нуждался в поддержке?

Дженнифер скривилась:

— Я бы не стала это так называть. Ребенок вел себя откровенно плохо.

— Но не настолько плохо, чтобы вы решили, будто он недостоин помощи?

— Ну, я ведь няня, а няням часто приходится относиться к ребенку даже с большей теплотой, чем мать с отцом. Будучи тетей Макса, Лейла вела себя больше как родитель.

— Хорошо, я понял, — Форшелл задумчиво кивнул. — Мисс Ли, Лейла никогда не угрожала Максу физической расправой?

— Нет, конечно!

— Вы уверены?

— Да.

Эдвард попросил пристава передать девушке документ.

— Мисс Ли, это расшифровка вашего опроса в полиции. В ходе беседы вы упомянули, что однажды при вас Лейла обещала «придушить» Макса.

Дженнифер часто заморгала.

— Это... это просто фигура речи, — ответила она, запинаясь. Лейла глядела на нее с ужасом.

Обвинитель слегка прочистил горло.

— Значит, Лейла, говоря «я его придушу», просто использовала фигуру речи.

— Она не это имела в виду. Я пыталась объяснить офицеру полиции, что Лейла никогда не причинила бы ему вреда, хотя делала язвительные замечания, как любой родитель. В тот вечер Макс устроил концерт, и все были на взводе.

Лейла потеряла всякую надежду. Она прекрасно помнила тот разговор. Макс носился по всему дому, круша по дороге мебель, ворвался к ней в кабинет посреди важного звонка. Наверное, она и впрямь вела себя слишком жестко, когда вышвырнула его из комнаты, но ведь Ясмин подбросила ей мальчика в последнюю минуту, и так ли уж важно, что Лейла слегка перешла черту?

Макс буянил весь день, и когда вечером пришла Дженнифер, Лейла уже еле сдерживалась. И вот, услышав, как племянник что-то с грохотом уронил в спальне, она простонала: «Я его придушу!», а Дженнифер в ответ вызвалась мягко успокоить малыша. В сердцах брошенная фраза, резкие слова, чтобы сбросить напряжение. Разве могла Лейла представить, что ее реплика обретет такой вес в холодном освещении зала суда и потянет ее на дно?

Эдвард тем временем продолжал:

— Мисс Ли, мисс Саид когда-нибудь жаловалась вам на свою сестру, Ясмин?

Лейла повесила голову: Дженнифер принесла присягу и была обязана рассказать всю подноготную.

— Все сестры наговаривают друг на друга, это нормально, — ответила Дженнифер.

— На что именно жаловалась Лейла?

Девушка перевела взгляд на галерею, откуда, скорее всего, наблюдала за процессом Ясмин.

— Ну, скажем, иногда Лейле казалось, что сестра не понимает важности ее работы.

— Что вы имеете в виду?

Дженнифер переминалась с ноги на ногу, не зная, как сформулировать ответ, чтобы никому не причинить вреда.

— Лейла возглавляет собственную компанию, а Ясмин просто... — она вовремя поймала себя на слове, — Ясмин работает секретаршей и,

мне кажется, не понимает разницы в ответственности. Например, она могла позвонить Лейле, сообщить, что Макс заболел, и попросить сестру поработать из дома и присмотреть за ребенком. Лейла же возражала, что, хоть она сама себе начальник, ей тоже надо работать. И что Ясмин взять выходной гораздо проще.

Эдвард кивнул, явно довольный услышанным.

— Как именно Лейла выражала подобные эмоции? Она злилась? Или, может быть, огорчалась?

Дженнифер задумалась.

— Пожалуй, злилась. Или скорее выглядела раздраженной, чем злой. Она не могла заниматься работой, пока рядом был Макс.

— Она не могла заниматься работой, пока рядом был Макс, — эхом повторил обвинитель. — И работа стояла для нее на первом месте?

— Строго говоря, да.

— Я понял, — ответил Форшелл. — Благодарю вас, мисс Ли.

Вместо него на середину зала вышла Клара Пирсон.

— Мисс Ли, вы упомянули, что Лейла покупала Максу развивающие игрушки и книги. Насколько часто?

— Ох, постоянно. Думаю, каждую неделю.

— Что это были за игрушки?

— Наборы юного химика, головоломки, мозаики, лабиринты. Любые забавы, заставляющие ребенка думать.

— То есть она была заинтересована в развитии Макса и надеялась, что он вырастет счастливым и всесторонне успешным молодым человеком.

— Да.

— Они занимались развивающими играми вместе?

Дженнифер улыбнулась:

— Да. Он обожал научные эксперименты и прямо-таки прыгал от радости, когда Лейла приносила что-нибудь новенькое. Макс всегда вовлекал ее в игру. Обычно дети предпочитают управлять процессом и решать за всех, что им делать, но Макс всегда следил за тем, чтобы тетя попробовала что-то сама. — Улыбка медленно сползла с ее лица. — Он был по-настоящему счастливым ребенком.

Клара продолжала:

— Я бы хотела вернуться к одному пункту, который вы обсуждали с моим коллегой. Вы сказали, что любой родитель время от времени

делает резкие замечания. Вы когда-нибудь слышали, чтобы мама Макса, Ясмин Саид, угрожала причинить сыну вред?

Дженнифер замерла.

— Ну... слышала, но, опять же, это была просто фигура речи.

— Что она сказала?

Дженнифер пожала плечами, будто речь шла про совсем обыденные вещи:

— Что-то вроде «да я его прибью», но... — Она заметила реакцию присяжных и твердо закончила: — Но это всегда было несерьезно.

— А как насчет Эндрю Андерсона, отца Макса? Вы слышали от него подобное?

— Время от времени.

— Что именно?

— Да то же самое. Положа руку на сердце, я постоянно слышу такие слова от всех родителей, с которыми работаю. Слыхала и фразы похуже.

— Вы со многими родителями работали?

— Я помогала пятнадцати семьям, так что в сумме получается около тридцати человек.

— И многие из них произносят подобные угрозы?

— Абсолютно все.

— Вы когда-нибудь боялись, что родители могут воплотить свои слова в жизнь?

— Нет, конечно!

— Таким образом, это просто здоровое выражение раздражения?

— Да, абсолютно.

Клара задумчиво кивнула.

— Вы упомянули, что, «строго говоря», Лейла ставила работу во главу угла. Значит ли это, что в особых ситуациях она могла отдавать приоритет другим вещам?

— Да.

— Например, когда присматривала за племянником?

— Да.

— И в этом случае на первом месте был именно Макс?

— Да.

— Спасибо, мисс Ли, — закончила Клара.

* * *

Лейла видела удовлетворение на лице адвоката, но сама она поникла духом к тому моменту, когда судья объявил перерыв. Она ощущала такую беспросветную тоску и безнадежность, какой не испытывала с того самого дня в июле. Лейлу обуревала необъяснимая тревога, которая не сводилась к простому набору причин: корень ее таился глубоко, гораздо глубже, чем совершенное руками Лейлы преступление или угроза тюрьмы. Темное, жутковатое чувство порождало зуд во всем теле. Хотелось скинуть пиджак, закатать рукава и намазать кожу каким-нибудь лосьоном или кремом. Вся одежда будто натирала и жала в самых неожиданных местах.

Лейла забилась в дальний уголок столовой. Клара имела обыкновение проверять состояние своей подзащитной в обеденный перерыв, но сейчас Лейле не хотелось говорить ни с ней, ни с кем-либо другим. Она механически жевала кусок сухого сэндвича. Все, что пытался доказать Эдвард, — что она ставила работу превыше всего, что она холодная и непробиваемая, что угрожала придушить Макса, — все это было лишь аляповатой театральной постановкой. Никто не знал ее настоящую. Эти незнакомцы не понимали, как горячо она любила Макса и как глубоко переживает его потерю.

Лейла медленно расправлялась с обедом, погруженная в отчаяние, вздрагивая от каждого звука шагов. Перед самым началом заседания она прошмыгнула в уборную помыть руки; было бы замечательно ополоснуть и лицо, но она боялась испортить макияж.

Позади распахнулась дверь, и на пороге уборной замерла Ясмин. Сестры встретились взглядами в зеркале, и в эту секунду все звуки вокруг слились в оглушительный рокот водопада: шум сушилки для рук в соседней кабинке, стук капель воды из текущего крана, урчание старой батареи.

Лейла повернулась лицом к сестре. Ясмин казалась неестественно бледной и похудевшей.

— Привет, — мягко сказала Лейла. — Как ты?

Ясмин так и стояла в дверях, не решаясь на какой-либо шаг. Ей бы полагалась выплюнуть в лицо сестре что-нибудь злое, но она лишь коротко кивнула.

— Все хорошо. — Она скривилась, но взяла себя в руки. — А ты?

— Ох, ты знаешь, — ответила Лейла, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Рада тебя видеть.

Было нелепо обмениваться формальными фразами после стольких лет шуток, драк, подколов и чистосердечных признаний, и Лейла неуютно поежилась.

— То, что Дженнифер там сказала про меня и Макса... Это несерьезно, я просто выпускала пар.

Ясмин кивнула.

— Все в порядке. Я... Я и похуже фразочки говорила.

Сушилка в соседней кабинке затихла, и воцарилась давящая пустота. Ясмин продолжила:

— Лейла, я не знала, — она взмахнула рукой у своего живота, — про беременности.

Лейла изо всех сил сохраняла спокойствие.

— Да ничего, — ответила она с горечью, не желая обсуждать эту тему. Только не здесь, не в жалкой общественной уборной с протекающим краном и облупленными стенами.

Ясмин сцепила руки.

— Я думала, что у тебя проблемы с зачатием и не знала, что ты не можешь выносить ребенка.

— Какая разница? — Фраза прозвучала горше, чем хотелось Лейле.

— Ой, ну прекрати, пожалуйста, — резко бросила младшая сестра. — Прекрати делать вид, будто всё в порядке. Ты потеряла четыре плода, Лейла. Это не то же самое, что неспособность забеременеть. — Ясмин прижала ладонь к своему животу. — Я через это прошла, Лейла. И знаю, каково это: гормоны, эмоции, стресс, токсикоз. И ты переносила все это в одиночестве?

— Я не хочу об этом говорить, — отчеканила Лейла с металлом в голосе.

— Конечно, не хочешь, — фыркнула Ясмин. — Чудо-женщина Лейла все проблемы решает сама.

Лейла хотела было ответить, но услышала шум за дверью. Она резко обернулась к зеркалу, боясь, что ее застанут вместе с сестрой, потом разгладила блузку и поправила выбившуюся прядь.

Славно было с тобой увидаться, — сказала она отражению Ясмин и, не дожидаясь ответа, вышла из уборной и зашагала к залу заседаний.

* * *

Доктор Роберт Морган чувствовал себя на свидетельской кафедре как дома. Он стоял прямо, расправив плечи и подавляя окружающих своим огромным ростом, и развязно жестикулировал. Его крепкая фигура с рельефными мышцами не содержала ни грамма жира. Лейла с удивлением глядела на его огромные ладони, гадая, как он способен проводить этими руками деликатные манипуляции, которых требовала его специальность.

— Можете звать меня Бо, — поприветствовал он обвинителя, осветив зал голливудской улыбкой.

— Бо, — с видимым дискомфортом повиновался Эдвард. Одиноким слог имени был слишком слащав для зала суда. — Можете для начала рассказать присутствующим, чем вы занимаетесь?

— Да, разумеется, — Бо обвел взглядом присяжных. — Я криминальный патологоанатом, работаю в связке с полицией или коронером и устанавливаю причину смерти в тех случаях, когда человек погиб неожиданно, при подозрительных обстоятельствах или от чужих рук. Я провожу вскрытие, а в случае необходимости также посещаю вместе с сотрудниками полиции место гибели и даю указания, как наилучшим образом осмотреть локацию предполагаемого преступления и убрать тело.

— Вы проводили вскрытие тела Макса Андерсона, верно?

— Да.

— Сколько вскрытий вы сделали за свою карьеру?

Бо в задумчивости выпятил губы.

— Думаю, больше десяти тысяч.

Эдвард удивленно поднял брови.

— Впечатляющее число.

Бо благосклонно кивнул в ответ.

— Хорошо, доктор. Бо, — поправил себя Форшелл. — Параметры, с которыми вы работаете, крайне запутаны для непосвященных, поэтому я хотел бы начать с простых школьных вопросов. Какова нормальная температура тела здорового человека?

Бо отвечал спокойно, без тени сомнения, характерной для предыдущих свидетелей.

— В пределах тридцати семи градусов. Взрослые, не имеющие хронических заболеваний, могут выдержать кратковременное

изменение температуры тела до четырех градусов в ту или иную сторону. Для уязвимых категорий, вроде стариков и детей, интервал, конечно, уже.

— Почему дети более уязвимы?

— По ряду причин. У них ускоренный обмен веществ, ниже способность к потоотделению и выше отношение площади поверхности к объему тела. То есть они могут перегреться втрое быстрее здорового взрослого.

Эдвард медленно кивнул, будто переваривая услышанное.

— В целом все присутствующие понимают, что машина, оставленная на солнцепеке, может очень сильно нагреться, практически до невыносимой температуры. Но каков именно предел нагревания?

— Скажем так, сложно точно сказать, какая температура автомобиля будет в каждом конкретном случае. Тем не менее ряд исследований показывает, что на территории Соединенного Королевства этот показатель может достигать шестидесяти шести градусов по Цельсию.

— Шестидесят шесть градусов? — повторил Форшелл.

— Именно. Причем большинство людей обычно не осознает, что за десять минут температура воздуха в машине поднимается на десяток градусов.

Эдвард достал из кармана небольшой листок.

— Двенадцатого июля в Восточном Лондоне была зафиксирована температура воздуха на отметке в тридцать шесть градусов. Мог ли воздух в закрытой машине разогреться до шестидесяти шести?

Бо склонил голову к плечу.

— Нельзя утверждать наверняка. На это влияют сотни факторов.

— Но температура в автомобиле точно была летальной?

— Без сомнения.

— Можно ли ожидать от взрослого здравомыслящего человека понимания этой угрозы?

Бо мельком кинул взгляд на Лейлу и вновь повернулся к присяжным:

— Да, однозначно.

— Ранее вы сказали, что здоровый взрослый может выдержать кратковременное изменение температуры тела в пределах четырех

градусов, что оставляет нам диапазон от тридцати трех до сорока одного градуса. Верно?

— Какую температуру зафиксировала бригада скорой помощи у Макса?

Бо поправил галстук.

— Сорок два.

Несколько присяжных шумно вдохнули, переваривая эту деталь.

— Именно она стала причиной смерти ребенка?

— Да, — твердо ответил патологоанатом, не колеблясь. — Ребенок погиб вследствие гипертермии. При длительном нахождении в горячем воздухе система терморегуляции дала сбой, температура тела начала подниматься, что привело к отказу внутренних органов.

— Почему вы уверены, что причиной смерти стала именно гипертермия, а не какое-либо заболевание?

Бо задумчиво поглядел в потолок, собираясь с мыслями и демонстрируя, что вопрос обвинителя имеет резон.

— Ну, во-первых, температура тела ребенка составляла сорок два градуса, что уже превышает порог выживаемости. Во-вторых, анализы крови показывают, что он испытывал сильнейшее обезвоживание. В-третьих, в желудке мы обнаружили стрессовые трофические язвы, характерные для подобных случаев. Учитывая все вышперечисленное, я утверждаю, что причиной смерти стала гипертермия из-за оставления ребенка в запертом автомобиле.

— В таком случае несет ли ответственность за произошедшее человек, оставивший Макса в автомобиле?

Бо беспощадно кивнул:

— Да.

Лейла закрыла глаза, и на внутренней стороне век вспыхнули яркие пятна. Она покачнулась, чувствуя, что теряет сознание. Побоявшись рухнуть на пол, Лейла оперлась ладонью о пластиковое окно перед собой. Заметив это, секретарь цыкнул, и она поспешно убрала руку. Лейла боялась даже поглядеть в сторону присяжных; она знала, какая картина сейчас стоит у них перед глазами: задыхающийся малыш на заднем сиденье, круглые персиковые щечки пылают от перегрева.

Эдвард провел еще целый час, разбирая каждую деталь отчета, представленного доктором Морганом. К тому моменту, когда обвинитель закончил, присяжные уже валились с ног от

перенапряжения, но Клара была неумолима. Он встала, устремив взгляд на записи у себя в блокноте, и начала охоту за оговорками:

— Бо, вы сказали следующее: «Причем большинство людей обычно не осознает, что за десять минут температура воздуха в машине поднимается на десяток градусов». То есть, по вашему опыту, большинство людей этого не знает?

— Именно так.

— Включая здравомыслящих взрослых людей?

— Да, однако...

Клара не дала ему договорить:

— Вы также сказали, что существуют «сотни факторов», которые могут повлиять на температуру внутри автомобиля. Можете перечислить хотя бы некоторые?

Бо с трудом сдержал раздражение, но кивнул:

— Хорошо. Для начала, местонахождение авто; размещена ли машина под прямым воздействием солнца или в тени; каков угол, под которым солнечные лучи падают на автомобиль...

— Таким образом, существует изрядная степень неопределенности.

— Да.

— Иными словами, нельзя ожидать от здравомыслящего взрослого человека, что он сможет учесть все научные расчеты относительно температуры в салоне автомобиля?

— Пожалуй, нет...

Клара не дала ему даже произнести «но», перескочив к следующему вопросу:

— Бо, вы упомянули, что в процессе вскрытия обнаружили в желудке Макса стрессовые язвы. Что это такое?

— Если совсем буквально, это противоестественные красные отметины на внутренней оболочке желудка. Когда смотришь на них через микроскоп, видно, что в этих местах слизистая желудка разрушена. Учитывая специфичность и характер повреждений, можно утверждать, что тело пострадавшего находилось в состоянии серьезнейшего физиологического стресса.

— Сколько именно стрессовых язв вы обнаружили в случае Макса?

— Множество.

— Сколько это — «множество»?

Бо тяжело вздохнул.

— Десять или двадцать, но конкретное число не имеет значения, поскольку наличие даже одной язвы говорит о том же самом. Двадцать пятен не означают двадцатикратного стресса; существенно само наличие таких язв, будь их одна, двадцать или сто. Это ясно говорит о том, что ребенок находился в тяжелейшем стрессе.

Кларе явно нравилось, что доктор наконец начал терять терпение.

— Стрессовые язвы всегда вызваны только воздействием высоких температур?

— Нет, они не имеют специфики.

— То есть их могло вызвать какое-либо заболевание?

— Теоретически да, но эти язвы были свежими. Они появились не за день и не за неделю до происшествия, а ровно в то утро.

— Но откуда мы можем знать, что они вызваны не заболеванием?

Бо злобно раздул ноздри.

— Мы проводим стандартный набор анализов на наличие у детей инфекций или воспалительных процессов. Изучаем кровь, мочу, слюну, срезы тканей. Ни один из анализов не показал признаков какого-либо заболевания.

Клара вооружилась новым листом бумаги.

— В отчете вы пишете, что в процессе проведения стандартного набора анализов обнаружили в крови ребенка следы прометазина. Это соответствует истине?

— Да.

— Прометазин используется для лечения аллергии, бессонницы и морской болезни, верно?

— Да.

— Это не навело вас на размышления?

— Нет. Отец Макса подтвердил в полиции, что давал сыну прометазин утром. Если вы посмотрите медицинскую карту ребенка, то обнаружите, что препарат был прописан врачом месяцем ранее, чтобы купировать проявления сенной лихорадки.

— Но ведь прометазин — сильнодействующий препарат. Он не слишком опасен для детей?

— Зависит от ребенка.

— Прометазин может вызвать сонливость?

— Да.

— А пониженное кровяное давление?

— Насколько я знаю, оно указано в списке возможных побочных эффектов.

— А пониженное кровяное давление может привести к отказу внутренних органов?

— В особо тяжелых случаях — да.

— Так возможно ли, что к смерти Макса привел прометазин?

Бо нахмурился.

— Симптоматика была бы немного другой.

— Но вы согласны с утверждением, что отец Макса утром дал ему препарат, который может привести к отказу внутренних органов?

— Мальчика убило не это.

— Но теоретически могло убить и это?

— Теоретически нас может убить великое множество вещей: упавшая с неба наковальня, например. Но в нашем случае причина смерти была иная.

Клара холодно на него посмотрела:

— Вы меня на посмешище выставить вздумали, доктор?

Атмосфера в зале сгустилась. Бо понял, что привычка разговаривать с женщинами свысока отнимет у него симпатии присяжных.

— Прошу прощения.

Клара важно кивнула, будто каждый день расправлялась таким образом с тысячью грубиянов.

— Извинения приняты. — Она повернулась к судье Уоррену: — У меня нет больше вопросов к свидетелю, ваша честь. — Адвокат проследовала к своему месту и уселась без тени улыбки на лице.

* * *

Ясмин и Эндрю молча залезли в машину. Ясмин по привычке глянула на заднее сиденье — мышечная память материнства еще действовала. Странно, что им, родителям, не отвели особое место в зале суда. Она ожидала, что с ними будут вести себя обходительно. но в родителях даже будто бы не видели жертв. Напротив, считали лишь рядовыми свидетелями, оставив им возможность лишь взирать на происходящее с публичной галереи. Ясмин считала, что уже прошла похожий путь с потерей первого ребенка и может ориентироваться в происходящем, но судебная система действовала по иному сценарию,

нежели медицинская. С Тоби она исполняла роль самозванного эксперта и в разговорах сыпала прогнозами и профилактикой. Быть родителем больного ребенка — особая культура: громкие слова сочувствия и еще более громкие советы, даже своеобразное чувство соперничества на тему того, кто испытывает больше страданий. Но под всем этим наносным мусором лежало сочувствие. Входило это в их обязанности или нет, но усталые доктора и медсестры также играли роль наставников, психотерапевтов и пасторов. Закон в сравнении с ними был безжалостен. Ясмин отнюдь не хотела, чтобы с ней нянчились — ее вообще бесило сюсюканье, с которым принято разговаривать с безутешными родителями, — но она вправе была ожидать более мягкого обращения, хотя бы элементарной защиты от жестокости судебной системы. После услышанного сегодня даже простая дорога домой требовала героического хладнокровия.

Подъехав к своему жилищу, они с минуту собирались с духом, чтобы встретиться с пустотой холодных комнат. Эндрю вышел из машины первым, Ясмин покорно последовала за ним. Она даже не поблагодарила мужа за то, что придержал дверь, и сразу устремилась к ближайшей батарее, чтобы согреть застывшие пальцы. Когда следом на кухню вошел супруг, Ясмин отстранилась от радиатора и молча поднялась наверх.

— Ясмин, — нервно позвал Эндрю.

Она остановилась на полпути, стоя сразу на двух ступеньках:

— Что?

— Тебе не кажется, что нам, возможно, лучше проводить вечера внизу?

Ясмин обиженно выпрямила спину. Она понимала, о чем речь: по сложившемуся странному ритуалу она уходила в комнату Макса и сворачивалась там клубком в кресле. В детской Ясмин чувствовала себя в безопасности. Муж внимательно за ней следил, как опытная сиделка. Месяц назад он мягко предложил начать избавляться от детских вещей, что вызвало ссору. Возможно, Ясмин сама сбила мужа с толку. Когда умер Тоби, она настояла на том, чтобы выкинуть все из комнаты абсолютно как можно скорее, оставив лишь отпечатки ладоней на стене. Тогда она испытывала настоящий катарсис, кульминацию неисчерпаемой боли, — но у нее было время подготовиться. В этот раз потеря оказалась совершенно неожиданной и

немотивированной, и Ясмин требовалось время, чтобы в полной мере осознать ее.

— Не хочу, — ответила она, продолжив путь.

— Ладно, — смиренно согласился Эндрю.

Ясмин чувствовала, что супруг провожает ее глазами, но не обернулась.

— Я схожу прогуляюсь, — сообщил он ей вслед. — Проветрю голову.

— Хорошо!

Она взялась за ручку двери в детскую, но тут обратила внимание на пятно краски на косяке. Они замазали шпатлевкой отметки, которыми обозначали на двери рост Тоби. Эти чуть видные следы не привлекали к себе внимания, пока в комнате кипела жизнь, но сейчас они навели на Ясмин праведный ужас. Она свернулась калачиком в своем кресле и долго глядела на темное пятно на сером ковролине — первый след, который оставил Тоби кровью однажды вечером. Ясмин закрыла глаза. Матери тяжело больного ребенка необходимо убить в себе все чувства. Убить часть себя, чтобы оставаться в здравом уме. Именно эта часть Ясмин отказывалась от помощи Эндрю. Чтобы быть хорошей матерью, казалось ей, надо принять мученичество. Она вспомнила, как однажды, когда она кормила Тоби, кожа у него вокруг рта просто лопнула, придав ему зловещий вид. Наклонившись, чтобы успокоить сына, Ясмин отпрянула в ужасе, закрыла глаза и долго не могла унять слез. Да что же это такое — кара за давно позабытый грех? Теперь она понимала: тогда в ней что-то сломалось. Воля к жизни покинула ее, и поэтому она в тот раз пыталась навсегда заснуть в ванне.

Теперь она хотела знать только одно: что Макс умер не просыпаясь. Если бы она удостоверилась в этом, то еще смогла бы найти себе место в жизни. Возможно, смогла бы даже сосредоточиться на простых радостях в других ее областях. Но какая радость в пустом доме? Неужели ее желание снова родить и правда так смехотворно? Эндрю был непоколебим, несмотря на все ее слезы и уговоры: может, на этот раз у них родится дочка, они будут ее баловать и укрывать от любой опасности, они сделают все правильно. Но Эндрю отказывал Ясмин с таким металлом в голосе, какого она еще не слышала.

Ей было очень горько, что супруг так открыто игнорирует ее желания. Особенно ярко это проявлялось на фоне того, что на

протяжении всего брака Эндрю увивался вокруг жены и исполнял все ее капризы, понимая, кто из них кого добивался. Нынешний резкий отказ подталкивал ее к мятежу. Ясмин полусознательно нащупала в кармане телефон, вынула его и прокрутила чаты в Ватсапе. Ее переписка с Джейсоном, полная флирта, была нечастой, но тянулась на протяжении многих лет.

А что, если?..

Шальная мысль принесла ей удовольствие. Ясмин вспомнила все их случайные столкновения: рука Джейсона у нее на оголенной спине, его горячее дыхание на шее — в тот раз, когда толпа прижала Ясмин к его груди в забитом вагоне метро на Ковент-Гарден. И тот корпоратив, на котором оба в хлам напились. Если Эндрю не позволяет ей зачать ребенка, возможно, она сделает это с Джейсоном. Его можно соблазнить в два счета. Поздний вечер на работе, пара бокалов чего-нибудь покрепче, номер в отеле. Туманная перспектива сложилась в стройный план действий, перейдя из разряда фантазий в реальную возможность. Ясмин так и сяк крутила эту идею в голове, будто преступник, обдумывающий ограбление банка. Сама возможность успокоила ее, сняла с плеч тяжелый груз. Скорее всего, она никогда не прибегнет к этому средству, но наличие выбора — последняя надежда, если Эндрю все же откажет, — позволяло дышать свободнее. Внизу хлопнула входная дверь, и Ясмин восприняла это как знак.

* * *

Лейла услышала знакомый сигнал дверного звонка: длинный, потом короткий. Так звонил Уилл в те вечера, когда забывал ключи. Сначала Лейла решила просто проигнорировать супруга, но потом вспомнила, что у него есть ключи и он просто войдет внутрь.

И правда: дверь скрипнула, и в коридоре раздались шумные шаги. Лейла поспешно смяла пластиковый пакет из магазина и кинула в мусорное ведро. Недовольно принюхалась к застывшему запаху грязной посуды и сырости от холодильника. Нельзя давать Уиллу удовольствие видеть ее в таком виде: растрепанной и потерянной посреди горы упаковок от готовых обедов. Но вот Уилл появился на пороге кухни. Из-за темных кругов под глазами он будто постарел лет на пять.

— Я так понимаю, ты пришел за своими пластинками? — едко осведомилась Лейла. — Когда закончишь, оставь ключ на тумбочке. — Она двинулась мимо него в коридор, но Уилл преградил ей путь:

— Ты помнишь день, когда мы повезли Макса в музей?

Лейла поглядела бывшему мужу в глаза.

— Ты не посмеешь, Уилл, — произнесла она холодно. — Ты, мать твою, не посмеешь.

— Ты думаешь, я просто разыгрываю театр? Думаешь, я притворяюсь? — Уилл сжал кулаки. — Разве ты не помнишь, как меня накрыло тогда?

Лейла ничего не ответила. Она, конечно, прекрасно помнила. Это произошло в прошлом году промозглым октябрьским утром. Они согласились присмотреть за Максом, поскольку Эндрю и Ясмин были приглашены на свадьбу. Упаковав малыша в синее пальтишко и красные штаны на подтяжках, они втроем поехали в Музей естественной истории на другом конце города. Пока Лейла стояла в долгой очереди за билетами, что-то привлекло внимание Макса, и он схватил Уилла за руку:

— Папа, папа, смотри!

Уилл встретился взглядами с женой, и между ними проскочила болезненная искра — напоминание о той жизни, которой у них никогда не будет. Уилл тогда схватил Макса на руки и понес к объекту интереса, восторженно о чем-то болтая с ребенком, но в ночь после этого прижимался к спине Лейлы, едва сдерживая рыдания. Она пыталась повернуться к нему лицом, но муж слишком крепко обнимал ее. Она так и лежала с открытыми глазами в темноте спальни, дав Уиллу шанс выплакать свое горе.

На следующий день Лейла впервые предложила взять ребенка из детского дома, но ее ждал решительный отказ. Уилл заявил, что хочет растить собственного ребенка и усыновление его не удовлетворит. Лейла не могла принять такого решения, и с тех пор начались долгие месяцы разлада. В каком-то смысле момент, когда Макс сжал своей ладошкой руку Уилла, стал началом конца их семьи.

— Я помню, — ответила Лейла. — Но почему тогда не быть честным? Если тебе больно, значит, тебе больно. Откуда этот язвительный цинизм в твоей колонке?

Уилл развел руками:

— Я ничего такого не имел в виду.

— Имел, Уилл. Имел, ведь ты больше всего на свете боишься, что твой образ мачо хоть на минуту приобретет человеческие черты и твои друзья по социальным сетям увидят в тебе нечто живое!

— Да брось, Лейла.

— Ответь мне тогда на один вопрос: точно зная, что ты натворил, точно зная, как мне больно от этого, — если бы повернуть время вспять, ты все равно написал бы ту статью?

Уилл шумно выдохнул:

— Я не знаю, что ответить.

— Нет, Уилл, знаешь, — прошипела Лейла. — Ответить на этот вопрос очень просто, и если ты этого не понимаешь, какого черта ты делаешь в моем доме?

Он сомкнул ладони в умоляющем жесте:

— Если бы я знал, что могу из-за этого тебя потерять, я бы никогда не написал статью. Успокойся, Лейла, мы же команда.

— Мы больше не команда, Уилл. Все, с меня хватит. — Лейла снова попыталась пройти мимо, но Уилл схватил ее за запястье. Его порыв, знак собственности, вызвал в ней ярость. Повернувшись, Лейла с силой оттолкнула мужа. — Усвой одну вещь, Уилл. Этот дом больше не твой. Тебе запрещено приходить когда вздумается. А я тебе больше не жена, и не смей ко мне прикасаться без разрешения.

Он не опустил взгляд.

— Я, возможно, здесь и не живу, Лейла, но это по-прежнему мой дом, а ты по-прежнему моя жена.

Она вызывающе вскинула подбородок.

— Значит, настало время подавать на развод. — Ее слова прозвучали как объявление траура, требующее немедленной тишины.

— Ты этого не сделаешь, — произнес Уилл еле слышно, почти шепотом.

— Тогда только тронь меня — и выяснишь, вру я или нет, — угрожающе процедила Лейла. Их разделял всего шаг, и в гнетущей тишине ей и впрямь на одну ужасающую секунду показалось, что Уилл ее сейчас схватит. Но чувство собственного достоинства взяло в нем верх, и он отступил.

— Не отказывайся от меня, Лейла.

— Ты знаешь, где выход, — бросила она.

Обойдя бывшего супруга, Лейла взбежала по лестнице и заперлась в спальне, полная злорадного удовлетворения, но все-таки вздрогнула от грохота закрывающейся двери, внезапного, как захлопывающийся капкан.

* * *

Шепарда весь день мучило тягучее предчувствие — будто легкая тошнота глубоко внутри. Предчувствие пульсировало в голове на протяжении утренней летучки, спутывало мысли весь день и вот теперь окончательно добило к вечеру. Когда за окном погас дневной свет и отдел опустел, Шепард сел за свой стол и стал внимательно пересматривать каждый лист в папке, пытаясь понять, что он мог упустить. Отхлебнув кофе, он с отсутствующим видом передвинул чашку подальше, чтобы не заляпать фотографию Лейлы. Чуть раньше один из коллег остановился у него за спиной, привлеченный изображением молодой женщины.

— Кто тут у нас? — с намеком протянул он.

— Тут у нас нарушитель, — отрезал детектив. Он знал, что все в отделе считают его занудой, но редко позволял себе ввязываться в обмен шутками. Еще в начале своей службы в полиции Шепард познакомился с неформальным сокращением ВИЛФ^[3], которое старшие коллеги часто использовали. Большинство из них не боялись произносить его вслух, например: «Десять из десяти по вилфометру!» А пара человек, бравируя, даже писали аббревиатуру в отчетах, а на резонные вопросы начальства придумывали невинные расшифровки наподобие «вероятность использования ложных фактов». С тех пор в отделе криминальных расследований произошли громадные изменения, но офицеры по-прежнему нарушали все запреты: разглядывали личные фото свидетельниц на «Фейсбуке», врываются к ним домой в неурочный час с якобы важными вопросами. Шепард и сам так делал с матерью Кору много лет назад, но твердо выучил урок и зарекся повторять ошибку.

Схватив фотографию Лейлы, детектив убрал ее на дно папки. Все улики приведены в порядок, но делу далеко до закрытия. Обвинение обнаружило новые существенные факты: в детстве Лейла оставляла Ясмин в одиночестве; отвела Макса к врачу, притворяясь его матерью; умудрилась продолжить видеоконференцию, несмотря на выкидыш.

Все эти факты рисовали обвиняемую в новом свете, как холодную, расчетливую, противоестественно бесчувственную женщину. Но суд показал и другую ее сторону: любящую тетушку, увлеченно занятую развитием племянника, загруженную работой бизнес-леди, которая тем не менее находила время для игр с ребенком. Да, она иногда оставляла племянника наедине с телевизором, но это вряд ли тянет на проступок. Обвинителю придется копать глубже.

Шепард пролистал расшифровку интервью с Дженнифер Ли в надежде за что-нибудь зацепиться. Там было слово «придушить», но любой присяжный, имеющий детей, поднимет такое обвинение на смех. Следующие пару часов детектив заново просматривал расшифровки и видеозаписи. Наконец он достал из шкафа коробку с неиспользованным материалом и вывалил содержимое на стол. Команда обвинения уже много раз проверяла эти бумажки, но Шепард был в курсе, насколько ребята перегружены. Пусть он не осмелился бы сказать им такое в лицо — он ведь всего лишь скромный коп, — но они имели обыкновение упускать важные детали.

Детектив продирался через кучу макулатуры: телефонные счета Лейлы, список ссылок в интернете, по которым она переходила, отправленные ею письма, загруженные в соцсети фотографии. Сотни страниц бесполезного хлама. Шепард выудил очередное фото: здесь Лейла стояла на сцене, подняв руки, будто командовала армией. Все в ее образе говорило о власти: темно-красный оттенок платья, строгая прическа, точеная талия. Часто ли ей приходится посещать фитнес-зал? Пролистав личное досье, Шепард обнаружил, что она занимается бегом. Приводилась распечатка данных ее бегового приложения. Ежедневные тренировки по четкой программе: пять минут разогрева, пять минут кардио, полчаса высокоинтенсивных интервальных упражнений, пять минут расслабления. Лейла и впрямь во всем стремилась к вершинам. Шепард просмотрел ее расписание и выбрал самые частые остановки. Пять наиболее посещаемых мест: дом, офис, дом ее сестры за углом, супермаркет на соседней улице и «Сиам», скромная закусочная рядом с ее работой. Дальше детектив проверил информацию, касающуюся посещения Лейлой дома Ясмин. Обычно сестры виделись по выходным; этот ритм нарушался иногда визитами в середине недели — видимо, тогда Лейла присматривала за Максом, обычно поздними вечерами или в нерабочие дни. Оказывается, Лейла

сидела с племянником по меньшей мере раз в неделю — Ясмин слукавила, когда давала показания. Могло ли что-то на протяжении многочисленных визитов к сестре продырявить непробиваемую броню чудо-женщины?

Шепард опять потянулся за кофейной чашкой, но понял, что она уже пуста. Наскоро просмотрев остаток бумаг на столе, он задумался, не пора ли заканчивать рабочий день. Ему нужно завтра хорошо соображать в суде, а все, чем детектив занимался последние несколько часов, было, по сути, бессмысленно. Необходимые доказательства уже подготовлены, и он лишь потекает собственной паранойе. Откинувшись на стуле, Шепард размял затекшие плечи. Хорошо, еще час работы — и он поедет домой. Кристофер поплелся в темный закуток кухни, чтобы сделать себе еще порцию кофе — крепкую и горького, как он любит.

Вернувшись за стол, Шепард на минуту закрыл глаза, согретый теплым янтарным светом настольной лампы. Потом покрутил плечами несколько раз, унимая боль в мышцах. Когда он поднял чашку с кофе, темный круг, отпечатавшийся на бумаге, очертил дату и время в передвижениях Лейлы: посещение супермаркета в ночь с четверга на пятницу. Оно отчетливо выбивалось из обычного расписания. У Шепарда возникла неясная идея. Он сосредоточился, поняв, что странное отклонение Лейлы от маршрута может к чему-то привести.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Детектив быстро перелистал бумаги и вытащил документ, за которым охотился. Наскоро просмотрев его содержимое, он оставил листок на столе, а сам, сжав кулаки, вскинул руки в победном жесте.

Глава 12

Одеваясь сегодня, Лейла совершила роковую ошибку. В попытке придать себе более профессиональный вид она сделала выбор в пользу белой шелковой блузы, но в ярком освещении судебного зала ткань просвечивала, и всему залу были видны очертания ее бюстгальтера и даже форма сосков. Обвинение так старалось выставить ее в выгодном для себя свете — холодная, расчетливая карьеристка с чертами роковой женщины, — и вот Лейла сама дает Форшеллу в руки все козыри. Будь у нее выбор, она бы сейчас с радостью оказалась в другой группе бездетных женщин: одиноких, всеми брошенных и печальных. Они хотя бы вызывали сочувствие. Лейла скрестила руки на груди, собирая ткань спереди в складки, чтобы хоть как-то прикрыться.

Эдвард Форшелл вызвал последнего свидетеля: детектива Кристофера Шепарда из службы столичной полиции. Обвинитель, конечно же, уже встречался с детективом раньше и счел его замкнутым и жестким человеком, несмотря на обаятельное приветствие: «Зовите меня Шеп!» Форшелл с удовлетворением отметил, что плохо сидящий костюм и мятый галстук не могут скрыть внешнюю брутальность детектива.

— Детектив Шепард, спасибо, что нашли время поприсутствовать сегодня, — слащаво начал обвинитель. — Давно вы работаете в лондонской полиции?

— Скоро будет восемнадцать лет.

— А в отделе криминальных расследований?

— Четырнадцать лет.

Лейла быстро посчитала в уме. Если Шепарду сейчас примерно сорок пять, значит, он пришел в полицию в двадцать семь. Интересно, служил ли он перед этим в армии? Было что-то особенное в его осанке, наводящее на мысли о военном прошлом.

Эдвард задал детективу еще несколько вопросов, чтобы убедить присяжных в его высоком профессионализме, а потом перешел к разбору его беседы с Лейлой. Обвинитель брал то одну, то другую часть расшифровки, но наиболее обличающей деталью в них была сама манера Лейлы говорить. Сейчас она проклинала легкость и

красноречие, с которыми давала ответы на любой вопрос Шепарда. В тот момент было бы явно уместнее разыграть безутешную истерику. Форшелл тем временем продвигался по расшифровке опроса, потихоньку собирая единую картину того дня. И тут он произнес фразу, от которой Лейла скривилась, будто жевала лимон.

— Детектив Шепард, мы несколько раз слышали в показаниях, как Лейлу Саид сравнивают со снежной королевой. Можете выразить свое мнение по этому поводу?

Кристофер задумался.

— Скажем так: я понимаю причины, по которым многие так считают.

— Это согласуется с образом женщины, которая способна оставить ребенка одного, если ей так удобнее?

Клара вскочила со стула:

— Ваша честь, моему коллеге прекрасно известно, что свидетель не может дать однозначного ответа на этот вопрос.

Судья вздохнул и с укором произнес:

— Мистер Форшелл.

Эдвард покорно склонил голову:

— Прошу прощения, ваша честь. — Повернувшись к свидетелю, он продолжил: — Детектив Шепард, утверждала ли мисс Саид в своих показаниях, что никогда не оставляла Макса одного в машине или дома преднамеренно?

— Именно так, — подтвердил Кристофер.

Эдвард попросил присяжных открыть материалы дела на нужной странице и задал следующий вопрос:

— Детектив Шепард, базируясь на данных геолокации телефона, перечислите, пожалуйста, пять мест, которые мисс Саид посещала чаще всего.

Лейла удивленно уставилась на обвинителя. При чем тут это? В перечне не найдется ничего неожиданного — ни квартиры любовника, ни наркопритона. Почему вдруг всплыл такой вопрос?

Кристофер перечислил адреса: дом самой Лейлы, ее офис в гавани Кэнэри-Уорф, жилище ее сестры, местный супермаркет «Вэйтроуз» и закусочная возле офиса. Лейла почувствовала беспокойство, по коже пробежали мурашки. Почему полицейский так многозначительно

произнес название магазина, чуть ли не по слогам? Будто желал, чтобы оно отпечаталось в головах присяжных.

— А как насчет более редких в плане визитов мест?

— О, здесь сотни локаций: кинотеатр в Бетнал-Грин, ресторан в районе банка, сам банк, копицентр напротив офиса, множество баров и кафе.

— То есть мы видим обычную насыщенную городскую жизнь профессионала из среднего класса?

— Именно так.

Лейла выпрямилась на стуле, не понимая, к чему ведут эти двое.

— У вас была возможность проанализировать время посещения упомянутых локаций. Складываются ли они в единое расписание?

— В основном да.

Эдвард всей своей позой выразил интерес:

— В основном? Вам удалось найти что-то необычное?

— Да. В один из дней, судя по геолокации, она посетила «Вэнтроуз» в час ночи.

Три экрана на стенах зала включились, демонстрируя зрителям карту района Майл-Энд. Атмосфера в помещении мгновенно поменялась: присяжные перестали лениво переговариваться, а зрители на галерее, напротив, зашушукались.

— Красная линия — это данные фитнес-приложения Лейлы Саид. Как вы можете видеть, мисс Саид двигалась от аллеи Тредегар к супермаркету, провела там семь минут — с пятидесяти восьми минут первого ночи до пяти минут второго — и вернулась обратно.

Эдвард нахмурился:

— Почему этот факт привлек ваше внимание?

— Потому что Лейла Саид живет на площади Тредегар, а не на аллее Тредегар. Адрес принадлежит ее сестре. В ту ночь обвиняемая сидела с Максом.

— Она сидела с Максом, но отправилась в супермаркет?

— Да.

— Откуда вы знаете, что она была там без ребенка?

— Потому что мы точно знаем, что мальчик оставался дома.

Лейла сделала медленный вдох, стараясь успокоиться; нельзя показывать окружающим панику. Они ничего не докажут. Это

случилось в феврале, прошел почти год. В супермаркете не хранят так долго записи с камер наблюдений, так откуда им знать наверняка?

— Откуда вам это известно? — повторил ее тайные мысли обвинитель.

— Ясмин Саид в прошлом году установила несколько камер, подключенных к видеоняне.

Лейла в изумлении разинула рот. Ясмин ни слова ей не говорила.

Шепард пояснил для присутствующих:

— Видеоняня — это незаметная система наблюдения, ее часто используют родители, которым приходится оставлять детей с нянями. В нашем случае устройство почти всегда находилось в режиме ожидания. Родителям оставалось лишь выбрать день, когда они уходили из дому, и система записывала происходящее в их отсутствие. Такие устройства достаточно дешевы при длительной эксплуатации и хранят записи дольше обычных видеокамер.

— И сколько может храниться запись?

Детектив выдержал паузу.

— Год.

Лейла закрыла глаза. В голове словно надрывалась пожарная сирена. Можно сколько угодно повторять самой себе, что нужно держаться и не показывать страх, но теперь было понятно, что все усилия пошли прахом. Как оправиться от такого удара? Лейлу накрыла волна разочарования. Бездна надежд пропитала все ее мысли, будто запах скисшего молока — тяжелый и въедливый. Как Ясмин могла утаить от нее установку системы? Ведь Лейла ее родная сестра, а не сомнительная незнакомка, за которой надо шпионить.

— У нас есть запись с видеоняни, — продолжал Шепард. На экранах появилось зернистое серое изображение, напоминающее ролики с камер видеонаблюдения. Метка внизу показывала дату и время: 20/02/2021 01:00:00. Макс мирно спал в своей кроватке. В углу экрана оставалась карта района, на которой красная точка, обозначающая Лейлу, находилась в километре от дома Ясмин. Время было дополнительно обведено жирной красной линией: 01:00:00.

Лейла сразу почувствовала, как изменилась обстановка в зале. Присутствующие потеряли к ней всякое доверие. Как теперь были убеждены присяжные, Лейла оставила Макса одного и отправилась в супермаркет. События на экранах потихоньку развивались, время

бежало, красная точка приближалась к дому. На видео из детской ничего не менялось, покуда Лейла не показалась в дверном проеме в десять минут второго. Красная точка теперь зависла над зданием.

Лейла поникла, наблюдая за своим изображением на экране. Вот она склонилась над племянником, аккуратно поправила одеяльце. Поставила два аптечных пузырька на тумбочку возле кровати. На видео нельзя было разобрать этикетки, но Лейла помнила: в одной бутылочке была укропная вода, а в другой — успокаивающий лосьон для детей. Ей хотелось вскочить и рассказать всему залу, как Макс вел себя в тот вечер. Да, действительно, племянник был добродушным ребенком, но иногда становился просто невыносимым — и в ту ночь в особенности. Он кричал без конца, заходясь от ярости, и Лейла не понимала, как его успокоить. Она позвонила Ясмин и с раздражением обнаружила, что, в отличие от других матерей, ее сестра способна уйти на вечеринку и отключить телефон. Лейла помнила свою мысль: «Да что ж она за мать-то?» По иронии судьбы она осуждала тогда сестру за плохое исполнение той роли, к которой сама была совершенно не готова. В итоге Лейла искупала Макса, крепко держа его за руки, потому что он начал разбрызгивать воду из ванночки и ковырять ссадину на ноге, словно специально раздражая тетю. Потом Лейла его вытерла, покормила, одела и вывела в палисадник подышать свежим воздухом, но Макс продолжал рыдать и кричать, и она обыскала все полки в поисках средства, которое могло его успокоить. Понимая, что ребенка, скорее всего, мучают колики, Лейла искала укропную воду или крем для массажа, но все ящики были пусты. У Ясмин вроде была аптечная сумка, набитая препаратами, но Лейла не могла найти ее и постепенно наливалась яростью.

Через два часа укачиваний Макс наконец заснул, и в этот момент Лейла была готова расплакаться от облегчения. Она помнила, как Ясмин сказала ей: «Если не знаешь, что делать, дай ему укропную воду, она обычно помогает». Лейла еще раз обыскала дом, но нашла лишь пустую бутылочку с парой капель на дне. Понимая, что Макс долго не проспит, Лейла приняла спонтанное решение добежать до ближайшего магазина. Это займет не больше десяти минут. Можно закрыть все двери и включить сигнализацию, так что в случае чего соседи поднимут тревогу. Риска никакого. Какая у нее была

альтернатива — сражаться с Максом всю ночь, покада Ясмин не нагуляется на вечеринке в честь своего дня рождения?

Лейла закрыла дверь и помчалась к супермаркету, даже не успев все еще раз обдумать. Чем ей грозит отлучка? Самое худшее — Макс проснется и будет орать все десять минут подряд. Для Лейлы — никакой разницы. Все будет в порядке, твердила она себе. И естественно, так и вышло. Лейла вернулась через десять минут, и Макс, хвала небесам, мирно посапывал у себя в кроватке. Он проснулся лишь час спустя, капризничая и заливаясь слезами. Лейла напоила его укропной водой, немного помассировала животик с лосьоном. И — о чудо! — ее усилия увенчались успехом. Когда Ясмин вернулась из загородной поездки в воскресенье вечером, Лейла сделала вид, что ничего не произошло. Откуда ей было знать, что последствия той вылазки могут однажды оказаться разрушительными для нее?

Эдвард Форшелл не стал заикливаться на принципиально важном открытии. Он немного покружил по залу, зная, что уже выиграл симпатии присяжных. а потом, повернувшись к судье Уоррену, заявил:

— Ваша честь, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

— Благодарю вас, мистер Форшелл, — ответил судья. — Думаю, самое время отдохнуть. Объявляю перерыв на обед, господа.

Лейлу выпустили из стеклянного отсека — прямо в объятия Клары. Адвокат под локоток вывела подзащитную из зала и затолкала в комнату для свидетелей. Скинув мантию, Клара села напротив Лейлы. В глазах у нее не было раздражения — только холодное разочарование.

— Вы несколько раз говорили, что никогда не оставляли Макса одного. Был в доме кто-то еще, когда вы ходили в «Вэйтроуз»?

Лейла начала отвечать, но осеклась, увидев странное выражение лица своей защитницы: та сощурилась, будто посылая предупреждение.

— Я... — только и успела выдать Лейла.

— Вы просили соседа подойти и присмотреть за ребенком? Или позвали мужа? Он ведь был в трех минутах ходьбы, разве нет?

Лейла открыла рот, но ничего не ответила. Был февраль, и к тому моменту они с Уиллом уже разошлись.

— Я... — Смущение снова заставило ее замолчать. Сейчас Лейле больше всего хотелось развеяться и сказать Кларе, что она

заслуживает тюрьмы, что ей надо отозвать прошение о помиловании, что она больше не выдержит ни секунды. Вместо этого Лейла подавил минутный порыв и пробормотала:

— Я не помню.

Клара сжала губы.

— Ну тогда подумайте хорошенько, — учительским тоном произнесла она. — Вы ведь умная женщина, Лейла. Я уверена, вы понимаете, насколько важен этот момент.

С этими словами адвокат вышла — ни тени сочувствия, лишь ледяное спокойствие, обжигающее холодом.

Лейла чувствовала, как водоворот паники тянет ее в пропасть. Надо решить проблему как можно быстрее — но ведь она не просила соседа помочь. Единственным человеком, который потенциально мог находиться в доме вместе с Лейлой, оставался Уилл. Только он может ее спасти. Лейла дрожащими руками достала из сумочки телефон и нашла номер мужа. Не размышляя ни секунды, она отправила ему сообщение: «Мы можем поговорить? Завтра за ужином в семь».

К ее облегчению, ответ пришел почти сразу, разбитый на несколько коротких фраз, в духе Уилла: «С радостью», «Прости меня, родная», «Я хочу загладить вину».

Лейла обмякла от облегчения, когда громадная гора скатилась с ее плеч. Она тут же сделала в уме пометку купить по пути домой бутылочку виски «Джура», любимого напитка супруга. Ей предстоял сложный моральный выбор. Насколько далеко можно зайти, чтобы доказать свою невиновность? Лейла деревянными пальцами набрала в ответ: «Надеюсь».

Удалила. Подумала и написала: «Надеюсь, ты готов подтвердить это делом».

Скривившись, удалила и этот вариант, после чего коротко написала: «Увидимся».

Почувствовав боль в желудке, Лейла сообразила, что ничего не ела со вчерашнего вечера. Но о том, чтобы выйти в коридор, страшно было даже подумать. Столь пристальное изучение документов породило в ней настоящую паранойю. Пугливость совершенно не была присуща Лейле, но сейчас ее обвиняли в убийстве, и от постоянного страха она растеряла последние остатки собственного достоинства. Здесь, в суде, она избегала встреч с другими в коридоре и опускала глаза в пол, лишь

бы не встретиться ни с кем взглядами. Лучше оставаться в комнате, чтобы ее лишний раз никто не видел. Один пропущенный ланч — какая мелочь после стольких не съеденных из-за перегрузок на работе обедов! Лейла обняла себя руками, стараясь согреться в прохладном помещении, и терпеливо дождалась окончания часа. Наконец, за пять минут до начала заседания она решительной походкой вернулась в зал, в свой стеклянный аквариум для золотых рыбок.

Детектив Шепард вновь появился за свидетельской кафедрой. Он с улыбкой поприветствовал Клару, но в его осанке чувствовалось напряжение человека, ожидающего атаки. Лейла также заметила, что у полицейского мокрые волосы, будто он долго плескал себе в лицо водой, прежде чем вернуться.

— Детектив Шепард, — холодным тоном начала защитница, — ранее вы сравнили Лейлу Саид со снежной королевой. Можете объяснить, какие рассуждения стоят за этим определением?

Взгляд Кристофера на мгновение скользнул к Лейле, будто бы против его воли.

— Ну, скажем, меня наводит на этот образ сочетание того, как она себя держит и что говорит.

Клара явно ожидала большего.

— Можете объяснить, что вы имеете в виду? Что значит «то, как она себя держит»?

— Она ведет себя крайне сдержанно.

— Мы все понимаем, что значит «снежная королева». Мой вопрос был о том, что именно в ее жестах позволяет вам судить о ней таким образом?

Шепард переминался с ноги на ногу.

— Во-первых, она не плакала. Когда мы опрашиваем свидетелей о смертях детей, они всегда плачут, но она полностью сохраняла самообладание.

— Что еще?

— Она вела себя очень спокойно. Сидела скрестив руки на груди, и на лице была такая, знаете, — Крис нахмурился, подбирая верное слово, — надменность.

Клара издала торжествующий звук, будто ответ свидетеля что-то прояснил, и достала из папки лист бумаги.

— Детектив Шепард, правда ли, что вы приглашали мисс Саид выпить с ней кофе?

Кристофер был изумлен вопросом.

— Не в том смысле, в каком вы хотите это выставить.

— А в каком смысле я хочу это выставить? — с невинным видом поинтересовалась Клара.

— Я не звал ее на свидание.

Улыбка расплзлась по лицу Клары. Слово «свидание» — именно то, чего она ждала.

— Правда? А что вы тогда подразумевали? Это вообще нормальная процедура для офицера полиции — приглашать главного подозреваемого попить кофе?

Шепард вспыхнул:

— Это была просто небрежная фраза: «Если вспомните что-то еще, позвоните, и мы можем обсудить детали за чашкой кофе», что-то вроде такого.

— Небрежная? — выплюнула адвокат с отвращением. — То есть непрофессиональная?

— Нет уж, в нашем контексте она была профессиональной, только я сформулировал ее обидными словами. Ни к чему не обязывающее вежливое приглашение.

Клара прищурилась:

— И мисс Саид предпочла проигнорировать его, так? Поэтому вы сочли ее снежной королевой? Потому что она отвергла ваше небрежное приглашение на кофе?

Детектив насупился:

— Вы ищете во всем смыслы, которых там нет.

— Я так не думаю, — мягко возразила Клара, будто это было окончательным аргументом. — Детектив, вы устроили целый аттракцион из одного-единственного ночного визита моей подзащитной в супермаркет. Откуда вам доподлинно известно, что с ребенком дома никого не оставалось?

— Мы ясно видели это на видеозаписи.

— Хорошо, но как вы можете утверждать, что в других помещениях не было ни одного взрослого?

Шепард не отступал:

— Потому что мы ясно видели это на видеозаписи.

— Да, но она не доказывает, что в доме не было других взрослых.

— Кого, например?

— Супруга Лейлы, например.

— Она разведена, — усмехнулся Шепард.

— Вообще-то, у них временные разногласия, — смягчила формулировку Клара. — Я думала, вы понимаете разницу, учитывая, сколько времени вы провели над изучением личных данных мисс Саид. — Клара широким жестом указала в сторону аквариума с подсудимой. — Вы когда-либо спрашивали у Лейлы, оставляла ли она Макса одного преднамеренно?

— Спрашивал.

— Что она вам ответила?

— Что не оставляла.

— А спрашивали ли вы у Лейлы, оставляла ли она Макса одного со своим мужем?

Шепард выдвинул вперед квадратный подбородок.

— Нет.

— Так вам доподлинно неизвестно, был ли ее муж в доме Андерсонов в тот вечер?

— Я думаю, мы бы заметили его на видео.

— Вы думаете? — возмутилась Клара. — Мы не можем работать с вашими домыслами, детектив. Нам нужны только факты. Учитывая все доказательства, вы точно знаете, что Лейла Саид оставила Макса одного в ту ночь?

— Я думаю, что можно...

— Детектив, я настаиваю! — рявкнула Клара. — Задам вопрос снова: вы точно знаете, что Лейла Саид оставила Макса одного в ночь, которую мы обсуждаем?

Из-под воротника рубашки по шее Кристофера поползли красные пятна.

— Нет, вынужденно признал он.

— Спасибо. — Клара быстро опустила голову, стараясь скрыть улыбку от присяжных.

Лейла тяжело сглотнула, нащупав ответ на ранее заданный самой себе вопрос: насколько далеко можно зайти, чтобы доказать свою невиновность? Теперь Лейла поняла, что готова идти до конца.

* * *

Запустив пальцы в шевелюру, Лейла немного растрепала волосы, чтобы выглядеть помоложе. Она стерла с уголка рта немного размазавшуюся помаду, но нахмурилась, обнаружив, что под ней скрывается сухая, потрескавшаяся кожа. Расстегнув пару верхних пуговиц на рубашке, Лейла поправила длинный локон, чтобы он игриво опускался в ложбинку меж грудей. Отступив на несколько шагов от зеркала, она осмотрела себя и почувствовала легкое отвращение. Что за дешевые манипуляции! Как странно: всю жизнь она была твердо уверена в своих принципах, но с легкостью меняла их, когда потребовали обстоятельства. Лейлу вовсе не тянуло нарушать закон. Она с пиететом относилась к порядку, честности и законности и всегда считала, что не способна кривить душой, поклявшись перед судом. Но сейчас, когда у нее над головой занесли топор, Лейла отбросила свои моральные убеждения. Она не желала отправляться в тюрьму и была готова на что угодно, лишь бы избежать тяжелой участи. Если взамен придется внушить Уиллу иллюзию, что они могут снова сойтись, так тому и быть.

Лейла услышала характерный двойной сигнал дверного звонка, длинный и короткий, и поспешила вниз, чтобы впустить супруга.

— Я решил, что лучше не открывать самому. — Уилл с улыбкой потряс связкой ключей, а потом прошел внутрь и положил телефон на тумбочку, как всегда делал. — Выглядишь потрясающе, — похвалил он.

Лейла чувствовала себя неуютно. Она не обладала навыками оболъщения, в отличие от Ясмин, способной сбивать мужчин с ног одним скучающим взглядом из-под длинных ресниц. Лейла же постоянно чувствовала себя угловатой и нескладной.

Они прошли на кухню. Лейла, не удержавшись, съязвила:

— Напишешь об этом?

— Нет, конечно, — вспыхнул Уилл.

Лейла сдержала желание сострить: разговор требовал деликатного подхода.

— Послушай, я испортил все на свете, но нельзя же так! — нетерпеливо начал Уилл. — Развод? Брось, Лейла! Мы обещали друг другу не бросаться такими словами. Ты всерьез хочешь развестись?

Она прижала ладонь к груди.

— Ты меня больно ранил, Уилл. — Лейла знала, что эта фраза заденет мужа за живое. Он всегда распалялся, когда жена демонстрировала свою уязвимость.

— Солнышко, я же ничего такого не имел в виду. Мне просто надо было как-то распутать этот клубок в голове, и я поступил так, как умею: написал об этом.

«Хорошо, что лайки и репосты совершенно никого не ранят», — хотела было огрызнуться Лейла, но вместо этого виновато нахмурила брови.

— Прости, я слишком бурно отреагировала.

Уилл потер шею под воротником рубашки.

— Последние два года выдались тяжелыми. Для нас обоих. Я долго делал вид, что ничего не происходит, и вот настал момент, когда пришлось все осмыслить, и я старался быть деликатным, по-честному старался. Я имею в виду... Ты вообще прочитала колонку?

Вот она, его слабость. Уязвимость и жажда признания, спрятанная под костюмом супергероя.

— Конечно, прочитала, — ответила Лейла. — Она... потрясающая.

Уилл засветился от гордости, умасленный аккуратной похвалой. Облокотившись на кухонную стойку, он подпер подбородок кулаками.

— Текст не проваливается в середине?

Лейла снисходительно улыбнулась:

— Ничуть. Ты всегда говоришь, что задача автора — вызвать у читателя желание прочитать следующую фразу. И в той статье тебе это удалось. Она... — Лейла закусил губу, будто подбирая нужное слово, — она ни на что не похожа.

— Ты правда так думаешь?

— Да! — горячо воскликнула Лейла.

Уилл выдохнул.

— Очень приятно услышать такое от тебя. — Он с облегчением улыбнулся. — Но, господи, не припомню тебя в такой ярости. Те слова про награды и мой заработок... Ух, это было жестоко. — Уилл проговорил шуточным тоном, но Лейла видела, что он максимально серьезен.

— Ты заслужил, — попыталась она изобразить игривость.

Уилл грустно улыбнулся.

— Наверное.

В разговоре наступила неловкая пауза, и Лейла поспешила заполнить ее:

— Хочешь выпить? У меня есть бутылочка «Джурь».

Перед этим она беспощадно вылила в раковину треть бутылки, чтобы не выдать особый характер покупки. Лейла налила мужу порцию, слегка разбавив виски водой. Передавая стакан, она будто невзначай задела его руку пальцами. Странно было играть в соблазнение с собственным мужем, с которым она состояла в браке уже девять лет.

Уилл сделал глоток, поморщился.

— Лейла, мне правда жаль, — серьезным голосом произнес он. — Я понимаю, что мне следовало сначала обсудить статью с тобой. Клянусь, я планировал этот разговор, но слова так легко складывались в текст, и мне захотелось показать их моему редактору. Он пришел в восторг, и я глазом не успел моргнуть, как он выложил статью в открытый доступ. — У Уилла засветились глаза. — Колонка набрала почти миллион просмотров, представляешь?

Лейла с трудом выдавила улыбку.

— Потрясающе.

— Это ты потрясающая! — воскликнул ее муж. И горячо продолжил, уловив полный насмешки взгляд: — Нет-нет, правда! — Он поставил стакан на стол. — Ты сделала меня лучшей версией себя самого. Господь свидетель, я знаю, что клише заезженное, но это чистая правда, Лейла. Ты... с тобой я повзрослел и был готов стать отцом. — Он судорожно сглотнул. — Понимаю, теперь нет смысла говорить, ведь наши планы рухнули ко всем чертям, но для меня это важно. — Уилл протянул было к жене руку, но опустил ладонь на стол. — Правда важно.

На Лейлу накатили эмоции. Она тяжело дышала, пытаясь уверить себя, что до сих пор притворяется. Уилл, видя ее замешательство, сделал робкий шаг навстречу жене и, не встретив сопротивления, сжал ее в объятиях.

Лейла почувствовала, как расслабляется тело.

— Мне тебя не хватало, — прошептала она, горячо дыша ему в рубашку. Пусть она и разыгрывала спектакль, но тихий голосок в глубине сознания твердил: все по-настоящему. Лейле и впрямь не доставало мужа. Тяжести его тела, звука шагов в кабинете наверху,

голоса Уилла, когда он звал ее из необычных уголков дома: то из подвала, то из кладовки, где рылся в своих старых папках.

— Мне тебя тоже не хватало, — ответил Уилл, зарывшись лицом в ее волосы. — Думаешь, у нас получится все исправить?

Лейла закрыла глаза, пытаясь унять бурю эмоций внутри. «Исключительно ради дела, — повторяла она про себя. — Чистой воды обмен».

— Я всегда считала, что получится, — пробормотала она.

Уилл обнял ее еще крепче и нежно произнес:

— Раз уж усыновление отпало, может, у нас и у самих получится?

— Столько всего сейчас происходит, — прошептала Лейла, переходя к делу. — Если меня признают виновной, никаких «нас» уже не будет.

— Не признают, — возразил Уилл, повысив голос для убедительности.

Лейла отстранилась.

— В суде вчера зацепились за одну деталь, — она беспомощно всплеснула руками, — и я никак не могу вспомнить, что тогда на самом деле произошло.

— Ты о чем?

Снова вручив ему стакан с виски, Лейла рассказала о вчерашних показаниях в суде, муссирующих ее поход в «Вэйтроуз».

— Помнишь, как мы иногда приглядывали за Максом вместе? — Не дожидаясь ответа, она пошла в наступление: — Я не могу вспомнить, был ли ты в тот день.

Уилл нахмурился:

— Какого числа?

— Двадцатого февраля.

Уилл принес телефон и стал просматривать записи. Наблюдая за его поисками, Лейла продолжала щебетать:

— Мы ведь с тех пор проводили пару ночей вместе у Ясмин, и я подумала, что это мог быть как раз тот самый случай. Если бы я оставила тогда Макса одного, я бы точно запомнила. Но я не помню, а значит, ты наверняка там был.

— Но двадцатое февраля наступило уже после того, как мы...

— Знаю, — отрезала Лейла.

Уилл оторвался от экрана. По его изменившемуся лицу было видно, что он понял, куда клонит Лейла. Они разошлись за три недели до двадцатого февраля, и тогда они точно еще слишком обижались друг на друга, чтобы провести вместе уютный вечер. Но если Уилл был тогда вместе с женой, значит, она не оставляла Макса одного в пустом доме, верно? Уилл поднял брови и осмотрелся по сторонам, будто дом был полон соглядатаев.

— Так ты говоришь... ты говоришь, мы провели ту ночь вместе?

— Я говорю, что наверняка должны были, — бесцветно ответила Лейла.

Уилл почесал в затылке.

— Я... — Он нервно уставился на экран телефона, где в календаре, как видела Лейла с того места, где стояла, значилась только одна встреча поздно вечером. — По-моему, я там определенно был, — выпалил наконец Уилл.

Лейла внимательно поглядела на супруга.

— Мы женаты, поэтому ты не обязан свидетельствовать против меня, — она показала рукой на его телефон. — Я просто хотела убедиться, что память мне не изменила.

Уилл рассеянно кивнул. Потом кивнул еще раз, более решительно:

— Ты все запомнила верно.

Лейла почувствовала страшное облегчение. Уилл понял, в какую игру она просит его сыграть.

— И ты об этом не напишешь? — добила она мужа ласковым вопросом.

— Не напишу. Обещаю.

— Спасибо, — благодарно ответила Лейла. Если Уилл встанет на ее сторону, никто не сможет доказать, что она бросила Макса одного. Зная это, она наконец расслабилась и постаралась не обращать внимания на вопрос, который стучал в голове: «Кто ты вообще такая?»

* * *

Ясмин оделась как для вечернего выхода в ресторан и теперь жестоко жалела об этом. Весь антураж совершенно не к месту: облегающее черное платье, пышная обивка кресел, безвкусный зеленый свет напольных ламп. Будто пение в караоке, начавшееся на два такта раньше музыки, все было в страшном диссонансе.

Посмотрев на свое отражение в оконном стекле. Ясмин отметила мешки под глазами, с которыми не совладали бы никакая косметика, и секущиеся кончики волос. Она торопливо собрала пряди в пучок, но теперь показались проплешины, и Ясмин пришлось снова распустить волосы. Заметив, как в дальнем конце коридора появился Джейсон, она торопливо убрала руки от лица. Обернувшись, Ясмин поприветствовала молодого человека и чуть подалась вперед, позволив ему пробежать взглядом вниз от лица к груди. Неловко чмокнув Ясмин в щеку, коллега сел в кресло напротив нее.

— Я не ожидал, что ты позвонишь. — Голос Джейсона звучал напряженно, без обычных кокетливых ноток.

— Да уж конечно, — ответила Ясмин. Она наконец позволила себе обратить внимание на то, как он красив и ладно сложен. На работу Джейсон всегда приходил гладко выбритым и в накрахмаленной рубашке. Сегодня, с двухдневной щетиной, в потертых джинсах и ковбойской рубашке, он выглядел необычайно обаятельно. Ясмин схватила стакан с водой, растерявшись под его изучающим взглядом. Она привыкла упиваться своей властью, зная, что стоит ей лишь стрельнуть глазами, и он будет загипнотизированно следить за ее грациозными движениями весь вечер. Но сегодня она чувствовала себя неряшливой и некрасивой.

— Как ты? — спросил Джейсон.

Ясмин бессильно махнула рукой, не в силах сформулировать приемлемый ответ.

— А ты как? — вместо этого поинтересовалась она.

Джейсон задумчиво поскреб ногтем скатерть.

— Да все хорошо, — ответил он, и снова повисла тишина. Неловкость нарастала, и Джейсон заказал бутылку вина, после чего пустился в длинный монолог, в основном о работе. Должно быть, он заметил, как затуманились глаза Ясмин, потому что, перегнувшись через стол, взял ее за руку и мягко спросил:

— Хочешь поговорить о произошедшем?

Она помотала головой. Интересно, как бы он отреагировал, если бы Ясмин прямо сейчас твердо ответила: «Я хочу кое-чего большего». Слова жгли язык, и она пыталась заставить себя выговорить их. Как было бы просто тогда завернуть в отель напротив, заплатить наличкой и взбежать наверх, в номер. Ведь Джейсон не откажет. Даже в таком

состоянии, с неухоженными волосами и жирной кожей, даже печальную и отрешенную, он наверняка желает ее.

— Так чего ты хочешь? — спросил Джейсон. Вот он, намек на возможность, проба границ. Он провел пальцем по ее мягкой ладони. — Можешь не отвечать. По-моему, я уже знаю.

Ясмин выдержала его взгляд.

— И? — выдохнула она, соблазнительно разомкнув губы. Обольщение шло ей, как любимая куртка.

— И мне не обязательно произносить это вслух, правда? — с улыбкой ответил Джейсон, скользнув взглядом по ее декольте.

Ясмин замерла в нерешительности, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Она понимала: если согласиться сейчас, уже не выйдет оправдаться излишком алкоголя или бесшабашной атмосферой вечеринки. Это будет взвешенное решение. Развилка приятно холодила, будто шелк на оголенной коже. Все останется между ними. Джейсон уже не раз доказал, что умеет хранить тайны. Она набрала воздуху в легкие, грудь всколыхнулась, но едва Ясмин собралась ответить согласием, как возле их столика остановилась официантка, разрушив магию сексуального напряжения.

— Вы уже готовы сделать заказ? — спросила она. Ее улыбка сияла, как стекло бокала.

— Да, — ответила Ясмин с облегчением. — Да, будьте добры.

Она заказала самое большое блюдо в меню — телячью вырезку, запеченную с хрустящими луковыми кольцами, с гарниром из картошки по-деревенски. Пока они будут сидеть здесь и есть, они не смогут находиться в другом месте, занимаясь чем-то другим. И если Ясмин докажет сама себе, что способна спокойно выдержать присутствие Джейсона, значит, ей нечего бояться своих надуманных слабостей: безволия, двоедушия, эгоистичности.

— А вы, сэр? — обратилась девушка к Джейсону.

Тот не смог скрыть раздражения, пока делал заказ. Когда официантка удалилась, он посмотрел на свою спутницу.

— Что ж, видимо, в итоге мы просто обедаем, — заметил он не без насмешки в голосе.

— Похоже на то. — Она одарила его белозубой улыбкой, поднимая бокал вина.

Глава 13

Сегодня Лейла тщательно подобрала одеяние: стильное платье в голубую полоску и сдержанное пальто до колен в стиле Кейт Миддлтон. Утром она распустила волосы, пытаясь смягчить волевые очертания подбородка, но сейчас жалела об этом: прическе не хватало объема, и Лейле хотелось втянуть голову в плечи от ощущения оголенности. Сегодня выдержка давалась ей особенно трудно. Лейла чувствовала себя штангистом-тяжеловесом: одно неверное движение — и снаряд выпадет из рук со страшным грохотом. Очевидно, что, если сегодня все пойдет против плана, она окажется в тюрьме еще до Рождества. Эта мысль ужаснула ее. Лейла всегда знала, чего ей не хватает. Она сильная личность, она амбициозна, упорна, несгибаема. Но сейчас ей требовалось лишь одно качество: умение нравиться. Ей нужно понравиться присяжным. Сейчас, в ожидании того, когда ее вызовут давать показания, Лейла поняла, что не подготовилась. Надо было тренировать те навыки, которые так легко давались ее сестре: округленные в изумлении глаза, вспыхивающий на скулах огонь, дрожь в голосе, которая включала у окружающих инстинкт защитника. Она поняла это слишком поздно — Клара уже вышла на середину зала, чтобы зачитать речь в защиту подсудимой.

— Уважаемая коллегия присяжных, мы рассматриваем дело о смерти ребенка, — Клара сурово оглядела каждого присяжного. — Я повторю: мы рассматриваем дело о смерти ребенка. Хочу дать вам время переварить эту мысль, поскольку понимаю, как сложно говорить о таком. Я знаю, как сжимается сердце от столь жестоких слов, но не хочу смягчать их никакими эвфемизмами. То, о чем мы говорим, — страшно, трагично и отвратительно. Отрицать это невозможно. — Защитница поправила манжету рубашки. — Вы, возможно, задаетесь вопросом, почему я, как адвокат подсудимой, стремлюсь подчеркнуть тяжесть происшествия. — Клара сжала губы. — Что ж, ответ прост: я стремлюсь почувствовать то же, что и вы. Мы все должны признать, что чувствуем боль, злость, шок и скорбь. Я говорю это также потому, что собираюсь попросить вас о действии, которое потребует силы и смелости. — Клара сомкнула ладони. — Я прошу вас в полной мере прочувствовать эту боль. А затем, прочувствовав ее, отложить в

сторону, поскольку для решения требуется ясность ума. Господа, вы исполняете свою роль, поскольку закон верит в вашу способность мыслить рационально. Чтобы оценить факты, необходимо справиться с эмоциями. Я понимаю, как это непросто, но — вслед за законом — верю в ваш холодный разум.

Клара указала рукой на Лейлу, которая старалась не съезжиться под тяжелыми взглядами.

— Лейла Саид — любящая тетушка и успешная предпринимательница. Она управляет собственной компанией и является надежным членом общества. Она живет по соседству со своей сестрой, Ясмин Саид, и ее супругом Эндрю Андерсоном. В понедельник, двенадцатого июля, Эндрю позвонил Лейле и попросил отвезти Макса, ее племянника, в детский сад, хотя у нее был тяжелый период на работе. Поскольку они живут рядом, моя подзащитная постоянно отзывалась на просьбы семьи и присматривала за ребенком. От нескольких свидетелей мы слышали, с какой любовью Лейла относилась к своему племяннику и как интенсивно занималась его развитием.

В то утро она подъехала к дому Эндрю и подождала, пока он разместит Макса в детском кресле на заднем сиденье ее автомобиля. Кресло крепится спиной вперед; ребенок спал, а значит, за все время поездки не издал ни звука. Проснись он — и трагедии бы не случилось. Мальчик был бы цел, если бы его отец положил на переднее пассажирское кресло его игрушку, как делают многие родители. Или если бы детский сад располагался на обычном маршруте Лейлы, а не в пяти минутах в стороне. Любая из этих случайностей напомнила бы моей подзащитной о взятой миссии.

К сожалению, Макс спал на протяжении всего маршрута, а Лейла, занятая утренними делами, переключилась на автопилот, как мы все часто делаем по пути на работу. По дороге Лейла получила звонок из офиса. Заметим, что она, как ответственный водитель, пользуется автоадаптером, чтобы не отвлекаться от дороги.

Доехав до здания офиса, она автоматически, как делала тысячи раз, оставила машину на парковке, поднялась на лифте в кабинет и приступила к своим рабочим обязанностям.

Что ж, тут вы можете спросить, как вообще, черт подери, можно забыть про ребенка.

У меня самой есть дети, как, уверена, и у многих из вас. Уверена, вы сможете вспомнить хоть одну свою оплошность, вспомнить момент, когда вы теряли своего ребенка из виду. Возможно, вы были на пикнике и малыш убежал в кусты, или ходили по супермаркету и ребенок оказался в соседнем проходе, или он потерялся на пляже, слишком близко к воде.

Каждый из этих случаев мог бы обернуться трагедией, но по счастливому стечению обстоятельств все обошлось. «Слава богу, он здесь!» — говорим мы сами себе, зная, что спасение ребенка обеспечила воля случая, а не опыт и внимательность родителей. В деле Лейлы Саид тоже произошел случайный провал в памяти, и секундное упущение привело к трагедии, собравшей нас здесь. А все лишь потому, что она согласилась помочь зятю, который сам оказался в затруднительной ситуации. В итоге именно доброта и отзывчивость привели нас к обсуждению ужасной трагедии. Лейла Саид не виновна в преступлении. Она любящая и внимательная тетушка, которая переживает страшное горе. Я прошу вас не наказывать ее еще больше.

Лейла слушала речь Клары, с трудом сдерживая эмоции. Руки у нее покрылись гусиной кожей; она провела пальцем по векам, чтобы вытереть слезы — украдкой, боясь, как бы ее рыдания не приняли за спектакль. Лейла так и не поняла, как себя держать, чтобы вызвать сострадание присяжных, как показать свою невиновность, но теперь уже поздно было думать: Лейлу вызвали за свидетельскую кафедру.

Она прочла клятву, изумляясь, насколько чужеродно могут звучать знакомые слова: «Говорить правду, только правду и ничего кроме правды», — как будто комика заставляют играть древнегреческую трагедию. Как вообще надлежит себя вести, если тебя обвиняют в убийстве?

Клара обратилась к своей подзащитной мягко, сглаживая острые углы и показывая таким образом, что та достойна снисхождения и симпатии:

— У нас впереди долгий день, а то и два, Лейла. Если почувствуете, что вам требуется перерыв, не стесняйтесь сказать об этом.

Лейла согласно кивнула, понимая, что ничего такого она не скажет. Зачем тратить драгоценное время присяжных?

— Давайте начнем с утра двенадцатого июля. Чем были заняты ваши мысли, когда ваш зять позвонил с просьбой о помощи?

Лейла сосредоточилась, вспоминая судьбоносный звонок.

— Как всегда, ничего особенного. Обычный день.

— Загруженный?

— Да.

— Вы почувствовали раздражение, услышав его просьбу?

— Нет, — соврала Лейла.

— Что же, хорошо. Мы знаем из материалов полиции, — Клара сделала паузу, чтобы указать присяжным номер нужной страницы в деле, — что Макс спал, когда его сажали в машину. Вы можете описать поездку? Что происходило по пути?

Лейла вспомнила, как она вела с величайшей предосторожностью, будто это могло предотвратить надвигающуюся трагедию.

— Ничего экстраординарного. — Она прокашлялась, стараясь сделать голос помягче. — Макс продолжал спать, а я поехала на работу. Мне позвонили из офиса по пути.

— Зачем?

— Мой коллега потерял несколько чертежей, ключевых для утренней встречи, а запасной распечатанный комплект лежал у меня в кабинете. Мне нужно было приехать и впустить сотрудников.

— Как это на вас подействовало?

Лейла чуть задумалась, прежде чем дать ответ.

— Я... была обеспокоена.

— Вы были обеспокоены из-за потерянных чертежей?

— Да. Я разозлилась из-за того, что коллега проявил безалаберность и потерял важную документацию. Я думала о том, нельзя ли попросить копи-центр, с которым мы работаем, открыться пораньше и распечатать для нас новый набор, или, быть может, все же показать чертежи в электронном виде, хотя клиенты настаивали на бумажной версии.

— Похоже, вы были сильно погружены в решение этой проблемы?

— Да.

— И что случилось потом?

Лейла вытерла потеющие ладони о платье, надеясь, что это останется незамеченным присяжными.

— Я приехала к офису, припарковалась на обычном месте и побежала наверх.

— Вы «побежали» наверх. Вы были в состоянии паники? — Клара прищурилась.

— Нет. Я не бежала в прямом смысле. Я спешила, но понимала, что мы успеваем.

— Вы не подумали о том, что разумнее сначала доехать до офиса, а потом отвезти Макса? — как бы ненароком спросила Клара, будто это было логичным, целиком приемлемым решением.

Лейла смутилась.

— Ну нет, я не думала об этом. — Голос у нее слегка задрожал. Лейла обрадовалась, что ей удалось изобразить уязвимость: ответ будто бы отражал ее искренность и покаяние.

Клара продолжила:

— Завуч детского сада Жозефина Олсбрук утверждает, будто бы видела вас у ворот учреждения. Мы установили, что, скорее всего, она ошибается, но я, с вашего позволения, уточню: вы когда-нибудь раньше отвозили Макса в детский сад?

Лейла твердо покачала головой:

— Нет, никогда.

— Что меня по-прежнему беспокоит, Лейла, так это утверждение детектива Шепарда, будто вы уже оставляли Макса одного ранее. Вы когда-либо оставляли племянника без присмотра, чтобы посетить супермаркет?

Лейла мучилась с этим вопросом всю предыдущую неделю. Размышляла о том, много ли людей врут в суде под присягой. Величие зала суда заставляет всех верить, будто свидетель говорит правду, но что скрывается за этой иллюзией? Какую силу возымеет экземпляр священной книги, если ты уже вознамерился слукавить перед присяжными?

— Нет, — ответила Лейла, стараясь контролировать голос.

Клара склонила голову к плечу.

— Но вы были в «Вэйтроуз» в час ночи двадцатого февраля?

— Да.

— И где был Макс?

— Дома. — Лейла заметила, как переглянулись члены коллегии присяжных.

— Один?

— Нет. — Лейла понимала, что сейчас сомневаться нельзя. — Ребенок оставался с моим мужем, Уиллом Кармайклом. — Она почему-то надеялась, что известное имя придаст ее словам солидности.

— Вы в этом уверены?

— Да. — Здесь, перед дюжиной присяжных, Лейла очень боялась, что лицо выдаст ее. Лгать посторонним оказалось гораздо труднее, чем казалось, когда она тренировалась в одиночестве.

Клара кивнула:

— То есть все умозаключения детектива Шепарда оказались ложными?

Лейла сглотнула.

— Да.

Клара обернулась к членам жюри, изобразив разочарование:

— Как видим, шумиха насчета похода в «Вэйтроуз» оказалось пустой болтовней. — Тяжко вздохнув, защитница поправила мантию, показывая, что пришло время возвращаться к более серьезным вопросам. — Что же, Лейла, неоспоримо является правдой одна деталь: ваша малолетняя на тот момент сестра, будучи у вас на попечении, оставалась дома в одиночестве в течение нескольких дней. Вы можете рассказать нам о причинах такого положения дел? Что вынудило вас оставить тогда Ясмин?

Лейла молчала, стараясь сформулировать ответ. Потом она подняла взгляд на присяжных:

— Мы очень часто слышим о порядочной семье. Ее превозносят по телевизору, в газетах, в политических дебатах. Все наше социальное устройство крутится вокруг этого понятия, но обычно мы понимаем его очень узко: мама, папа, двое детей, бабушки и дедушки, которые могут помочь. Такое понимание не оставляет шанса огромному количеству людей: одинокому родителю, ребенку-сироте, попечителю и его партнеру, девушке и ее младшей сестре. Нас с Ясмин было всего двое, и я прилежно трудилась с утра до ночи. Мы имеем право называться порядочной семьей? — Лейла еле сдержалась, чтобы не стиснуть кулаки от ярости. — Я делала все, что могла. И один раз, один-единственный раз мне не удалось найти иного выхода. Я думала о том, чтобы оставить сестру с соседями, но у них самих три парня-

подростка, и я решила, что для Ясмин будет безопаснее сидеть дома одной. — Лейла разжала пальцы. — Людям, у которых всегда была поддержка, сложно поверить в ситуацию, когда попросить помощи не у кого. Они уверены, что, конечно же, кто-нибудь да найдется. Но нет: люди падают в глубокую яму, а мы считаем их расходным материалом: приемлемая жертва ради благополучия большинства. Но если ты сама одна из упавших, тогда тебе внизу так... — Лейла остановилась, чтобы успокоить себя, — так одиноко. — Она коротко набрала воздуха в грудь. — Я совершила тогда неизбежное, чтобы у меня не забрали Ясмин.

В зале все затихли. Клара дала присяжным и зрителям некоторое время, чтобы переварить речь подзащитной. Потом она продолжила:

— Давайте поговорим немного о Максе. Мы слышали неприятные истории про его царапину, полученную на детской площадке, и про комментарий, который вы в сердцах обронили при няне. Но теперь я хочу знать, каковы были ваши отношения с племянником по сути.

Лейла рассердилась. Они очень сильно поспорили с Кларой перед заседанием на тему того, как давать показания. Лейла хотела больше поговорить про случай с посещением травмпункта и оправдаться перед присяжными, а Клара настаивала, что необходимо забыть про этот эпизод. Ни к чему заикливаться на деталях, как она сказала.

— Расскажите нам о Максе, — настаивала защитница.

Станный вопрос. Как можно свести чью-то даже очень короткую жизнь к нескольким фразам?

Клара заметила замешательство Лейлы и построила вопрос иначе:

— Расскажите нам то хорошее, что вы о нем помните.

Лейла попыталась улыбнуться, но скривилась от отчаяния. Где-то там наверху на галерее наверняка сидит Ясмин. И уж точно рыдает, если вообще пришла сегодня.

— Он был замечательным ребенком. В прошлом году я спросила у него, какой подарок он хочет на день рожденья, он подумал минуту и потом сказал, что хочет пять синих пуговиц, — Лейла судорожно втянула воздух. — Посмотрел на меня и добавил: «Тетя, только они все должны быть разные!» — По щекам Лейлы потекли слезы, но она продолжала: — Я всю следующую неделю срезала пуговицы с разной одежды. Конечно, я ему накупила еще каких-то игрушек, но когда он получил эти пуговицы, он сиял от радости, как будто это лучшая вещь

в мире. — Она сглотнула. — Я любила Макса. Любила больше, чем, наверное, смогу показать или описать.

Клара кивнула и мягко перевела разговор обратно к звонку Эндрю. Оставшееся утро она уточняла и собирала детали: было ли в машине жарко, какая температура была на улице, включала ли Лейла кондиционер, сколько слоев одежды на ней было надето, снимала ли она что-нибудь с себя, потела ли, открывала ли окно.

Лейла понимала, какого результата добивается Клара: доказать, что, даже если в самом деле Лейла оставила Макса в машине намеренно, она не обязательно понимала, что такая жара может его убить. Лейла отвечала на поток вопросов с тихим стоицизмом: гордая осанка, но печальный голос.

Наконец Клара подобралась к финальному вопросу:

— За всем этим мы забыли о том, что вы и сами потеряли любимого и близкого вам человека. Что вы чувствуете сейчас?

Лейлу вдруг резко покинули силы — так посреди экрана старого телевизора за мгновение до полного выключения расплзается пятно. Она понимала, чего хочет от нее Клара: выражения великой скорби. Но эта скорбь по праву принадлежала Ясмин, Лейла не могла отнимать ее у сестры. Она не могла посметь безутешно оплакивать Макса на глазах у его матери; не могла рассказать присяжным, что эта смерть изменила силу притяжения и Лейла теперь все время с трудом стоит на ногах. Ее боль была личной, бессловесной, как секретный ручей в темном овраге, который временами льется тонкой струйкой, а временами обрушивается селевым потоком. Лейла не могла выразить удушающую боль от того дня, когда Макс спросил у нее: «У тебя дома есть ребенок?» А ведь теперь ее ответ совпадает с ответом Ясмин: «Нет». У младшей сестры дома тоже нет ребенка, потому что Лейла убила его.

— Это самое худшее из всего, что со мной случилось в жизни, — тихо ответила она, глядя на присяжных. — Боль от потери родного человека сильна, но если ты сам стал причиной его гибели, это... это невыносимо.

Клара кивнула.

— Спасибо вам за искренность. — Она еще секунду изучала Лейлу взглядом, потом отвернулась, решив, что дальше мучить подзащитную опасно. — У меня нет больше вопросов, ваша честь.

* * *

Эдвард Форшелл вышел из-за своего стола, прищурив глаза. Лейлу испугал его новый образ. До сих пор он играл роль доброго покровителя, мягко задавая свидетелям вопросы, пытаясь добраться до истины. Теперь же обвинитель выглядел агрессивно, будто гадюка, которая собирается броситься на жертву.

— Мисс Саид, у вас нет комплекса суперженщины?

Она непонимающе уставилась на Эдварда:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Он раздраженно взмахнул рукой, будто объясняя азбучные истины:

— Комплекс суперженщины. Женщины, которая всего добилась. Неуязвимой. Усердной и упрямой, которая никогда не останавливается на полпути. Вы узнаете себя?

Лейла старалась игнорировать тон Форшелла, говорившего чересчур цинично, жестко, надменно.

— Нет, не узнаю, — ответила она. Клара требовала, чтобы она отвечала коротко и вежливо; не велась на драматические уловки обвинителя.

— Нет? — повторил Эдвард скептически. — Так это разве не вы разъезжаете по школам с лекциями о том, как стать успешной предпринимательницей?

Лейла долго подбирала ответ, чтобы избежать иллюзии, будто ей польстил вопрос обвинителя.

— Я даю лекции в школах, это правда.

— И во время этих лекций вы представляете себя как успешную женщину, не так ли?

— Да, но я...

— Вы умеете принимать тяжелые решения, ведь так, мисс Саид? — перебил ее Форшелл. — Именно поэтому вы смогли оставить Макса одного и пойти в супермаркет той ночью?

Лейла ощутила жар на щеках и взмолилась, чтобы никто не заметил ее смущения.

— Я не оставляла его одного. С ним был мой супруг.

— Если так, почему он не присутствует здесь, чтобы подтвердить это перед присяжными?

Лейла проглотила резкий ответ: «Обратитесь к моему адвокату».

— Простите, я не знаю. — На этот счет Клара успокоила ее: если Уилл не явится в суд для дачи показаний, присяжные не могут на этом настаивать, поскольку они с Лейлой до сих пор официально в браке. Он согласился помочь, но еще неизвестно, что щегол вроде Уилла может случайно вытворить на публике. Ее муж слишком любит внимание.

Эдвард задумчиво поднял бровь.

— Подозреваю, что мы никогда этого не узнаем. — Потом он резко сменил курс: — У вас есть дети, мисс Саид?

— Нет, — спокойно ответила она.

— Таким образом, вы все же не вполне укладываетесь в образ суперженщины, да?

— Но я никогда...

Эдвард опять ее перебил:

— Таким образом, хотя вы позиционируете себя как успешную женщину, женщину, которая достигла всего, на самом деле есть кое-что, чего вы не добились. Вас это расстраивает?

Лейла пыталась разгадать, где именно в этом вопросе кроется подвох.

— Не думаю, что есть люди, которые добились вообще всего.

— Ясмин добилась, — отрезал Форшелл. — У нее был прекрасный ребенок, любящий муж, красивый дом, интересная работа.

— Она ненавидела свою работу, — едко возразила Лейла, тут же пожалев о своей резкости.

— Ах, вот оно что! — воскликнул обвинитель. — У Ясмин есть все, кроме одного: любимой работы. И в этом вы одержали над ней верх, не так ли? — Он не стал дожидаться ответа от Лейлы. — Ваша работа — единственное, что вы можете предъявить сестре и сказать: «Я лучше тебя».

— Неправда.

— А вот и правда! — рявкнул Форшелл. Скажите, ваш супруг живет с вами?

Лейла захлопала глазами.

— Нет.

— Почему?

— Мы расстались.

— Почему?

Лейла хотела было крикнуть, что это не его дело, но Клара настаивала, что нельзя позволять Эдварду втягивать себя в конфликт.

— По разным причинам, — ответила она.

— Каким, например?

— Мы не можем иметь детей, и это оттолкнуло нас друг от друга.

— Ого, — удивился Форшелл, будто и в самом деле впервые об этом узнал. — Долго вы пытались забеременеть?

Лейла сжала руки.

— Семь лет.

Она услышала изумленный вздох и подняла глаза, встретившись взглядами с одной из присяжных: блондинкой чуть за тридцать. Лейла видела в ее лице не сочувствие, но страх, будто та боялась заразиться от нее этой неудачей, просто находясь в одном помещении.

— Мы не могли зачать ребенка, поэтому стали пробовать ЭКО.

— Сколько раз? — дотошно поинтересовался Эдвард.

— Пять.

— Таким образом, вы не добились успеха в браке, как и в материнстве. Единственное, в чем вы успешны, это работа. Можно утверждать, что она важна для вас? — Поскольку Лейла молчала, Эдвард подтолкнул ее к ответу: — Мисс Саид?

— Да, — произнесла Лейла. Грудь будто сжимало железным обручем. Эдвард Форшелл вытаскивал на свет все то, что она оплакивала в темноте ночи. Несмотря на роскошный дом, стильный автомобиль и сияющий кабинет, люди теперь видели зияющую пустоту в ее жизни.

— Вы чувствуете себя несостоявшейся как женщина, поэтому каждый раз, когда дело касается работы, вы прилагаете все усилия, чтобы добиться успеха. И в тот момент, когда перед вами встал выбор: отвезти Макса в детский сад и потерять сделку века или оставить его в машине перед офисом, вы выбрали второе. Я не прав?

— Это не так.

— Поэтому вы поставили в тот день на первое место себя?

— Нет. — Лейла ощущала ручейки пота в ямках под коленками.

— Все факты налицо: вы женщина, умеющая делать сложный выбор. — Форшелл обвел рукой зал. — Мы все слышали о ваших поступках. У вас случился выкидыш прямо на рабочем месте, и пять минут спустя вы продолжили переговоры. Вы оставили свою сестру

одну, когда та была ребенком. Вы поступали так, как нельзя было поступать, и знали об этом, но выбирали работу. Ведь так?

— Я...

— Вы намеренно оставили Макса в машине, так?

— Нет.

— Вы понимали, что на улице чертовски жарко, и заперли ребенка одного в машине.

— Нет.

— Вы знали, как любой вменяемый человек, что мальчик легко может погибнуть от жары, и тем не менее оставили его в автомобиле.

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Нет, вы оставили его! — взорвался Эдвард. — Вы оставили Макса. Оставили преднамеренно, зная, что он может погибнуть. И он погиб. И это делает вас виновной. Вы виновны в совершении преступления, мисс Саид.

Лейла вспыхнула от этой неприкрытой, выложенной на всеобщее лицезрение истины. Какая-то древняя рептильная часть ее мозга требовала немедленного действия от тела. Поднять руки, защититься, укрыться от безжалостного залпа. Вместо этого Лейла закрыла глаза, спасаясь от режущего света. Уняв порыв заплакать, она устало ответила:

— Нет. Я забыла о нем.

— Вы не забыли, — не отступал Форшелл. — Такая женщина, как вы, мисс Саид, ничего не забывает. Такая женщина, как вы, принимает взвешенные решения, и это было одно из таких решений. Вы оставили Макса, целиком осознавая риск. И вы виновны в его смерти, разве не так, мисс Саид?

Поражение, будто петля, обернулось вокруг ее шеи. Лейла знала, что он прав. Женщина вроде Лейлы Саид, которая вернулась к видеоконференции после четвертого в своей жизни выкидыша, ничего не забывает. Женщина вроде нее может взвесить все за и против и принять осознанное, пусть и тяжелое решение. Лейла понимала, как выглядит в глазах присяжных, и в тот момент была уверена, что судьба ее предрешена.

* * *

Уилл сидел на крыльце, взирая на площадь Тредегар, согревая ладони под мышками. Щеки у него покраснелись от холода. Рядом он поставил матерчатую сумку, низ которой весь потемнел от соприкосновения с влажным камнем крыльца.

Лейла остановилась у крыльца.

— Уилл, что ты тут делаешь? — Она прищурилась. — И сколько ты тут сидишь?

— Да где-то с полчаса, — беззаботно ответил он.

— На улице плюс три! Почему ты внутрь не зашел?

Спустив шарф вниз движением подбородка, Уилл одарил Лейлу язвительной ухмылкой:

— Потому что моя жена запретила мне входить.

Ее кожаная перчатка скрипнула, пока она рылась в кармане в поисках ключа. Удивительно, как это простое слово в устах Уилла, это заявленное вслух право на нее до сих пор окутывало Лейлу чувством безопасности, словно теплым одеялом: «Моя жена». Это означало, что Лейла не одинока, она кому-то принадлежит.

Уилл встал и отряхнул полы пальто.

— Могу я войти?

Лейла старалась говорить беззаботно:

— Ты тут околеешь, если не зайдешь.

Очувтившись в помещении, Уилл повесил пальто на обогреватель и прошел вслед за супругой на кухню, где выгрузил на стол содержимое сумки: два загадочных бумажных свертка, внушительную головку чеснока, пучок розмарина и бутылку вина. Он тут же взялся за нож, демонстрируя привычные выверенные движения.

— Уилл, мы договорились попробовать заново, но максимально осторожно.

Он наклонился и загрохотал содержимым кухонных ящиков. Будто змея, его рука проникла в закрома и вытащила оттуда большую чугунную сковороду.

— Я просто готовлю ужин, Лейла, — ответил он, не разгибаясь.

— Вижу, но мы об этом не договаривались.

Выпрямившись, Уилл посмотрел жене в глаза.

— Я был сегодня в суде, Лейла. Пытался с тобой поговорить, но мне сказали, что ты занята с адвокатом.

Лейла напряглась. Значит, Уилл наблюдал, как она лгала присяжным.

— Я видел, как они с тобой обращаются, и не хочу оставлять тебя сегодня одну. Я понимаю, что тебе нужно время. Все, о чем я сегодня прошу, — дай мне что-нибудь приготовить для тебя.

Лейла переминалась с ноги на ногу.

— Уилл, завтра последний день суда. Я правда не знаю, чего ждать. — На самом деле она лишь тешила пустые надежды — не только надежды Уилла, но и свои.

Он посмотрел на Лейлу с нежностью.

— Так, может, стоит провести вечер вместе?

Лейла знала, что легко ответила бы «да», если бы до сих пор притворялась. Но близость Уилла, приятная внушительность его присутствия мигом разрушили построенную ею иллюзию. Лейла подумала про бесконечное число прожитых вместе дней и поняла: единственное, что она хочет сказать Уиллу, несмотря на горькую обиду, на неопределенность завтрашнего дня, — она хочет сказать «да».

— Что ж, тогда я все же что-нибудь приготовлю, — ответил Уилл охрипшим голосом.

Лейла села за стол и расслабилась, наблюдая привычную суету на кухне: масло на сковородке, такое горячее, что от нее отскакивают капли воды; соль, так щедро рассыпаемая, что кристаллики катятся по всему полу; и Уилл, ее ершистый непокорный муж, спешащий любить ее. В этот момент Лейла перестала бояться грядущего вердикта. Муж рядом, и его не волнует, что она соврала под присягой или что ее считают снежной королевой. Он не осуждает ее за ту видеоконференцию после четвертого выкидыша. Он не пугается ее холодной логичности даже перед лицом смертельной опасности. Уилл любит ее, несмотря ни на что.

Глава 14

Доктор Белл, жилистый мужчина с короткими серыми волосами и ухоженными руками, которыми он не стеснялся жестикулировать, как бы подкрепляя каждый свой аргумент, выступал последним в ряду свидетелей. Хотя эти показания были необходимы для суда, его выступление несло флёр послесловия. Защита Лейлы строилась на двух аспектах. Во-первых, на том, что она случайно оставила Макса в автомобиле. Этому суд присяжных должен был поверить на слово; впрочем, не имелось и твердых свидетельств того, что она поступила обдуманно. Во-вторых, на том, что даже в том случае, если она преднамеренно оставила ребенка в машине, она не могла знать, к каким последствиям это может привести. Конечно, любой вменяемый человек скажет, что оставлять ребенка одного в машине небезопасно, но Клара заявила подзащитной, что ту ждет повод для удивления. Тем не менее, все это походило на какую-то аферу. Лейла не имела намерения оставлять ребенка, но если все же она намеренно оставила... Если мы настаиваем на первом, к чему доказывать второе? Клара терпеливо объясняла, что это может ее спасти, поэтому Лейла перестала возражать.

— Доктор Белл, можете самыми простыми словами объяснить, что такое автомобильная гипертермия?

— Самыми простыми словами, это термин, обозначающий смерть человека от перегрева из-за того, что его оставили в машине.

— Много ли детей гибнет от автомобильной гипертермии?

Врач потер пальцами подбородок.

— Трудно назвать точное число, поскольку в официальном заключении причиной смерти могут значиться обезвоживание или сердечный приступ, а также еще ряд факторов, связанных с гипертермией. Могу сказать, что эта цифра известна для США: в среднем тридцать семь человек в год.

Клара подняла брови.

— А в Соединенном Королевстве?

— Ох, намного меньше.

— Ну сколько? Один или два в год?

Доктор в ужасе выпучил глаза.

— Нет, что вы. Скорее, пара человек за десять лет, если уж на то пошло. Королевская комиссия по расследованию несчастных случаев не ведет статистику по смертям от перегрева, поскольку количество случаев исчезающе мало.

Клара с облегчением выдохнула — больше на публику, чем от искренних чувств.

— Значит, это необычно для Великобритании?

— Пожалуй.

— Потому что у нас более ответственные родители?

Белл нахмурился.

— Нет, к сожалению. Это довольно распространенная ошибка в интерпретации данных. Десятки родителей забывают детей в машинах, но из-за того, что у нас более холодный климат, это не приводит к летальным исходам.

— Десятки, — повторила за ним Клара. — Вы утрируете, наверное?

— Нет. — Врач покачал пальцем в воздухе, будто строгий учитель, выражающий школяру свое недовольство. — Я сужу только по случаям, которые зафиксированы полицией. Обычно звонят прохожие, которые случайно увидели запертого в машине ребенка. Наверняка во множестве случаев родители возвращаются к машине еще до того, как вмешаются посторонние.

— Понятно. Значит, родители постоянно забывают детей в машинах, но в условиях Великобритании это обычно не приводит к смертям?

— Совершенно верно.

— Ага, — изобразила Клара удивление. — То есть, согласно вашему экспертному мнению, можно считать, что ребенок, оставленный в Великобритании в автомобиле на короткий период времени, скорее всего, не пострадает от гипертермии, правильно?

— Да, в этом есть некоторый резон.

— Доктор Белл, мы услышали от патологоанатома доктора Моргана, что ребенок может перегреваться втрое быстрее взрослого. Это верное утверждение?

— Да.

— Как вы думаете, человек, далекий от медицины, может это знать?

— Вряд ли.

— Также доктор Морган сказал, что на температуру в машине могут повлиять сотни факторов. Можете назвать некоторые?

— Этих факторов действительно сотни. Расположение автомобиля, окружающие здания, обивка салона. Цвет автомобиля очень влияет на скорость нагревания.

— Да вы что? — изумленно подняла голову Клара.

— Тесты показали, что автомобили темных расцветок греются значительно быстрее белых.

— Таким образом, множество факторов может повлиять на то, пострадает ребенок от гипертермии или нет.

— Да.

— Как по-вашему, человек, далекий от медицины, может это знать?

— Скорее, нет.

— Позвольте мне подвести некоторый итог. Можно считать, что ребенок, оставленный в Великобритании в автомобиле на короткий период времени, вряд ли пострадает от гипертермии, верно?

— Верно.

— То есть Лейла Саид, оставляя ребенка в машине, не могла предположить, что это приведет к его смерти, верно?

— Верно.

— Спасибо вам, доктор. — Клара повернулась к судье: — Ваша честь, у меня больше нет вопросов.

Лейла выдохнула. Хорошо, что она доверилась Кларе. Холодный хирургический подход доктора Белла смягчил ее провинность. Ее ответственность очевидно уменьшилась, даже если присяжные не поверят в непреднамеренность ее действий.

Клару сменил Форшелл:

— Доктор Белл, вы уверяете, будто здравомыслящий человек может не знать о том, что тело ребенка нагревается в три раза быстрее тела взрослого, или о том, что черные машины притягивают солнечные лучи сильнее белых, — начал он раздраженным тоном, будто все, о чем говорили в суде до этого, было несущественной мелочью. Эдвард с помпой достал из папки лист бумаги и внимательно изучил его. — Как вы думаете, здравомыслящий человек может знать о том, что рискованно оставлять ребенка одного в машине на три часа двенадцать минут?

— Мне не вполне ясно...

— Простого «да» или «нет» будет достаточно, доктор, — сердито перебил Форшелл свидетеля.

— Я... — Белл запнулся. — Я бы сказал, да.

— Вам известно, на какое время мисс Саид оставила своего племянника в машине?

Доктор Белл непонимающе уставился на обвинителя.

— Три часа двенадцать минут? — язвительно поинтересовался он.

— Именно, — ответил Форшелл.

С этим он отпустил последнего свидетеля.

* * *

Лейла сидела в одиночестве, ковыряя вилкой остывшую пасту. Шарики подсохшей моцареллы скрипели на зубах. Рукола отдавала уксусом, а вяленые томаты с трудом можно было прожевать. Лейла заставляла себя глотать пищу, желудок ныл от нервного перенапряжения. Сегодня был последний шанс выступить перед присяжными, последняя попытка доказать свою невиновность.

Она замерла, когда заметила тень на столе, протянувшуюся у нее из-за спины. Решив, что это Ясмин, Лейла обернулась и тут же залилась краской, увидев детектива Шепарда.

— Вы сегодня хорошо держались, — сказал детектив.

Она не могла разгадать его тон: сарказм? подозрение? Возможно ли, что он похвалил ее искренне? Ничего не ответив, Лейла отпила воды из стакана.

Шепард сел напротив, перегнувшись через стол, и напряженно уставился на нее.

— Что там на самом деле произошло, Лейла?

Она отправила в рот порцию макарон и стала тщательно жевать.

— Да бросьте, расскажите, только между нами. — Кристофер похлопал себя по карманам, показывая, что не прячет диктофон. — Я сейчас не при исполнении, давайте. — Он кивнул, подталкивая ее к ответу: — Выкладывайте. Что тогда произошло? Я знаю, что все было немного не так, как вы описываете.

Лейла с трудом проглотила безвкусный комок пасты и взглянула полицейскому в глаза:

— Почему вы пытаетесь меня запугать?

Шепард откинулся на стуле. Его явно покоробил вопрос.

— Я не пытаюсь вас запугать. Я восхищаюсь вами.

Лейла ощетибилась, готовая к оскорблению: «Я восхищаюсь вами и вашим коварством». Но Шепард не стал продолжать фразу.

— Я искренне считаю вас выдающейся женщиной и не понимаю, как такое могло с вами произойти.

— Я устала это выслушивать, — скривилась она. — Люди ошибаются. Люди забывают. — Лейла прижала руку к груди. — Почему от меня ожидают совершенства?

— Потому что вы к этому стремитесь.

— С чего вы так решили? — отрезала Лейла. — Вы не знаете меня. — Она испуганно вглядывалась в лицо Шепарда, не понимая, чем являлся его визит. Попыткой ее запугать? Или искренним стремлением узнать правду? — А вам вообще можно со мной разговаривать без адвоката?

Кристофер горько улыбнулся одними уголками губ.

— Не-а. Я могу всерьез огрести от начальства.

Лейла непонимающе заморгала.

— И почему же вы здесь?

— Потому что я в долгу перед Максом.

Непроницаемое лицо детектива слегка изменилось в этот момент, жесткие черты разгладились от присутствия почти отеческого теплого чувства, и Лейла чуть было не выложила все как на духу. Взяв себя в руки, она собрала посуду на поднос и встала из-за стола.

— Я просто пытаюсь вам помочь, — сказал на прощание детектив.

— Уверена, так и есть, — холодно ответила Лейла и поспешно удалилась. Сбросив одноразовую посуду в контейнер, она вышла в коридор и увидела, что судебное заседание начинается вновь. Наступило время для заключительных речей.

* * *

Эдвард Форшелл поприветствовал присяжных и задумчиво поправил мантию. Лейла ожидала артиллерийских залпов, но он начал речь в успокоительном тоне:

— Уважаемые члены коллегии присяжных, никто здесь не утверждает, что Лейла Саид не заботилась о своем племяннике. То, что она делала для него, достойно всяческого одобрения. — Он сложил

руки в замок. — Проблема, однако, в том, что благие намерения не могут и не должны оправдывать серьезный проступок. В нашем случае последствия недосмотра мисс Саид имели разрушительные, катастрофические последствия, и нам пришлось подробно изучать все обстоятельства этой трагедии.

Вот самая краткая фактология. Лейла Саид взяла на себя обязанность присмотреть за племянником в тот день. Она отвечал за него, однако оставила ребенка одного в машине. Она с этим не спорит. Нахождение маленького ребенка в закрытой машине напрямую повлекло его смерть. Мы услышали в показаниях патологоанатома, что температура тела Макса поднялась выше сорока двух градусов — больше, чем способен выдержать даже здоровый взрослый. У мальчика обнаружены признаки обезвоживания и стрессовые язвы в желудке. Причина смерти ясна: автомобильная гипертермия. Представительница подсудимой бомбардирует суд россыпью незначительных деталей: мы слышали долгие рассуждения о цвете машины, формах и географических особенностях, доступных лишь научным сотрудникам, которые могли бы, по мнению защитницы, оправдать поведение мисс Саид в то утро. Но спросите сами себя: можно ли ожидать от взрослого здравомыслящего человека понимания, что оставшемуся в одиночестве в автомобиле ребенку грозит гибель, особенно в условиях летней жары? Я думаю, мы все понимаем, что ответом будет «да». Таким образом, сложенные вместе факты указывают, что Лейла Саид оставила племянника в ситуации потенциально смертельного риска. Это уже по определению преступная халатность. Лейла Саид настаивает на том, что она просто забыла о ребенке, — надеясь, что вы сочтете его смерть трагическим стечением обстоятельств. Но давайте же еще раз пробежимся по тем деталям, которые мы здесь узнали.

Эдвард указал рукой на Лейлу:

— Есть четыре безоговорочных факта, которые мы знаем о Лейле Саид. Первое: когда ее сестре было всего одиннадцать лет, она оставила ее одну на три полных дня. — Он повторил, делая ударение на каждом слове: — Три полных дня. Второе: Лейла Саид солгала, когда Макс под ее опекой получил травму головы. Травма была настолько тяжелой, что, по мнению самой подсудимой, понадобилось срочное вмешательство врачей. Лейла Саид представилась доктору,

который осматривал ребенка, как мать Макса. Позже она скрыла это происшествие от настоящей матери ребенка. — Форшелл покачал головой, показывая глубину своего разочарования в человечестве. — Третье: как минимум один раз Лейла заявляла, что готова «придушить» Макса. Я не утверждаю, что она имела это в виду буквально. Я первый готов признать, что любые родители время от времени произносят подобные вещи. — Он поднял палец, прося прислушаться к его словам: — О чем это, однако, должно нам говорить, так это о том, что Лейла Саид не справлялась с напряжением. Оброненная в сердцах фраза сообщает нам, что подсудимая не умеет обращаться с детьми и страдает от взятых на себя обязанностей. Четвертое: мисс Саид поддерживает свой образ успешной женщины, но по факту она не смогла реализоваться в роли матери и жены. В образовавшемся вакууме карьера стала играть для нее непропорционально большую роль. Мы слышали, как однажды Лейла Саид сразу после выкидыша вернулась к видеоконференции. — Обвинитель издевательски улыбнулся. — Очевидно, что мисс Саид ставит работу превыше всего, и в тот момент, когда ее снова нагроулили обязанностями по уходу за племянником, а она оказалась в критической ситуации из-за неразберихи в офисе, подсудимая приняла решение, которое большинство из присутствующих сразу бы отменили: она решила оставить Макса в машине, чтобы решить срочную проблему. — Форшелл сжал тубы. — Вы, возможно, будете сомневаться, признавать ли мисс Саид виновной. Вы можете подумать: «В конце концов, она не имела намерения его убить». Что ж, не имела, но ее поступок повлек за собой летальный исход. Она оставила ребенка в машине в самый жаркий день года, и это было осознанным решением. Лейла Саид виновна в смерти Макса Андерсона. То, что она совершила, я расцениваю как преступную халатность. Ее поступок напрямую привел к смерти ребенка. Таким образом, она виновна в причинении смерти по неосторожности. Она виновна. Я уверен, что во время принятия решения вами будет двигать скорее скорбь, нежели гнев, но признать ее виновной — ваша моральная обязанность. — Легким кивком Эдвард Форшелл обозначил конец своего выступления.

Лейла шумно выдохнула, стараясь избавиться от ощущения, что грудь ей сжимает железный обруч. Она рискнула украдкой взглянуть на присяжных, но они бесстрастно сидели на своих местах, не

выражая никаких эмоций. Как абсурдно, что дюжина незнакомых ей людей будет решать ее судьбу, не зная всей правды, услышав только кущую ее версию. Откуда им знать, виновна ли она на самом деле?

Но у Лейлы не было времени подумать об этом, поскольку тут же вслед за обвинителем для заключительного слова в середину зала вышла Клара Пирсон. Она углубилась в чтение записей в блокноте. На секунду показалось, будто она позабыла свою речь. Но потом адвокат с торжественным видом закрыла блокнот и серьезным взглядом окинула присяжных. Посыл был ясен: «То, что я собираюсь сказать, важнее отрететированных строк».

— Уважаемые присяжные заседатели, для начала я попрошу вас вспомнить об одном провале в памяти, который с вами случался. Возможно, вы обнаружили, что оставили включенной духовку или забыли закрыть входную дверь на ночь. Если чужак случайно сожжет ваш дом, его нарекают злодеем. Но если сам хозяин вовремя вспоминает о духовке и предотвращает пожар в зародыше? С этической точки зрения чем человек, которого счастливый случай спас от трагедии, лучше того, кто не успел исправить последствия своей ошибки? — Клара вопросительно подняла брови. — Каждый из нас может вспомнить такой провал в памяти. «Слава богу, все обошлось», — говорим мы себе в таком случае. Но Господь не был вместе с Лейлой в тот день. Господь, или удача, или счастливая случайность, или внезапное озарение не случились с Лейлой Саид. Один провал в памяти изменил ее жизнь навсегда.

А теперь спросите себя: несет ли Лейла Саид опасность для общества? Возможно ли, что она повторит свой проступок? Нет и нет. Собрались ли мы здесь лишь в целях наказания? Чему и кому послужит суровая мера? Если мы отправим несчастную женщину в тюрьму, ее компания закроется и пятьдесят семь сотрудников окажутся без работы — и кого мы защитим? Кого спасем? — Клара отмечала взмахом руки каждый свой вопрос. — Ее сестра и зять заслуживают умиротворения, но приблизим ли мы его, если отправим Лейлу Саид в тюрьму? Безутешным родителям необходим покой, а не возмездие. — Клара показала рукой в сторону кабинки для обвиняемых: — Лейла провела здесь все время суда и слушала, как мы разбираем каждую черту ее характера. Но вот главное, что мы можем сказать о Лейле. Первое: она сама вырастила младшую сестру и работала на двух

работах, совмещая их с учебой, чтобы обеспечить их с Ясмин всем необходимым и сохранить семью. Она могла отдать девочку на воспитание государственным органам, но упорно трудилась, преодолевая колоссальное давление. Второе: несмотря на огромную ответственность на работе, она часто и с удовольствием проводила время с Максом. Она являла собой образец внимательного опекуна, что лишь доказывает ее решение обратиться в травматологию после того, как Макс упал на игровой площадке, как падают все дети почти каждый день. Она привезла ребенка в больницу, хотя в итоге, по словам врача, ему «даже не понадобился пластырь».

Действительно, Лейла Саид ценит свою работу, и мой уважаемый коллега мистер Форшелл сделал далекоидущие выводы из того факта, что моя подзащитная не имеет детей. Неужели мы настолько презираем и боимся бездетных женщин, что готовы объявить их убийцами? Так мы думаем об этих женщинах? Что они сходят с ума из-за того, что не способны исполнить репродуктивную функцию? Это глубоко оскорбительно. — Клара бросила на противника презрительный взгляд. — Действительно, Лейла Саид вернулась к работе сразу после выкидыша. Мы превозносим мужчин, способных на такое! Когда премьер-министр вернулся к исполнению рабочих обязанностей через два дня после похорон собственного сына, газеты воспевали его стойкость и мужество. Но боже упаси женщину поступить так же! — Клара указала пальцем на Лейлу: — Моя подзащитная не заслуживает повешенных на нее ярлыков. Она никакая не суперженщина и не снежная королева, как обрисовало ее обвинение. Она не роковая красотка или сексуальная начальница, как трубят в медиа. Она обычная женщина, которая переживает огромную трагедию. Лейла никогда раньше не привозила Макса в детский сад. Мальчик сидел в кресле спиной к ней. Он спал. Так просто было ошибиться по-человечески просто. Пожалуйста, не признавайте ее виновной только потому, что кто-то должен заплатить за смерть ребенка. Нет. Это была чистая трагическая случайность: катастрофическая и бессмысленная, но не заслуживающая порицания. Лишь еще один трагический поворот истории. Пожалуйста, не разрушайте из-за этого жизнь моей подзащитной. Лейла Саид не виновна в преступлении. Нет. Единственный верный вердикт в этом деле: невиновна. Уважаемые члены коллегии присяжных, вы должны

освободить Лейлу Саид. Клара сцепила руки и наклонила голову. Спасибо, — закончила она.

Лейла чувствовала себя сломленной. Она согнулась и обхватила колени руками. Во рту появился химический привкус, и Лейла судорожно сглотнула слюну, чтобы избавиться от него. Внутри поднялся вихрь эмоций — страх, паника, облегчение, — и Лейла глубоко дышала, чтобы обуздать их. Весь боевой задор ее покинул, осталось лишь истощение. Голос разума подсказывал, что надо выпрямить спину и глядеть прямо, потому что так, свернувшись калачиком, она выглядит виновной. Кое-как она распрямилась и затравленно поглядела на мужчин и женщин, которые готовились распорядиться ее судьбой. Лейла ловила их взгляды и пыталась донести мысленное послание: «Я невиновна; пожалуйста, отпустите меня». Одна женщина быстро отвела глаза, и Лейла сочла это дурным предзнаменованием: «Дело складывается не в твою пользу».

* * *

Шепард увидел Лейлу в другом конце фойе. Он надеялся выслушать заключительные речи, но пропустил заседание из-за неотложной работы по другому делу. Кристофер прибыл как раз к тому моменту, когда все уже расходились из зала суда, и гадал, расхаживая снаружи, мог ли он пропустить Лейлу. Детектив уже собирался бросить бесполезное ожидание, когда услышал знакомый стук ее каблучков. Шепард выпрямился, ожидая, что Лейла заметит его в самом углу обширного вестибюля. Но, к его разочарованию, женщина направилась прямо к выходу. Подчиняясь мгновенному рефлексу, Кристофер поспешил за ней, не зная, на что рассчитывать. Он сел в машину, которая стояла в трех парковочных местах от ее автомобиля. Лейлу обступили журналисты, но она прошмыгнула на водительское сиденье и отъехала с невозмутимым видом.

Шепард, гонимый темными позывами интуиции, поехал вслед за ней. Какая-то загадка в Лейле Саид оставалась для него нерешенной, и он твердо решил докопаться до сути. Он держался на хвосте у недавней подсудимой, стараясь не подбираться слишком близко. Действия Кристофера противоречили всяческим регламентам, и если бы Лейла его заметила, она могла бы подать жалобу на преследование. Оказавшись на площади Тредегар, детектив аккуратно припарковался,

издалека следя за тем, как Лейла подошла к своей двери. Заметив еще одну фигуру, в ожидании сидящую на ступеньках крыльца, Шепард решил, что это муж Лейлы. Выскользнув из машины и прикрыв дверцу так, чтобы она не захлопнулась, он подобрался ближе и заметил за кустами растрепанную светлую шевелюру. С изумлением детектив понял, что это зять Лейлы. Но что он тут делает?

Кристофер замер в полутьме, следя за ее реакцией. Она рассержена? Счастлива? Чувствует облегчение? Лейла размахивала руками, и было похоже, что они с Андерсоном о чем-то препираются. Вскоре она отперла дверь и впустила Эндрю внутрь — столб света ярко очертил их силуэты. Дверь закрылась, и Шепард остался один на сонной улице. В ушах шумела кровь, разнося по телу заряд адреналина; детектив был взволнован твердым убеждением, что интуиция навела его на верный след. Он пересек улицу, аккуратно ставя ноги. Будучи крупным мужчиной, Шепард, однако, передвигался почти бесшумно. Еще в отрочестве он постоянно выслушивал за это выговоры от отца: «Шаришься по дому, как мышь».

Остановившись возле входных ворот палисадника, Шепард заглянул в дом через окна. Передняя комната казалось пустой. Оглядевшись, он понял, что может обойти ряд соседних зданий и понаблюдать за домом из переулка. Кристофер передвигался быстро: что-то на этой улице заставляло его нервничать. Вытянутые очертания старых зданий и тишина окружающего ландшафта напоминали мизансцены дешевых ужастиков. Он обошел здания слева. Вот он, дом Лейлы, вот окно кухни, освещенное приглушенным романтическим светом. Забор, однако, был слишком высок даже для него. Обернувшись, Шепард подошел к садику противоположного, погруженного во тьму дома и забрался на ограду, взгромоздившись сверху на стену. Если его кто-нибудь увидит, точно вызовет полицию.

Движение на кухне. Лейла отталкивала Эндрю, он хватал ее за руки. Шеп затаил дыхание, будто ожидая, что сейчас включится эффект замедленной съемки и двое встретятся в долгом поцелуе — сцена из романтической комедии, воплощенная в реальной жизни. Но нет, вместо этого Эндрю прижал ладони Лейлы к своей груди. Он, кажется, плакал, и Лейла по-родительски обняла его. Их плечи содрогались от рыданий в унисон, и Кристофер почувствовал укол совести из-за того, что без разрешения увидел столь интимную сцену.

Зрелище не было похоже на преступное свидание, скорее на невинное выражение общей скорби. Но почему оно происходит с такой страстью?

Лейла отстранилась, все еще держа ладони на груди собеседника. Сжав в кулаке его свитер, она сказала Эндрю несколько слов и оттолкнула с некоторой агрессией. Это не просто скорбь: происходит что-то еще. Черт, вот бы услышать хоть пару фраз из разговора! Детектив осмотрелся в поисках возможностей подобраться поближе, но оставил свое намерение: уж слишком оно было рискованным. Вместо этого он просто наблюдал за разговором следующие десять минут, покада Эндрю не отступил и не направился к выходу. Шеп не сдвинулся со своего поста, надеясь увидеть, что Лейла будет делать в одиночестве. Вдруг он получит ключ к ее поведению? Но Лейла просто погасила свет, оставив его в темноте.

* * *

Услышав дверной звонок, Лейла застонала от раздражения. Она твердо сказала Эндрю, чтобы тот отправлялся восвояси, потому что ей необходимо обдумать все в одиночестве. Она поспешно спустилась вниз, не успев застегнуть пуговицы на пижаме, и распахнула дверь, готовая накричать на посетителя, но обмерла: на пороге стояла Ясмин. Она потеряла за последние недели несколько килограммов, и это придавало ей тщедушный вид. Девичья живость и яркость сменились болезненной бледностью. Как ни странно, Ясмин старалась привести себя в порядок: ярко подкрасила губы и завила волосы. Эти усилия лишь придали ее образу зловещий налет, как у вдовы солдата, не оставляющей надежды спустя много лет устроить свое счастье.

— Ясмин!

— Я не вовремя?

Лейла бегло оглядела улицу. Интересно, сестра видела, как уходил Эндрю?

— Да нет, — обыденно ответила она. Получилось слишком бесстрастно. Лейла приоткрыла дверь шире: — Входи.

Ясмин передвигалась, чуть касаясь земли, будто трагедия забрала саму ее вещественность. Вместе они прошли на кухню, как делали тысячи раз. Ясмин села у камина, а Лейла заварила чай: черный с бергамотом для себя, зеленый для младшей сестры. Поставила на стол

печенье из «Вэйтруз», помня, что Ясмин его любит. Наконец сама села напротив.

Ясмин обхватила пальцами кружку.

— Надеюсь, ты поговоришь со мной, — тихо сказала она.

— Я всегда рядом, — ответила Лейла, — ты же знаешь.

— На прошлой неделе ты натурально сбежала от меня, когда мы встретились в уборной.

Лейла ничего не ответила. Она опустила взгляд на чай, наблюдая за игрой света в кружке.

— Ты должна была рассказать мне о выкидышах, — мягко укорила ее Ясмин.

— Я не хотела тебя нагружать своими проблемами. Тоби болел, и мои несчастья... казались несущественными.

Ясмин выглядела уязвленной.

— И все же тебе следовало поделиться. Ты должна была мне рассказать.

— Речь-то не только об этом.

— А о чем?

Лейла хотела было соврать, как-то отшутиться. Но настало время сказать правду.

— Я не хотела признавать, как мечтала о материнстве, потому что тогда мой провал выглядел еще хуже.

— Это не провал, — возразила Ясмин.

— Именно он, — настаивала Лейла. — Даже в медицинских определениях: «неспособность организма ответить на курс лечения», «несостоятельность шейки матки». Я потерпела провал и не желала этого признавать.

— Но почему? Ты ведь все мне рассказывала!

— Нет, Ясмин, — Лейла горько улыбнулась, — я не рассказывала тебе кучу вещей.

— Каких же?

— Например, как я иногда смотрела на тебя и ревновала.

Ясмин раскрыла рот:

— Ревновала? К чему?

— Я постоянно старалась сделать так, чтобы у тебя всего было вдоволь, но вместе с тем молча завидовала тому, как легко тебе все достается. Иногда, если ты дерзила мне, хотелось схватить тебя,

встряхнуть, дать пощечину, чтобы ты поняла, как тяжело мне живется. Хотя я, наоборот, старалась скрывать от тебя подробности. А потом ты вышла замуж и забеременела, и снова тебе все удалось так... легко.

— Но это я всю жизнь завидовала тебе! — воскликнула Ясмин. — Ты такая успешная, все смотрят только на тебя. А я лишь жалкая секретарша. Как думаешь, почему я постоянно придираюсь к твоим сервизам и мебели? Мне завидно. Я... — Ясмин бессильно махнула рукой. — Ты обязана была мне сказать, Лейла. Я понятия не имела, через что ты прошла.

Лейла сделала долгий глоток, выигрывая время, чтобы собраться с мыслями.

— Когда это случилось в первый раз, я рассказала тебе, мы поговорили и решили, что беспокоиться не о чем. Просто еще одна из миллиона неудачных беременностей. Во второй раз я смутилась. Не хотелось никому говорить, пока не решу эту проблему. К третьему разу Тоби уже поставили диагноз и ты была в таком стрессе, что я боялась тебя тревожить. А в четвертый... — Лейла умолкла.

— Тоби уже умер?

— Нет, еще до этого. — Лейле не хотелось вспоминать тот период, самое темное время их жизни: бесконечный ночной рев, лохмотья кожи Тоби, отпадающие от легчайшего прикосновения.

Ясмин разогнула пальцы, напрягла ладонь, пытаясь унять боль.

— Помнишь тот вечер, когда ты пришла меня проведать?

Лейла кивнула. Такое не забудешь: Тоби кричал наверху, и Лейла хотела пойти к нему, но Ясмин схватила ее за локоть и велела не вмешиваться. Она сидела на полу со взъерошенными сальными волосами и выпирающими ключицами и сжимала в руках мятый лист бумаги. Это было письмо из муниципального собрания с напоминанием о многочисленных жалобах соседей. Они жаловались на крик, хотя знали, какой ад происходит у них в доме.

— Помнишь, что я тебе тогда сказала? — спросила Ясмин.

— Ты сказала... — Лейле пришлось сглотнуть комок в горле. — Ты сказала, что никто не говорил тебе, что такие дети, как Тоби, тоже имеют человеческие права. Что они нуждаются в прикосновении, хотя оно их ранит.

— И?

— Ты тогда прочитала про гренландскую акулу, которая живет на дне океана. У нее в глазах обитают паразиты, и тебе казалось, будто такая же штука растет внутри тебя.

— И? — настаивала Ясмин все более твердым голосом.

— И ты сказала... — нерешительно произнесла Лейла дрожащим голосом.

— «Иногда я хочу, чтобы он наконец умер», — закончила за нее Ясмин. По щекам у нее потекли слезы, оставляя прямые темные линии от туши, будто нанесенные мастером каллиграфии. — И ты спокойно и без осуждения приняла мои слова, но ты не знала, Лейла. Ты не знала, насколько сильно я этого ждала.

Лейла протянула руку к сестре:

— Я знала.

— Нет, не знала! — закричала Ясмин, отстраняясь. — Ты восприняла мою реплику как материнское пожелание, чтобы мучения ребенка поскорее закончились, чтобы сынок обрел покой и тихо ушел во сне. — Она горько покачала головой. — Нет. Я буквально желала ему смерти, жаждала ее. Ждала, чтобы он поскорее сдох, и тогда можно покончить со всем этим. Я хотела, чтобы он просто наконец заткнулся! — За много лет ярость Ясмин никуда не исчезла, она всплыла из-под наслоений других эмоций. — Я не виню тебя за то, что ты сказала про Макса, будто хочешь его придушить. Я сотню раз такое говорила про Тоби, и вовсе не фигурально. Да, Лейла, да. И больше всего меня ранит, что я его ненавидела. Особенно в такие вечера. По-настоящему ненавидела.

Лейла покачала головой:

— Не говори так. Это не ненависть. Ты прошла через такие испытания, к которым ни одна мать, да и ни одно человеческое существо не может быть готовой. — Лейла подошла к сестре и обняла ее.

— Я заслужила это. Заслужила, чтобы у меня отняли Макса.

— Нет. — Лейла поцеловала Ясмин в макушку. — Нет. Ты замечательная мама.

— Я желала смерти собственному ребенку.

— Не бойся. Ему сейчас хорошо. У них обоих все хорошо. — Она баюкала Ясмин в объятиях. — Я тебе обещаю.

Глава 15

Лейла встала из-за стола и отработанным движением застегнула пуговицы на пиджаке. Этому она научилась в двадцать шесть лет, когда пожилая дама, проведя с ней собеседование, направила Лейлу к выходу и шепнула на прощание, озорно подмигнув: «Кстати, если хотите убедить важных шишек, что вы одного с ними круга, вам стоит расстегивать нижнюю пуговицу, когда садитесь, и застегивать, когда встаете». Лейла залилась краской от такого наставления. С годами она заметила, что мужчины вроде Роберта Гарднера невольно считывают подобные мелочи в поведении, которые служат маркером для посвященных. Лейла смогла настолько усыпить его бдительность, что Роберт закрыл глаза на ее невзрачный диплом политехнического института и стал судить по навыкам и результатам работы. Теперь же, в дорогом наряде и с прической от стилиста, разницы не заметит уже никто.

В коридоре Лейла надела туфли и взглянула на себя в зеркало. От осознания, что от нее больше ничего не зависит, наступило облегчение. Теперь не надо примерять маски и продумывать ложь. Ее судьба полностью зависит от присяжных.

Уилл догнал ее в коридоре. Обуздав свою ненависть к нормам, он гладко побрился и подобрал стильный пиджак. Муж сегодня выглядел на редкость притягательно. Уилл подал руку, и Лейла взялась за нее — какой удивительно простой и знакомый жест. После ужина в понедельник он попросил разрешения остаться, но Лейла отказала: ей требовалось время. Но сегодня, когда Уилл объявился у нее на пороге час назад, она почувствовала глубокую благодарность. Впрочем, ей некогда было обдумывать поступок мужа и свою реакцию. Что бы они вдвоем собой ни представляли, во что бы ни превращались, это подождет до оглашения вердикта.

Вместе они вышли на площадь Тредегар навстречу стайке фотографов и сели в машину Лейлы. Уилл занял место за рулем: он по-прежнему был вписан в страховой полис. Они держали путь в Лондонский королевский суд. Когда машина завернула за угол, Лейла позволила себе посмотретья в зеркало, вытащила помаду легкого

земляничного оттенка и поправила один из уголков рта. Ей важно было сделать это до прибытия в суд.

Уилл покосился на супругу:

— Волнуешься?

Лейла кивнула.

— Все будет в порядке.

— Откуда тебе знать.

— Уверю тебя. Таких женщин, как ты, не сажают в тюрьму.

— Таких женщин, как я, ненавидят, — ответила она с неожиданным для самой себя ядом и поспешила объяснить: — Не знаю, поняли ли присяжные, какая я. Я пыталась им показать. Но мне кажется, что я им попросту не нравлюсь. Я... — Лейла умолкла, по-прежнему боясь делиться сокровенными мыслями.

Уилл почувствовал ее сомнения, но не стал настаивать. Пускай сама решит, когда сможет ему доверять.

— Ты не знаешь, каково это, Уилл, — продолжила Лейла после паузы. — Я столько лет прожила в страхе. В страхе, что потеряю Ясмин, что ее заберут у меня. В страхе, что пройдет десяток лет, а мы с сестрой по-прежнему будем питаться объедками. В страхе, что у нее может обнаружиться то же расстройство, что и у матери. Что мне придется стоять на посту круглосуточно, день за днем. Внутри я постоянно была на взводе. В таком состоянии сложно сохранять качества, которые нравятся людям, сложно выглядеть дружелюбной, веселой и беззаботной. Я просто не умею изображать чувства, и... я видела, что не понравилась присяжным.

Уилл нахмурился.

— Мне кажется, ты слишком строго себя оцениваешь. Такие женщины притягивают окружающих.

— Притягивать и нравиться — не одно и то же, — возразила Лейла. — Уж ты-то должен понимать.

Он помолчал.

— Я ведь не хотел уходить от тебя. Ты же знаешь.

Лейла молча глядела на дорогу, вспоминая, насколько жестоко обошлась с Уиллом под конец: гневные обвинения, крики в лицо о том, что она заслуживает лучшего.

Уилл сжал рулевое колесо.

— Знаешь, когда ты заговорила про развод, я долго пытался разобраться в себе. И чувствовал только страшную покинутость. — Он прочистил горло. — Лейла, я хочу, чтобы мы все исправили.

Она погладила его по плечу.

— Давай позже об этом поговорим, ладно? — Сейчас ей не хотелось обсуждать будущее. Лучше поменьше думать о том, что она рискует потерять. Лейла включила радио и углубилась в поиск любимой радиостанции, переключаясь с песни на песню. Это отвлекало от разговора, но не помогало заглушить дурные предчувствия.

Уилл припарковал машину и мягко коснулся ее колена:

— Готова?

Лейла сжала его руку, чтобы унять дрожь.

— Да, — хриплым шепотом ответила она. Они вышли под вспышки фотоаппаратов и вдвоем направились к дверям суда.

* * *

Ясмин прочитала сообщение от Джейсона: «Когда сможем повторить?» — поморщилась и удалила текст. Она проигнорировала два предыдущих сообщения, но Джейсон был не из тех, кто легко сдается. Ясмин положила телефон на комод экраном вниз, чтобы зеленые вспышки уведомлений не привлекали внимания Эндрю. Она опять попыталась вставить сережку в затянувшееся отверстие в мочке и тихо выругалась, поскольку дужка никак не попадала в нужное место.

К ней повернулся Эндрю с наполовину завязанным галстуком:

— Тебе помочь?

Ясмин швырнула сережку на комод.

— Нет, — признала она поражение. Ясмин слишком нервничала, испытывая какое-то противоестественное возбуждение. Сегодняшний день наконец закроет эту страницу, и Ясмин вновь и вновь убеждала себя, что доверится решению суда. Если Лейлу признают невиновной, Ясмин простит сестру. Если вердикт будет другим — значит, их отношениям конец.

Посмотрев на часы, Ясмин поняла, что они опаздывают. Она нервно сгребла в сумочку ключи, косметичку и кошелек. Что она будет за мать, если опоздает в такой день? Увидев, что Эндрю ждет ее в

дверях, она зашипела на него: присутствие мужа еще больше давило на нее.

— Я подожду в машине, — мирно ответил он.

Ясмин покружила по комнате, сменила длинный кардиган, который выглядел слишком старомодно, на короткий. Положила в сумочку салфетки и сбежала вниз по лестнице, кое-как натянула туфли и в конце концов села в машину рядом с мужем. Они проехали мимо дома Лейлы, который был на два этажа выше их собственного. Ясмин давно знала, что Лейла тайком подкидывает денег Эндрю, но не хотела этого признавать. Пока Ясмин делает вид, что не знает об этом, Лейла не сможет в полной мере насладиться своим благодеянием.

В первый раз Ясмин почуяла неладное, когда во время совместного ужина случайно зашла на кухню. Эндрю резко отвернулся, и по его напряженным плечам она поняла, что муж что-то скрывает. Ясмин заметила, как супруг прячет листок в карман брюк, и заставила себя изобразить искреннюю улыбку, хотя сердце у нее бешено колотилось. Уже глубокой ночью она обыскала мужнину одежду и обнаружила банковский чек на пять тысяч фунтов стерлингов. Не было смысла гадать, что происходит. Единственная причина, по которой они внезапно смогли позволить себе красивый диван, — это спонсорская помощь Лейлы. Ясмин не чувствовала раздражения или вины. В конце концов, пусть сестра поделится своим богатством, ей самой столько не надо. С тех пор Ясмин вошла во вкус и стала охотнее посещать роскошные вечеринки с сестрой, наслаждаясь восхищенными взглядами окружающих, и обрела уверенность в том, что ловко обманывает мужа и сестру, притворяясь, будто ничего не подозревает. Единственный раз, когда Ясмин сорвалась, — в тот день, когда увидела их объятия на улице. Лейла уверяла, что это была невинная сцена общей скорби, но воспоминания до сих пор зудели и не давали покоя. До тех пор Эндрю и Лейла обходили друг друга с деликатностью профессиональных танцоров, лишь иногда слегка соприкасаясь руками. Но в тот день Ясмин увидела такую интенсивность эмоций, от которой замирало дыхание.

«Нет, Ясмин, я тебе не рассказывала кучу вещей». Эти слова Лейлы вызывали у младшей сестры сложный коктейль эмоций. Ясмин угнетала новость о выкидышах Лейлы. Она винила себя за то, что сестра не смогла решиться и поделиться с ней. Но одновременно с

этими переживаниями росло и раздражение: «Хватит корчить из себя мученицу, Лейла». Они уже не дети, и теперь Ясмин не нравилась опека старшей сестры.

Позади кто-то нетерпеливо библикнул, и Ясмин, очнувшись от размышлений, удивленно посмотрела на мужа. Эндрю замешкался у перекрестка, и это вызвало у Ясмин скорбные воспоминания. Муж всегда водил машину чрезвычайно аккуратно — ценное качество, пока был жив Макс, но к чему теперь предосторожности?

Ясмин постучала пальцем по часам на запястье.

— Мы опаздываем, — требовательно сказала она. Эндрю наконец стронулся с места и влился в бесконечную ленту машин, преодолевающих километры по трассе А-11.

Ясмин поняла, что он не произнес ни слова за время поездки.

— Ты как? — спросила она.

— А ты как думаешь? — огрызнулся супруг и тут же поспешил извиниться: — Прости, я очень волнуюсь. Я... я боюсь, что ее признают виновной.

В сравнении с его глубокими переживаниями насчет участи Лейлы Ясмин тревожилась гораздо меньше. Это сопоставление открыло ей неприятную истину: если сестру признают виновной, Ясмин почувствует удовлетворение. У нее будет кого винить в смерти Макса. Вердикт придаст трагедии какой-то смысл и логику. Человеческую ошибку можно предугадать, исправить, понять, в отличие от действий безликого фатума. Если Лейлу освободят, как тогда Ясмин успокаивать свою боль? Куда направить гнев?

— У Лейлы все будет хорошо, — холодно ответила она. — У нее всегда все хорошо.

Эндрю поставил машину на стоянку и заглушил двигатель. Внезапная тишина ошарашила Ясмин, как холодная струя в теплом море, заставив съежиться. Она вышла из машины и сощурилась от вспышек фотоаппаратов. Ее тут же обнял Эндрю. Вдвоем они прошли во вращающуюся дверь, чтобы узнать, какая участь ожидает Лейлу.

* * *

Тихо булькающее отопление не справлялось с холодом в зале. Снаружи лило, и запах мокрого тротуара проникал в помещение, добавляя в сцену заседания налет беспокойства. Лейла обняла себя

руками, чтобы согреться на скамье для подсудимых в своем аквариуме. Она боролась с желанием посмотреть наверх, на публичную галерею, — все равно под таким углом ничего не разглядишь. Клара Пирсон рассказала ей, что будет происходить после оглашения решения суда. Если Лейлу признают виновной, ее отправят в ту тюрьму, где для нее найдется свободное место. От такой перспективы у Лейлы перехватывало дыхание. Хотя у нее было несколько месяцев, чтобы морально подготовиться, близкая возможность лишиться свободы казалась нереальной. Всю жизнь Лейла старалась вырваться из ловушки системы, и вот сейчас она в самой пасти, и через минуту левиафан ее проглотит.

— Я правильно понимаю, что уважаемая коллегия присяжных готова объявить свое решение? — громогласно начал судья Уоррен.

Лейла сжала кулаки, чувствуя, как высохла и потрескалась кожа у нее на пальцах.

— Я прошу подсудимую встать, — произнес секретарь суда, и Лейла вскочила, отработанным движением застегнув нижнюю пуговицу на пиджаке. — Господин председатель, коллегия присяжных смогла найти решение, которое устроило всех ее членов?

Лысеющий мужчина в зеленом свитере кивнул.

— Да. — Он мельком бросил взгляд в сторону Лейлы, и у нее мгновенно скрутило живот от того, что выражали его глаза. Жалость.

— Во-первых, вы считаете подсудимую виновной или невиновной в том, что она допустила преступную халатность, приведшую к смерти ребенка?

Лейла затаила дыхание. Время растянулось, как жевательная резинка. Мир вокруг будто вернулся к состоянию Галактики до Большого взрыва. Сердце колотилось в груди, и Лейле казалось, что председатель уже дал ответ, просто она пропустила его мимо ушей. С нарастающей паникой она взглянула на судью, потом снова на председателя.

— Невиновна, — ответил председатель.

— Вы считаете подсудимую невиновной и с этим согласны все присяжные?

— Да, — подтвердил мужчина.

Стены вокруг поплыли. Невиновна. Лейла съежилась, но не от подступающих слез, а от резкого, невыносимого облегчения. Клара

подбежала к судье, они начали разговаривать, и до Лейлы донеслись слова судьи: «Вы можете идти». Пристав отпер стеклянный отсек, и Лейла уставилась на дверь в свободную жизнь, как на портал в другое измерение. Несколько секунд ей было страшно покинуть уютный аквариум. Пристав нетерпеливо помахал рукой, и Лейла на дрожащих ногах шагнула в зал. К ней подошла Клара, по-дружески сжала плечо:

— Можете идти, Лейла.

Она рассеянно кивнула.

— Но почему?

Клара улыбнулась:

— Мы не спрашиваем у присяжных, почему они приняли такое решение. Мы просто соглашаемся с вердиктом.

Лейла не могла найти слов, чтобы выразить свою благодарность. Клара коротко кивнула, давая знать, что поняла ее чувства, и протянула руку на прощание:

— Если будут вопросы, позвоните в мой офис.

Лейла схватила ее ладонь и долго трясла.

— Хорошо. Спасибо вам.

В растерянности Лейла простояла минуту посреди зала. Обернувшись, она увидела, что все присяжные уже покинули свои места. Ее освободители, которым она стольким была обязана, незаметно покинули зал. Неужели все так быстро закончилось? Покачиваясь, она вышла в коридор, где ее уже ждал Уилл. Лейла упала в его объятия и расплакалась — от облегчения, от благодарности, от успокоения. Присяжные сняли с нее обвинения.

Уилл погладил жену по голове. В другом конце зала она увидела Ясмин: сестра внимательно смотрела на них. Лейла больше не чувствовал себя старшей или более мудрой в их паре. «Ясмин», — беззвучно прошептала она.

Младшая сестра подняла руку и покачала головой. Что это может значить? «Нет, не сейчас» или «Нет, никогда»? Но потом Лейла заметила, что сестра тоже произнесла одними губами: «Потом».

От этого простого слова Лейла расплакалась еще пуще.

Когда она энергично закивала, Ясмин развернулась и направилась к выходу, вцепившись в руку мужа. На их семью свалилось много боли, но настал час исцеления. Со временем Ясмин смирится с мыслью, что

Макс погиб по трагической случайности. В это поверили присяжные, а значит, должна поверить и Ясмин.

* * *

Ясмин стянула носки и запихала их в ботинки. Рядом стояли зеленые ботиночки Макса. Она глядела на них в недоумении. Наклонившись, поковыряла пятно высохшей глины на носочке; вспомнила, как они пошли гулять и Макс, одетый в желтое пальто, прыгнул в лужу и обрызгал молодую парочку, проходившую мимо. «Простите, он в первый раз видит лужу», — рассыпалась тогда в извинениях Ясмин, и парень с девушкой звонко расхохотались, поприветствовав радость первого опыта. Вот в чем радость материнства, считала она: видеть обыденные вещи глазами ребенка. Радость щекотки, изумление от книжки с объемными картинками — жизнь Макса была наполнена сюрпризами и предвкушением. Холодное осознание того, что он никогда ни с кем не подружится, никогда ни в кого не влюбится, разрывало сердце Ясмин на части. Как назвать мать, понесшую двойную утрату?

Она вытащила из угла коридора пластиковый пакет с эмблемой благотворительного фонда, открыла его и аккуратно поставила внутрь зеленые ботиночки. Следом отправила туда же кроссовки сына. Тут Ясмин почувствовала, как сзади подошел Эндрю, ощутила слабое движение воздуха, когда он попытался что-то сказать, но передумал. Потом она встала и пошла в садик. Вот это было труднее всего для Эндрю. Когда их покинул Тоби, муж страстно желал оставить на память все его вещи: почти истраченный флакон детского шампуня, бутылочку с укропной водой, тюбики с кремом. Она не понимала этого порыва. Как можно хвататься за все эти мелочи, когда они просто пульсируют болью? Сама Ясмин находила утешение в том, что другой маленький мальчик сможет ходить в этих ботиночках и будет хохотать, когда прыгнет в свою первую в жизни лужу.

Ясмин дала себе обещание сохранять стойкость, пока паковала жизнь Макса в мешки и коробки. Она вспомнила, как делала это в прошлый раз, и страшные образы всплыли в ней липким ужасом: она сидит в остывшей ванне, с мокрыми волосами, разглядывая два идеально ровных купола коленей, выглядывающих из воды. Отчаяние того дня нахлынуло и будто бы смыло всю тяжесть дня нынешнего.

Ясмин рухнула на колени, схватилась за телефон и быстро набрала сообщение сестре: «Я собираю вещи Макса. Можешь прийти и помочь?»

Пять минут спустя раздался стук в дверь. Ясмин открыла: на пороге стояла Лейла, дрожа от холода. Вокруг ее головы сияло гало от уличных фонарей. Секунду сестры смотрели друг другу в глаза. Потом Ясмин сделала шаг вперед, и они горячо обнялись. По судорожному дыханию сестры Ясмин понимала, что та сдерживает слезы. Он крепко сжала Лейлу в объятиях, будто пытаюсь смять ее боль в маленький незаметный комок.

Лейла всхлипнула, увидев зеленые ботиночки в мешке, и замерла в молчании. А потом обе сестры, как по команде, уселись на пол и стали разбирать гору обуви. Они перебрали все вещи в доме, складывая в пакеты скудные остатки жизни Макса: раскраску, пластилиновую фигурку, потерянный кирпичик лего, колокольчик от шоколадного рождественского зайца. Они очищали жилище не только от вещей, но и от воспоминаний.

* * *

Лейла покинула дом сестры уже после полуночи. После ее ухода Ясмин, завернувшись в плед, устроилась на скамейке в саду с бокалом вина. Отпила глоток и поморщилась: немного выветрилось, но по-прежнему неплохо. На удивление, ночное небо очистилось, и звездная пелена над головой навевала ностальгию. В детстве Лейла рассказала: чем дольше глядишь на небо, тем больше звезд видишь, будто взглядом вызываешь их чудесное появление. Какая же это роскошь, думала Ясмин, когда у тебя есть старшая сестра или брат. Вот кто настоящие герои детства, о которых не складывают песен. О роли родителей, учителей или лучших друзей талдычат все, но больше всего получаешь от старших сестер и братьев.

Ясмин растянула губы в ленивой улыбке, чувствуя, как подступает опьянение. Эндрю тихо подошел и уселся рядом. Ясмин предложила ему край пледа, и он укрыл колени.

— Холодно сегодня, — задумчиво протянул он, подняв глаза ввысь.

— Отличная ночь для сигареты, — с усмешкой сказала Ясмин. Муж смиренно вздохнул. Она бросила курить, когда забеременела в первый раз, и лишь иногда делала пару затяжек.

Эндрю накрыл ладонью руку жены:

— Что ты чувствуешь?

Ясмин поставила бокал рядом с собой.

— Странное облегчение, — призналась она. — Я думала, что буду ненавидеть Лейлу, но теперь... мне кажется, я должна простить ее. — Ясмин махнула рукой, будто отгоняя назойливую мушку.

— А сможешь? — мягко спросил Эндрю.

— Смогу. В каком-то смысле уже простила.

Эндрю молча разглядывал звезды.

— Я не хочу еще одного ребенка, — тихо произнесла она. — Больше не хочу.

Он сжал ладонь жены.

— Мне кажется, это правильное решение.

Ясмин поправила плед на плечах.

— Эндрю, мне надо кое-что тебе рассказать. — Она почувствовала, как напряглись пальцы мужа. — Когда ты сказал, что не хочешь ребенка, я написала своему коллеге Джейсону. Ну ты его знаешь, парень с кудряшками. Мы даже вместе поужинали.

У Эндрю был растерянный вид.

— И?

— И ничего. Мы поужинали, он несколько раз мне писал, и я решила, что надо тебе об этом рассказать.

— Что он тебе писал?

— Что хочет снова увидеться.

Эндрю вздрогнул.

— Он звал тебя на свидание?

— Нет. Ну ладно, не знаю, — Ясмин погладила руку мужа. — Я ему отказала. Собиралась завтра сказать ему, чтобы больше не писал мне.

Эндрю отнял руку.

— Но почему ты вообще ему написала изначально? Ты хотела?... — Эндрю не смог закончить фразу и так и остался сидеть раскрыв рот.

— Я ничего не хотела, — солгала Ясмин. — Просто разозлилась. Бесилась, что ты... — она подняла руку, будто пытаясь нащупать нужные слова, — что ты не поддержал меня, мне было очень плохо и хотелось тебе отомстить. Я правда ничего не планировала.

Эндрю выдохнул, выпустив облачко пара.

— Господи, Ясмин.

— Прости меня.

Он напряженно посмотрел на супругу.

— Мне этот парень никогда не нравился. Он считает, что можно флиртовать с чужими женами, потому что они уже заняты, а значит, это всего лишь невинная игра. О чем ты изначально думала, когда писала ему?

— Это был просто дурацкий порыв, но я тебе обещаю, что ничего не имела в виду.

— Тогда зачем ты мне вообще рассказала?

— Мне показалось, что лучше рассказать.

Эндрю набычился.

— Ладно, — наконец ответил он, но Ясмин видела, что он по-прежнему хмурится.

Она протянула ему бокал вина.

— Пообещай мне одну вещь.

Он принял бокал, но поставил на песочную дорожку перед скамейкой.

— Какую?

Ясмин подождала, пока Эндрю не обратит взгляд на нее.

— Пообещай, что мы что-нибудь сделаем со своими жизнями. Что не превратимся в одну из скучных бездетных пар, которые заполняют дни садоводством и сериалами на «Нетфликсе». Пообещай, что мы будем путешествовать по миру, узнавать новые места, жить на полную катушку.

Лицо мужа приобрело скорбный вид.

— Пообещай, — настаивала Ясмин.

— Обещаю, — Эндрю снова сжал ее ладонь. — Я обещаю тебе все на свете, Ясмин.

Она прижалась к его груди, ощутив, как он потеснее закутал их обоих пледом. Теперь остались только он и она — новая, усеченная версия их семьи.

Часть третья

Глава 16

Затяга принадлежала Уиллу, но, сгоряча согласившись, Ясмин теперь нерешительно переминалась с ноги на ногу.

— Давай! — Зять подошел к ней, но не стал хватать за руку. Их обычное обниматься постоянно бесило и Лейлу, и Эндрю. Уилл показал рукой на бассейн: — Отличная погода для купания.

— Февраль на дворе! — воскликнула Ясмин.

— Но погода-то отличная, — улыбнулся Уилл.

А он ведь прав, отметила Лейла. Вечер прохладный, но не настолько, как раз можно нырнуть.

— У меня с собой и купальника нет, — отмахнулась Ясмин.

— Как будто раньше это кого-то останавливало, — парировал он. Уилл был подчеркнуто весел. В свое время Ясмин тоже обиделась на него за колонку о Максе, и теперь он каждый раз старался вновь завоевать ее благосклонность.

Лейла наблюдала за ними с другого конца лужайки. Она в каком-то смысле жалела мужа из-за его безграничной веры, что его старания могут отвлечь родных от смерти младшего члена семьи.

— Он так старается снова собрать нас вместе.

Эндрю задумчиво поглядел на бокал с пивом.

— Я могу его понять. Все теперь так сложно.

Лейла что-то пробормотала в знак согласия. Прошло шесть недель с момента оглашения приговора, и те несколько раз, что они встречались, были напряженными и неуютными, словно они разучились быть семьей. Уилл, стремясь искупить предыдущие ошибки, очень помогал Лейле: отпугивал журналистов, пока те не потеряли интерес к истории, занимался всеми покупками и делами по дому, позволив жене снова сфокусироваться на работе. Но Лейла не способна была искренне отблагодарить его за это. Уилл терпел и терпеливо вновь и вновь старался починить разрушенное семейство, собирал родных за пивом и, как в старые добрые времена, травил байки из своих журналистских приключений — о том, например, как он притворялся известным футболистом в блоге газеты.

— И вот полисмен обыскивает его и спрашивает, откуда у него пять штук в заднем кармане штанов. — Тут Уилл заговорщицки прищурил

глаза. — А Марио смотрит ему прямо в глаза и отвечает: «Потому что я богатый!» Надо было видеть рожу этого копа! — В этом месте Уилл разражался смехом, приободряя остальных.

А вот теперь он крутился вокруг Ясмин на краю бассейна, угрожая столкнуть ее в воду.

Лейла, наблюдая за ними, почувствовала неожиданный прилив радости.

— Да толкни ее уже! — крикнула она, и оба с недоумением воззрились на нее. Но в следующую секунду Уилл, вооруженный напутствием жены, столкнул Ясмин с края бассейна, и она нелепо плюхнулась в воду, запищав от неожиданности. Лейла захохотала. Вот она, младшая сестренка.

Эндрю взглянул на свояченицу.

— Думаю, она справится.

Лейла сжала его руку:

— Похоже на то.

Наклонившись, он чмокнул ее в щеку.

— Спасибо тебе. За то, что заботишься о ней.

— Ну что, вас ждать или нет? — прикрикнул Уилл.

Лейла взглянула на Эндрю, вопросительно подняв бровь. Тот картинно закатил глаза. Оба синхронно встали и пошли к бассейну, раздеваясь до нижнего белья. В воде они распили бутылку вина на четверых. Ясмин придвинулась поближе и положила голову на плечо сестре. Этот мимолетный знак доверия придал Лейле уверенности. За шесть недель после оглашения вердикта суда в их отношения вернулась тактильность. Ясмин была фанатом объятий, запросто прикасалась к руке собеседника, чтобы подчеркнуть важную мысль, могла опереться на плечо незнакомца, чтобы поправить туфлю, и обнимала Макса так крепко, что тот начинал вырываться. Отсутствие прикосновений экстравертной младшей сестры ощущалось как пропасть. Теперь, когда та дремала у нее на плече, Лейла снова почувствовала, что они одно целое.

Ясмин встрепенулась и подняла бокал, чтобы произнести тост.

— Макс обожал этот бассейн. Помните? Каждый раз, когда он сюда приходил, вся одежда летела на лужайку, и он тут же оказывался в воде.

Лейла вздрогнула. Они не говорили о Максе с самого окончания суда.

Ясмин убрала прядку с лица. В подсветке, идущей из-под воды, ее кожа обрела призрачно-голубоватый оттенок.

— Что мне больше всего разбивает сердце, так это то, что Макс и Тоби не знали друг друга. Они оба были такой важной частью нашей жизни, однако жили и умерли, не подозревая друг о друге. — Эндрю потянулся, чтобы успокоить жену, но Ясмин отстранилась: — Нет, все в порядке. Я не буду плакать. Просто... я хочу их помнить, понимаешь?

— Да, — кивнул Эндрю. У него блестели глаза — то ли от слез, то ли от мерцания воды.

— Ты помнишь, как Тоби все время жевал правой стороной рта? И Макс делал то же самое. Он унаследовал это? А что еще у них было общего?

— Оба могли заснуть где угодно, — подхватил Эндрю. — Помнишь, я однажды чуть не наступил на Макса, потому что он свернулся калачиком на нижней ступеньке?

— Они постоянно выдумывали совершенно безумные объяснения, — улыбнулась Лейла. — Мне один раз попало что-то в глаз, и Тоби сказал: «Это кость динозавра».

Все рассмеялись. Делясь воспоминаниями, они словно возвращались из пустыни на знакомую территорию семейного счастья, понимая, что малыши будут всегда рядом и не покинут их.

* * *

Шепард прислушивался к знакомому звону чашек, которые мыла на кухне Карен, уборщица. Это не входило в ее обязанности, но Шеп уже устал извиняться перед ней за своих коллег. Он мрачно поглядел в собственную чашку. Кофе давно остыл, но детективу совершенно не хотелось мешаться под ногами у Карен ради свежей порции. Они работали молча. Даже приветствия были молчаливыми: оба ограничивались вежливым кивком. Карен не осуждала Кристофера, который надолго задерживался в офисе, когда его коллеги уже давно ушли. Только сейчас, без посторонних глаз, детектив вытащил из нижнего ящика стола увесистую папку с кипой бумаг внутри. Кристофер знал, что пора успокоиться и забыть про это дело — со

времени оглашения вердикта минуло шесть недель, жизнь шла своим чередом, — но загадка Лейлы Саид никак не отпускала разум детектива.

Он разное повидал за время службы, но вердикт «невиновна» в отношении Лейлы Саид потряс его до глубины души. Присяжные обычно ненавидели детоубийц. Особенно женщин. Особенно таких женщин, как Лейла, — успешных, умных, профессиональных. Время от времени и самому Кристоферу хотелось дать ей совет: нельзя сидеть с такой идеальной осанкой, нельзя так уверенно поправлять волосы! Нельзя вести себя так спокойно и сдержанно, зарыдай хоть раз, покажи, что ты горюешь! Но оказалось, что все это не имело значения: присяжные в любом случае освободили ее.

Шеп пригубил кофе и поморщился, когда холодная жижа стекла по пищеводу. Откинувшись в кресле, он внимательно посмотрел на папку. «Положи ее обратно в шкафчик. Закрой на замок и забудь», — шептал внутренний голос. Но детектив расслабился в теплом коконе, который окружал его: пустой офис, шебуршание Карен в дальнем конце помещения, приглушенный свет от уличных фонарей и настольной лампы. Он поглядел на открытку на стене: одинокий пастух в поле, давний подарок бывшей девушки. На обороте она написала сентиментальный текст, который он не мог вспомнить. Дотянувшись до открытки, Шепард поднес ее к глазам и перевернул: «Когда я одна, приведи меня домой». В тот день, когда она вручила ему эту открытку, он, помнится, закатил глаза и вздохнул, но теперь на Кристофера накатили теплые воспоминания. Все могло бы сложиться иначе: они поженились бы, завели детей, он забирал бы дочерей с музыкальных занятий или пацанов с футбольного матча, буквально приводя их домой. Интересно, в сорок пять уже поздно заводить семью?

Детектив взглянул на часы. Часовая стрелка переползла через восьмерку. Вздохнув, он углубился в изучение содержимого папки. Крис вновь пересмотрел расшифровки интервью, пытаясь найти отмычку, которая поможет раскрыть тайну. Перечитал медицинское заключение. Прометазин. Единственное лекарственное средство, обнаруженное в крови Макса. Ему нашлось невинное объяснение: родители боролись с приступами аллергии. Шепард просмотрел статьи в интернете, а потом, раздраженный неудобоваримым медицинским

жаргоном, набрал номер патологоанатома, который проводил вскрытие ребенка.

— Бо на проводе, — ответил тот веселым голосом, будто его застали врасплох посреди недорассказанного анекдота.

— Бо, привет, это детектив Шепард из столичной службы. Простите, что так поздно звоню. У меня маленький вопрос, на который вы точно сможете мне ответить.

Бо довольно хрюкнул:

— У нас тут восемь вечера — это даже не начало рабочего дня, детектив! Чем могу помочь?

— Я вот пересматриваю заключение по делу Макса Андерсона. Прометазин — это же успокоительное, насколько я знаю. Нормально, что отец дал Максy прометазин с утра перед занятиями?

— В принципе, да. Если у ребенка приступы бывают с утра, имеет смысл бороться с ними таким способом.

Шепард почесал локоть сквозь рубашку.

— По разве ребенок не будет сонным?

— Да, но если выбирать между орущим ребенком и спящим ребенком, родители, как правило, предпочтут второе.

Шепард отметил это про себя.

— А вы уверены, что аллергия не представляла опасность для жизни?

Бо на секунду замолчал.

— Что вы там придумали, детектив? По-вашему, мы что-то упустили?

— Нет, — твердо ответил Шеп. — Я так вовсе не думаю. Но что-то в этом деле не дает мне покоя, и я никак не могу докопаться до причины.

Врач ответил дружеским советом:

— Поймите, его убила не аллергия. И не прометазин. Мальчик погиб, потому что его бросили в машине на солнцепеке. Послушайте меня: идите-ка домой, выпейте пива и забудьте про Макса.

Шеп вздохнул.

— Ладно, так и сделаю. Спасибо.

Он попрощался с патологоанатомом, но вместо того, чтобы последовать его совету, отправился на кухню за свежей порцией кофе и приготовился к долгой ночи.

* * *

Роберт Гарднер подошел к столу Лейлы и задумчиво поднял пресс-папье в виде фигурки богини Гестии^[4], давний подарок Уилла. «Подходящий талисман для архитектора», — сказал тогда Роберт партнерше.

— Что ж, это были интересные полгода, — заметил он теперь.

— О да, — согласилась Лейла.

— Вы с Уиллом снова вместе?

— Зачем ты спрашиваешь?

— Потому что он чертов мудака.

Лейла с упреком покосилась на бизнес-партнера:

— Вряд ли тебя это касается, но да, мы вроде как вместе. Работаем над отношениями.

Роберт застонал:

— Значит, мне придется с ним встречаться на вечеринке банка «Мерсерз»?

— Вообще-то я не уверена, что мне стоит идти.

Гарднер театрально прищурился.

— Лейла, мы выиграли самый большой заказ в истории нашей компании, а ты не хочешь отпраздновать?

— Ну, скажем, после моего «отпуска» я не уверена, что ты хотел бы меня там видеть.

— Да ладно тебе. До сих пор куксишься? — Гарднер аккуратно поставил фигурку. — Перестань, это было исключительно экономическое решение.

— Понимаю. Я просто... не уверена, что готова выходить в люди.

— Почему? Ты не сделала ничего преступного.

Лейла поежилась.

— Сделала, Роберт, сделала. Меня просто посчитали невиновной.

— Ты же понимаешь, что я имею в виду, — ответил он, щелкнув пальцами. — Ты не уголовница, и нам важно показать это публике.

Она тяжело вздохнула.

— Ну так что, — упрямо продолжил Роберт, — я увижу твоего мудака-супруга на меропрятии?

Лейла улыбнулась:

— Нет. Лучше приглашу сестру. Будет славно провести время вдвоем.

— Превосходно, превосходно, — заключил Гарднер. — Это будет твердым политическим заявлением: между вами нет никаких проблем.

— Господи, какой ты циничный! Я же не поэтому хочу позвать Ясмин.

Роберт прикрыл рот кончиками пальцев, показывая, что умеет держать секреты.

— Хорошо, я отъеду пока. Увидимся в пятницу на вечеринке.

Лейла поглядела ему вслед, а потом, откинувшись на стуле, позволила себе расслабиться на пару минут. Предыдущие шесть недель были тяжелыми, но дела, кажется, наконец налаживались. Лейла больше не ловила на себе тяжелые взгляды сотрудников, приходя в офис. Она могла идти по улице, не думая о том, что все вокруг знают о ее вине. Несчастье с Максом навсегда останется на ее совести, но Лейла обнаружила, что можно и сейчас найти моменты спокойствия и даже радости. Эндрю и Ясмин потихоньку очухивались от потрясения, Лейла с Уиллом пытались построить семейную жизнь заново, а компания «Саид и Гарднер» процветала. Наверное, через некоторое время они все придут в себя. Лейла сняла пиджак и повесила на спинку стула. Пора приступать к работе.

В дверь постучали, и Лейла увидела незнакомую женщину. Она была кричаще красива, но одета с художественной неряшливостью. Особенно выделялись высокие ботинки фирмы «Доктор Мартенс».

— Кэти Бороу, — представилась посетительница, войдя без приглашения. — Прошу прощения, что врываюсь, но вы не отвечаете на мои письма, и я решила, что стоит объяснить мои намерения при личной встрече.

— Чем могу быть полезна?

— Я редактор журнала «Визор». Мы работаем над специальным выпуском о материнстве, и я хотела поинтересоваться, не хотите ли вы написать для нас что-нибудь.

Лейла встала из-за стола:

— Нет, спасибо.

Женщина подняла руки в оборонительном жесте.

— Прошу вас, выслушайте меня, Лейла. Нам нужна осязаемая картина всех сторон материнства. Вы прошли через столько сложных

моментов: опекунство над младшей сестрой, бесплодие, попытка усыновления, присмотр за племянником. Вы столько можете добавить к нашей дискуссии!

Лейла проигнорировала тираду.

— Сьюки! — крикнула она, но ассистентки не было на месте.

— Ну же, Лейла, женщины должны услышать вашу историю.

— Нет, — закипая, ответила та. — Покиньте мой кабинет, пожалуйста. — Она положила руку на спину посетительницы и твердо подтолкнула ее в сторону двери.

— Если женщины смогут...

— И будьте любезны больше не беспокоить меня, — перебила Лейла, захлопывая дверь перед носом посетительницы, и дождалась звука ее шагов. Несколько раз встряхнув руками, чтобы справиться с нервами, Лейла приказала себе успокоиться и налила немного виски. Внимание по-прежнему ее пугало. Как будто из полотна ткани выбивалась ниточка, потянув за которую журналисты могли пустить на ветер всю ее жизнь.

Телефон пискнул, пришло сообщение: «Еще раз простите за вторжение. Мы можем встретиться и поговорить? Кэти». Лейла тут же внесла номер абонента в черный список и швырнула телефон на стол, чувствуя неутраченную панику. Надо заняться уборкой, это всегда помогает. Лейла собрала раскиданные в беспорядке бумаги в одну высокую стопку и стала разбирать документы. Потом она вымела пыль из ящичков стола, крикнув при воспоминании, что надо наконец вернуть запасной ключ Сьюки. Протерла экран и клавиатуру, а затем перешла к электронным завалам. Сначала Лейла уничтожила содержимое мусорной корзины, потом просмотрела письма в рабочем почтовом ящике, удалив все неактуальные сообщения. После она почистила свои заметки. Удаление целых папок с компьютера напоминало катарсическое искупительное очищение. Сначала она удалила все материалы по усыновлению с сайтами приютов и агентств. Потом уничтожила папку «Криминал» с выписками из Уголовного кодекса, письмами от Клары и статьями по теме «Что делать, если вас обвиняют в убийстве». Наконец Лейла добралась до каталога, озаглавленного «БЭ», где были собраны статьи и рекомендации, касающиеся болезни Тоби: адреса благотворительных фондов и медицинских сайтов, длинные списки симптомов и способов лечения.

С облегчением Лейла выделила иконку и нажала на «Удалить». Они уже хлебнули горя, и оставалось надеяться, что впереди их семью ожидает только хорошее.

* * *

Ясмин с недовольством наблюдала, как муж роется в их почте. Он уже привык вскрывать письма, адресованные жене. После смерти Макса Ясмин потеряла интерес к корреспонденции и складывала ее в большую кучу посреди коридора.

Эндрю, которому надоело уговаривать супругу разобраться с письмами, стал просматривать их сам. По какой-то причине он продолжал этим заниматься и сейчас. «Надо попросить его прекратить». — подумал Ясмин.

Просмотрев одно из посланий, муж нахмурился, а затем скомкал листок и выбросил в корзину.

— Что там было? — спросила Ясмин.

— Ерунда какая-то, — с отсутствующим видом ответил супруг. Услышав стук в дверь, он забросил почту и вышел из кухни.

Ясмин подошла к мусорному ведру и нашла смятый бумажный лист. Это было письмо из издательства с предложением написать книгу про ее трагедию. Разве за подобные вещи не платят миллионы? Она аккуратно свернула листок. Эндрю не стоило отказываться от таких предложений, не посоветовавшись с ней. Сунув письмо в карман, Ясмин услышала из коридора знакомый голос, и желудок моментально скрутило спазмом. Она поспешно вышла в коридор.

— Детектив Шепард! Что-то случилось?

Гость улыбнулся, но на его небритой физиономии улыбка больше походила на гримасу.

— Нет, ничего. — Слова, однако, прозвучали угрожающе. — Просто визит вежливости. Хотел удостовериться, что у вас все в порядке.

— Ах, ну хорошо, — ответила Ясмин и указала рукой в сторону кухни: — Чаю не хотите?

— С радостью соглашусь. — Детектив радостно потер руки, как азартный игрок в ожидании результатов ставки.

— Два кусочка сахара и немного молока, я правильно запомнила?

Шепард кивнул, впечатленный ее феноменальной памятью.

— Ничего себе, у вас хватка.

— Я делаю много чая, — ехидно ответила Ясмин. — Это основная часть моих служебных обязанностей.

— Вот как. — На мгновение он растерялся. — Вы снова вышли на работу?

Ясмин указала детективу на стул возле стола.

— Да, вернулась на прошлой неделе. Для меня приберегли место.

— Понимаю.

Она заметила, что Шепард рассматривает интерьер.

— Мы почистили дом, — признала Ясмин. — Было слишком тяжело повсюду наткаться на детские вещи. — Поплотнее запахнув кардиган, она уставилась на закипающий чайник.

— Прекрасно понимаю, — ответил Кристофер, с благодарностью принимая из ее рук чашку.

К ним присоединился Эндрю.

— Мы не ждали вашего визита.

Ясмин не могла не отметить про себя холодный тон супруга.

— Ох, да, простите, что так ворвался. Хотел удостовериться, что у вас не осталось никаких вопросов по поводу произошедшего.

Ясмин задумчиво положила руки на стол.

— У меня нет. — Она взглянула на мужа: — А у тебя?

— Нет, — поспешно ответил он.

Ясмин заметила, как Эндрю внимательно рассматривает Шепарда.

— Мне жаль, что вас постигло такое несчастье. Я много раз работал с родителями, которые потеряли детей, и все переживают утрату с большим трудом. — Он задумчиво сделал глоток, но было что-то наигранное в его действиях. — Максимум ведь было три, я правильно помню? — Шепард тепло улыбнулся, словно от приятных воспоминаний.

— Да, три, — кивнула Ясмин.

— Трудный возраст. — Детектив сделал еще один глоток. — Замечали перемены в нем? Сложности в поведении?

Ясмин нахмурилась.

— Да вроде нет.

— Я интересуюсь, поскольку вспомнил, как ваша няня говорила, что Макс стал раздражительным в последние пару месяцев.

Ясмин махнула рукой.

— Ну разве что перестал вовремя ложиться спать, и только. — Она поглядела на Эндрю: — Помнишь, ты один раз даже вышел из себя.

Эндрю по-прежнему рассматривал Шепарда.

— Но у вас же нет детей, правда, детектив?

Тот почесал небритый подбородок.

— К сожалению, так.

— Когда вы сказали про трудный возраст, я решил, что вы судите по собственному опыту.

Ясмин под столом положила руку на колено Эндрю. Она не понимала, почему муж встретил гостя в штыки.

— Да нет, я постоянно про это слышу, — признался Кристофер. Перегнувшись через стол, он продолжил: — Значит, вам пришлось справиться с ночным буйством сына. А почему, как вы думаете, он стал раздражительным? Может, из-за аллергии?

Двое мужчин не сводили друг с друга глаз.

— Честно говоря, детектив, мы пытаемся залатать свою жизнь, и мне не очень хочется снова обсуждать смерть сына, особенно в столь странной обстановке и в субботу утром.

Ясмин напряглась. Обычно Эндрю вел себя гораздо вежливее.

— Простите. Не хотел бередить ваши раны, — пробормотал Шеп.

— Ничего страшного, детектив. — Эндрю прокашлялся. — Просто напоминать о сложностях в поведении сына, особенно в тот момент, когда мы не готовы к такому разговору, это... — замешкавшись, он встал из-за стола и похлопал себя по карманам. — Что ж, допивайте чай, а я займусь делами. Мы с Ясмин собирались пойти прогуляться.

Ясмин вежливо улыбнулась, прикрывая ложь супруга.

— Спасибо, что зашли, детектив.

Кристофер осушил кружку.

— Спасибо, что приняли, и еще раз прошу прощения за неожиданный визит. — Он проследовал за Эндрю в коридор.

Ясмин слышала, как мужчины разговаривают, но не могла разобрать слов. Шепард умолк, стоило ей выйти к ним, поднял руку на прощание и вышел на улицу. Эндрю закрыл дверь и тяжело прислонился к двери с закрытыми глазами, не замечая, что жена смотрит на него.

— Все в порядке? — спросила Ясмин.

Эндрю резко открыл глаза.

— Да, все хорошо. — Его слегка потряхивало от стресса. — Но лучше бы детектив предупредил о визите заранее.

— Почему ты так себя вел?

— Как именно? — рассеянно спросил муж.

— Я чего-то не знаю? — задала Ясмин новый вопрос.

— Нет.

— Тогда это что такое? — Она вытащила из кармана письмо из издательства.

Эндрю непонимающе смотрел на листок кремового цвета.

— Ты о чем?

— Нам предлагают издать книгу! Разве не надо обсудить это вместе?

Он серьезно поглядел на жену:

— Ты ведь сейчас шутишь.

— А почему нет-то? Сейчас куча людей этим занимается.

— Ты серьезно хочешь написать книгу о смерти сына?!

— Нет, но... — Ясмин пожала плечами. — Родители Мэдди Макканн^[5] написали.

На лице у Эндрю было написано оскорбление.

— И ты хочешь стать такой, как они, да? — Он подошел ближе. — Дорогая, лучше нам уже пережить этот этап. Да с чего нам вообще писать книгу? Давай смотреть вперед. Мы можем поехать по Транссибу, как всегда мечтали, есть в мишленовских ресторанах, сходить на «Формулу-1» в Монако. Хватит заикливаться на прошлом. — Он сжал жену в объятиях. — Согласна?

Ясмин положила голову Эндрю на грудь.

— Согласна, — ответила она, удивившись, почему его сердце бьется с такой бешеной скоростью.

* * *

Лейла смотрела в окно. Там, на фоне блестящих небоскребов, неторопливо текла Темза. Насколько Лейла настаивала на корпоративной культуре сохранения баланса между рабочей и личной жизнью, настолько же она любила приезжать в офис по субботам, когда весь Лондон погружается в летаргическое состояние, замирая после суетливой рабочей недели. Сегодня она надела джинсы и

джерси, а в кабинете и вовсе разулась и сидела, разминая большим пальцем одной ноги болезненное место на стопе второй.

Попутно она наблюдала за фигурами на набережной. Все шло гораздо медленнее, чем принято ходить во время рабочей недели. Не видно было белых рубашек и пиджаков в очереди к кофейному ларьку. Ее внимание привлекло неожиданное движение под окнами: спешащий человек; видимо, кто-то не успевает доделать проект в срок. Приглядевшись, она заметила знакомые черты. Лейла прищурилась, не веря глазам, а потом похолодела от ужаса. Вот гость перешел дорогу, даже не поглядев по сторонам, вот юркнул в ее здание. Вскоре зазвонил телефон. Терри из приемной сообщил, что к ней посетитель.

— Впусти его, — велела Лейла. Надев туфли, она начала нервно расхаживать по кабинету. Зачем он явился? Как бы то ни было, ничего хорошего его визит не несет. Вскоре гость появился из лифта. В нетерпении Лейла покинула кабинет и пошла ему навстречу.

— Что ты тут делаешь? — зашипела она.

— Они всё знают, — с нотками паники сообщил мужчина.

Лейла напряглась.

— Эндрю, для начала успокойся. — Она затащила зятя к себе в кабинет.

Он подошел к окну и осмотрелся вокруг, будто в поисках наблюдения. Длинный брезентовый плащ придавал ему вид нищего рыбака.

— Они всё знают, Лейла. Или он все знает.

— Кто?

— Детектив Шепард. Он приезжал к нам сегодня утром.

Лейла ощутила кислый привкус во рту.

— Сядь, — скомандовала она.

Эндрю закрыл лицо руками. Он пребывал на грани истерики.

— Господи, как они узнали? — простонал он.

— Да ради бога, мать твою, Эндрю, успокойся! — Лейла указала на стул. — Сядь, говорю! — Она села рядом с ним, взяла его за руки и посмотрела в глаза: — Выкладывай, что он тебе сказал.

Судорожно втянув воздух, Эндрю высвободил руки и пересказал содержание утренней беседы. Все это время он вздрагивал от каждого шороха: жужжания пчелы у окна, рычания включившегося

холодильника. Закончив, он так шумно вдохнул, будто вынырнул с глубины.

Лейла непонимающе уставилась на собеседника:

— И это все?

— Что ты имеешь в виду? Он спрашивал про Макса, про то, почему он в последний месяц плохо себя вел, почему плохо засыпал по ночам, была ли у него на самом деле аллергия. Он знает, Лейла. Он знает, что у Макса был БЭ.

— Эндрю, тебе надо успокоиться.

— А вдруг он пронюхает, что мы всё спланировали? — Он прижал руки к вискам, будто опасаясь, что вены взорвутся.

— Он ничего не знает, — возразила Лейла.

— Она бы не пережила такой кошмар еще раз, — всхлипнул Эндрю. — Это было невыносимо, господи. Столько часов бинтов, слез, истерик! Ты слышала, как Тоби орал? «Я ненавижу тебя, мама, я ненавижу тебя!» А Ясмин без конца терпела. Но сломалась бы, если бы все повторилось с Максом. Мы оба сломались бы.

— Знаю, — успокаивала его Лейла, — знаю. — Она наклонилась к нему: — Слушай, тебя некому винить, понял? Не ты это совершил.

— Я это придумал.

— Но сделала я. Я оставила Макса в машине.

Эндрю непокорно покачал головой:

— Я дал ему снотворное. Поэтому он спал.

Лейла почувствовала, что у нее заканчивается терпение.

— А я оставила бедного ребенка умирать. Ребенка, которого любила больше жизни. — Голос у нее стал чужим, хриплым. — Я посмотрела на него и ушла оттуда ко всем чертям. Я, именно я закрыла дверцу и ушла, и ты понятия не имеешь, насколько мне было тяжело, так что заткнись со своими причитаниями.

Эндрю взглянул на нее полными слез глазами.

— Я думал, все кончено, Лейла.

Она захохотала. Сейчас она ненавидела Эндрю за то, во что он ее втянул.

— Ты думаешь, это когда-то закончится, дорогой? Ты думаешь, мы просто успокоимся и продолжим жить, как жили? Эндрю, мы ребенка убили!

— Из сострадания! — воскликнул он. — И любви.

— И что? Ну ладно, из любви и сострадания. Какая разница, черт тебя побери? — Лейла даже не подозревала, сколько злобы в ней накопилось. Все эти месяцы она сдерживала негодование, не позволяла взрывному коктейлю закипеть, не отпускала вожжи. — Это ничего не меняет. — В голосе Лейлы слышался металл.

— Да конечно меняет! — Эндрю захлопал ресницами, сдерживая слезы. — Ты помнишь, как вы глядели руки у Тоби? Помнишь, как он кричал, когда я распрямлял ему пальцы, чтобы не слиплись? Помнишь, через что мы прошли? Нельзя было допустить, чтобы с Максом случилось то же самое. А так мой мальчик умер без боли.

Внутри Лейлы проснулся стыд. Легко было винить Эндрю за то, что он придумал страшный план, но в глубине души она и сама знала: второго ребенка с такой болезнью Ясмин бы не осилила.

— И что нам теперь делать? — спросил Эндрю.

Он выглядел совершенно потерянным, и Лейла ощутила, что почва уходит у нее из-под ног.

— Тебе нельзя здесь находиться, — сказала она. — Вдруг тебя кто-нибудь увидит? Ты уже засветился на всех камерах.

— Мне надо было поговорить с тобой. Ты не отвечала на звонки.

Лейла постаралась сдержаться и не накричать на него.

— Послушай, забудь о детективе. Меня оправдали, а вам с Ясмин надо двигаться дальше. — Эндрю открыл было рот, но она оборвала его: — А если Шепард и вовсе зашел просто так?

— А если нет?

— Тогда я возьму все на себя, — решила Лейла.

Эндрю отчаянно замотал головой:

— Я тебе не позволю!

— Но ты уже позволил.

Он отстранился, пораженный тяжестью ответа.

— Так нечестно. Ты же знаешь, что я планировал все сделать сам.

Лейла резко откинулась на стуле.

— Извини, — сказала она, все еще сохраняя холодный тон. Встав, она подошла к шкафчику в углу и плеснула виски в два бокала. — Мы договорились, что больше никогда ни при каких обстоятельствах не станем это обсуждать. А теперь ты вламываешься ко мне на работу посреди бела дня, трясясь от паранойи.

— Это ты договорилась молчать. Я не давал согласия.

Лейла чуть не выплеснула ему в лицо содержимое стакана.

— И что ты предлагаешь делать, Эндрю? Снова пережевывать наш поступок? Убеждать друг друга в том, что мы не такие уж плохие люди? Что мы поступили благородно? — Она тяжело выдохнула. — Я не могу такого тебе сказать.

В голосе Эндрю была мольба.

— Ты единственный человек, с которым я могу об этом поговорить.

— А о чем тут говорить? — с презрением бросила Лейла.

— Ты не видела всего ужаса. Знаю, ты думаешь, что видела, но нет. — Он поджал губы. — Когда ему исполнилось три, у нас на улице была вечеринка в честь Хеллоуина. Тоби пошел туда в костюме мумии: мы замотали его бинтами с ног до головы. Через час раны открылись, кровь стала просачиваться сквозь бинты, и несколько человек, которые не знали о его болезни, подходили к нам и восхищались, насколько реалистичный костюм мы сделали, а мы с Ясмин... мы вежливо улыбались, потому что нельзя было плакать. — Голос у Эндрю дрожал. — Макс умер без боли. Он заснул навсегда, укрытый любимым одеяльцем, со своим плюшевым пингвином под боком. Вот что мы ему дали. Вот что дала ему ты, и я не могу не говорить об этом, потому что никто не совершал ради моей семьи более смелого и самоотверженного поступка.

Лейла опустила плечи от осознания тяжести содеянного. По воле судьбы они с Эндрю одновременно заметили неладное: язвочку размером с ноготок на правом плече Макса. Малыш как раз раздевался, чтобы окунуться в бассейн в гостях у Лейлы. Ясмин нарезала салат на кухне, отвлекаясь лишь для того, чтобы отхлебнуть любимого белого вина. Лейла сидела под пляжным зонтиком и видела, что Эндрю тоже заметил ранку. Они встретились взглядами и тут же поняли, о чем оба думают: «Не может быть!» Макса проверяли до и после рождения, и все анализы, хвала небесам, показали отрицательный результат.

Эндрю ринулся к сыну и потащил его в дом, обещая угостить мороженым. Лейла поспешила к Ясмин, чтобы отвлечь ее пустой беседой. У ребенка просто сыпь. Как иначе.

— Что смотришь на «Нетфликсе»? — спросила Лейла первое, что пришло в голову.

Сестра целых десять минут описывала ей новый комедийный сериал с Анной Кендрик в главной роли: Ясмин не нравились мрачные фильмы про живодеров или похищенных подростков. Все десять минут у Лейлы бешено стучало сердце. Это просто сыпь. Господи, пускай это будет просто сыпь. Казалось, прошла целая жизнь, прежде чем Эндрю вернулся, перебросив хихикающего сынишку через плечо. Он подмигнул Лейле, и та смогла вздохнуть с облегчением.

Прошел месяц, и однажды Эндрю объявился у нее на пороге, дерганый, будто наркоман.

— Что случилось? — спросила Лейла, испугавшись вида зятя.

Он молча сел на ступеньку лестницы, будто у него отказали ноги.

Лейла испытующе оглядела Эндрю.

— Что-то с Ясмин?

Он затравленно посмотрел на нее, точно избитый пес.

— Нет. С Максом.

У нее перехватило дыхание.

— В чем дело? — Если что-то случится с Максом, Ясмин этого не переживет.

— У него тоже та болезнь, Лейла. У него БЭ.

Что-то будто сломалось в воздухе, и реальность треснула пополам.

— Нет, — прошептала Лейла.

— Да. — Эндрю быстро заговорил, словно стараясь перегнать собственный ужас: — Язвы у него появляются по ночам. Я пытаюсь скрывать это от Ясмин, сам купаю и одеваю утром, но прятаться вечно не получится.

Стены вокруг будто поплыли.

— Не может быть. Ясмин делала анализы. Врачи сказали, ребенок чист. Это не эпидермолиз. Он проявился бы при рождении, — бормотала она, не соглашаясь с ужасным фактом.

Эндрю сжал кулаки, будто вытягивая корабельный канат.

— Про БЭ очень многое неизвестно. Это подлая штука, очень подлая.

Лейла перебирала в голове возможные объяснения.

— А что сказал врач?

— Врач? — Эндрю уставился на нее. — Я не показывал Макса врачу.

— Тогда откуда ты знаешь?! — взорвалась она.

— Потому что знаю! — заорал Эндрю в ответ. — Я провел с Тоби три года. Я знаю, как выглядит эрозия. Она даже пахнет по-особому, и Макс... он пахнет так же.

— Эндрю, нужно сделать анализы.

— И что дальше?

— А дальше мы... — Лейла отлично понимала, что дальше. Годы агонии.

Эндрю поглядел на нее и попытался объяснить мысли, которые крутились у него в голове:

— Лейла, ты видела только часть мучений, меньшую часть. Да, ты наблюдала повязки и крики. Но ты не была в родильном отделении, когда мы держали нашего новорожденного ребенка и его кожа оставалась у нас на руках. Ты не была там, когда врач отдал нам папку с диагностикой и сказала: «Лучше даже не смотрите», потому что содержание было слишком пугающим. — Он бессильно взмахнул рукой. — Знаешь, когда у Тоби воспалились слезные протоки, он ослеп на несколько дней. Ему было жутко страшно. Потом у него начало зарастать горло, и нам сказали, что придется вставлять чертову трубку. И даже если бы он все это выдержал, впереди его ждал рак кожи, никаких вариантов. Мы жили в оцепенении от ужаса и держались только потому, что все это происходило без перерыва. У нас просто не было времени остановиться и подумать. — Эндрю вновь поглядел на Лейлу, будто ища у нее заступничества. — Во второй раз я не вынесу. И Ясмин не вынесет.

— Хорошо, и что ты предлагаешь? Мы не сможем скрыть от нее болезнь сына.

Эндрю помолчал.

— Я нашел клинику в Голландии.

— Что за клинику? — с опаской спросила Лейла.

— Они провели эвтаназию двух детей с БЭ.

Лейла моргнула, парализованная нелепым ответом зятя. Наконец разум закончил логическую цепочку, и Лейла поняла намерение Эндрю. Она отпрянула от него, захрипев. Открыв было рот, чтобы закричать на него, Лейла тем не менее сумела сдержаться.

— Ты хочешь... — Она не смогла заставить себя закончить фразу.

Эндрю энергично замотал головой:

— Я уже прочитал условия: клиника не работает с иностранными гражданами.

Лейла выдохнула.

— Но есть другой выход.

Она снова посмотрела на Эндрю:

— Какой еще выход?

— Я прочитал недавно статью про мужчину во Флориде, который случайно оставил ребенка в машине.

Лейла почувствовала неприятный холодок внутри.

— Эндрю, что ты мелешь? Только не говори мне, что ты всерьез думаешь про это.

— Я уже все спланировал.

Лейла присела перед зятем на корточки, напряженно глядя ему в глаза.

— Эндрю, надо обратиться к доктору. Сделать анализы. Препараты улучшаются с каждым годом, мы его вылечим.

— Ты знаешь, что БЭ не лечится.

— Но должны же быть какие-то подвижки.

— Можно сохранить жизнь, да, но не избавиться от мучений.

— Ты не знаешь наверняка.

— Я знаю достаточно! — рявкнул Эндрю. — И волнуюсь не за себя. Я переживу, смогу ухаживать за ребенком часы, дни, годы. Но Ясмин не выдержит его агонии. Только не с Максом. Когда появился Тоби, она не знала ничего другого, мальчик всегда был болен, но Макс... Это ее убьет.

Лейла села на пол, чувствуя, как закружилась голова.

— Эндрю, то, что ты предлагаешь, называется убийством.

— Это милосердие.

Лейла сжала кулаки. Ногти оставили глубокие белые борозды на ладонях.

— Немедленно прекрати такое говорить.

На лице у Эндрю была нечитаемая смесь эмоций.

— Знаешь, даже странно, что мы так сентиментально относимся к человеческой жизни. Мы отстреливаем оленей, если они слишком быстро размножаются, но совершенно не можем представить подобной участи для самих себя. Даже в качестве акта милосердия. Мы так яростно хватаемся за неприкосновенность человеческой

жизни, что доходим до вершин антигуманности. Если бы животное страдало так, как страдал Тоби — и как будет страдать Макс, — мы немедленно прекратили бы его печальное существование. Однако людям отказываем в подобной роскоши.

— Эндрю, подумай сам, о чем ты говоришь.

— Я думал, Лейла. Только об этом и думаю.

— И сколько ты уже об этом думаешь?

Он судорожно сглотнул.

— Две недели.

— Две недели?! Две недели ты ходишь и думаешь о том, как убить собственного сына?

Эндрю нахмурился:

— Не говори так.

— А как мне еще говорить?! — Голос у Лейлы задрожал. — Эндрю, это безумие!

— Я все тщательно продумал.

— Прекрати. Мы отвезем Макса к врачу. Сделаем анализы. Определим следующие шаги.

— Это убьет Ясмин. Ты знаешь, что болезнь Макса ее убьет.

Перед глазами Лейлы живо встали воспоминания: вот она бежит по больничному коридору в поисках Ясмин; сестра лежит в кровати с мертвенно-синими губами. А вдруг на этот раз они не успеют ее спасти?

— Эндрю, если ты так думаешь, если хоть допускаешь такое, по моему, тебе пора обратиться к врачу. — Она положила зятю руку на плечо: — Возможно, тебе...

Эндрю резким движением сбросил ее руку и оскалился:

— Нет, Лейла! Врачи мне не помогут. И Максу врачи не помогут. Я не допущу, чтобы моя семья опять прошла через такой кошмар. Я это сделаю. Если хочешь, вызывай копов, но я это сделаю. — Он показал рукой куда-то за окно. — У него язвы как от ожогов третьей степени. У моего сына прямо на коже. Появляются каждый день. Как нам жить с этим? — Голос у него сорвался.

Лейле пришло на ум еще одно воспоминание, более раннее: Ясмин плачет на полу в кухне, Тоби кричит на втором этаже. «Иногда я хочу, чтобы он наконец умер». Она ощутила прилив адреналина в крови.

— Эндрю, скажи, ты правда всерьез думаешь это сделать?

— Я не вижу другого выхода, — просипел тот.

— Не уходи от ответа.

Он сцепил пальцы.

— Я читал о таких случаях. Они происходят в случае внезапного сбоя в привычном расписании: папа отвозит ребенка в детский сад вместо мамы или один из родителей почему-то меняет маршрут. За такое почти никогда не наказывают.

— Ты не сможешь, Эндрю. Отступишь в последний момент. Ты не бросишь Макса.

— Я могу дать ему снотворное. Прометазин его отключит. На него легко получить рецепт: достаточно сказать, что у ребенка аллергия.

— Ясмин тебя возненавидит.

— Она меня простит. Когда-нибудь.

— Не простит, — возразила Лейла. — Просто не сможет. — Она замолкла, подавленная чудовищностью идеи, появившейся в голове. Потом Лейла медленно подняла глаза на собеседника: — Это должен сделать не ты.

Вот так все и началось.

Глава 17

Постель Лейлы была завалена платьями: бордовое от Александра Маккуина с дерзким вырезом, белая туника в пол с асимметричным воротником, неуместная безделица из красной тафты. Ясмин остановила свой выбор на канареечном мини, которое идеально подчеркивало ее фигурку. Она внимательно оглядела себя в зеркале и сверкнула широкой улыбкой:

— Мне нравится.

— Выглядишь сногшибательно, — согласилась Лейла.

Они встретились взглядами в зеркале.

— Спасибо, что позвала меня. — Ясмин поправила локон. — Я понимаю, что пока нам сложно общаться, но все наладится, Лейла, я уверена. — Она потупилась. — Ты ведь знаешь, что я тебя простила?

Лейла выдавила фальшивую улыбку:

— Знаю.

Однако прощение не имело смысла, поскольку Ясмин не подозревала о том, что случилось на самом деле. Достаточно просто поверить в несчастный случай, смириться с жестоким поворотом судьбы, с неисповедимыми мотивами высшего разума. Но для Лейлы и Эндрю прощение их греха не предусматривалось: они договорились унести общую тайну с собой в могилу.

Ясмин разгладила руками платье и глубоко вдохнула, чтобы справиться с волнением.

— Хорошо, я готова.

Лейла открыла комод и достала миниатюрную сумочку фирмы «Селин»:

— Возьми. Она подходит к этому платью.

Иногда, заказывая дизайнерский аксессуар, Лейла выбирала сразу два в разных цветах, потом одалживала один Ясмин и отказывалась забирать обратно. «Пускай будет у тебя, — отвечала она мягко. — У меня есть еще один». Такими обходными путями она снабжала сестру люксовыми вещами, не задевая ее достоинство.

Ясмин защелкнула сумочку и посмотрела, как та гармонирует с платьем. Лейла присоединилась к ней перед зеркалом. Ей

понравилось, как они выглядят рядом. Сама Лейла выбрала платье цвета морской волны; завышенная талия подчеркивала грудь.

— Ты тоже потрясающе выглядишь, — признала Ясмин.

— Спасибо. — Лейла чмокнула ее в висок, чтобы не испортить макияж. — Все наладится, малыш.

Младшая сестра кивнула. От радости у нее сияли глаза.

— Да. обязательно.

Взявшись за руки, они вышли из комнаты.

* * *

Шеп позвонил в звонок, надеясь, что встречается с этой семьей в последний раз.

Дверь открыл Эндрю. Он упал духом при виде Кристофера, но попытался сохранить лицо.

— Детектив, — кивнул он гостю. — Я гляжу, вы все не можете успокоиться.

Шепард скромно вытер ноги о коврик.

— Можно войти?

Эндрю поиграл желваками и неохотно кивнул:

— Входите.

Кристофер проследовал за ним на кухню, но вместо того, чтобы сесть за стол, оперся о кухонную стойку.

— Ваша жена здесь?

— Нет, она... — Эндрю замялся. — Она на вечеринке с сестрой.

Шепард почувствовал облегчение. То, что он собирался сказать, легче было обсудить наедине с отцом.

— Что же, чем я обязан удовольствию вновь вас лицезреть? — язвительно поинтересовался Эндрю.

— Прошу прощения, что донимаю, — Кристофер сложил ладони в жесте покаяния. — Буду с вами честен. Когда я приезжал в прошлую субботу, то спрашивал про аллергию у Макса, потому что не нашел ни единого доказательства, что она у него была. — Он замялся. — Я подумал, что вы использовали седативное средство, чтобы успокаивать мальчика по ночам.

Эндрю смерил его ледяным взглядом.

— Вы хотите сказать, что я травил собственного сына наркотиками?

— Вы удивитесь, если я расскажу вам о случаях, с которыми сталкивался! Но потом у меня щелкнуло в голове, — он махнул рукой в сторону окна, через которое был виден садик, — и я вспомнил, как вы говорили, что подстригали газон в июне, в тот же месяц, когда у Макса началась аллергия. — Движением головы Шепард указал на шкафчик над кухонной раковиной: — Можно? — Он открыл шкафчик и вытащил большую зеленую бутылку. — Подозреваю, пестициды вы тоже начали использовать в июне?

— Да.

Кристофер изучил этикетку.

— Масло нима^[6] может вызывать аллергические реакции. Когда я сопоставил факты, то понял, что предвзято к вам относился.

Эндрю заморгал.

— Что ж, надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство, детектив.

— Да, вполне. Я еще раз прошу прощения. Эта деталь не давала мне покоя, но, знаете, иногда интуиция и опыт полицейского могут направить по ложному следу.

— Да, но... — Эндрю поглядел на него. — Спасибо вам за заботу.

Шепард видел, что хозяин стремится поскорее его выпроводить. Интересно, подружился бы они, сложились обстоятельства иным образом? Может, проводили бы вместе вечера, с женами или без. Или он перехватил бы стаканчик-другой в баре с Эндрю, вместо того чтобы ползти в пустую квартиру. Он медлил, не спеша уходить.

— Так Лейла и Ясмин устроили себе что-то вроде девичника?

— Да, вроде того, — задумчиво пробормотал Эндрю.

Кристофер потоптался, ожидая, не спросит ли у него что-нибудь Эндрю, но потом молчание стало нелепо затягиваться, поэтому он со вздохом махнул рукой в сторону прихожей.

— В любом случае, если понадобится помощь, вы всегда можете мне позвонить. Номер у вас есть, — он похлопал себя по карману с визитками. — Еще раз примите мои соболезнования, мистер Андерсон.

— Спасибо, — ответил тот, не поднимаясь со стула.

— Я закрою за собой. — Шепард оставил хозяина обдумывать их разговор в пустующем доме, а сам направился на улицу, к машине.

Лейлу радовало, что они забронировали ресторан в центральной части города, в отдалении от ее бюро. Здесь, высоко над набережной

Виктории, можно было видеть все изгибы Темзы до самого горизонта. Город призывно мигал огнями, и Лейлу впервые за много месяцев переполняли надежды на светлое будущее. Приобняв сестру, она представила ее всем своим коллегам, а потом остановилась поболтать с Джоном, долговязым симпатичным канадцем, который точно был во вкусе Ясмин. Подобные вечеринки всегда начинаются с нелепого официоза, и Лейла хотела удостовериться, что сестра будет чувствовать себя комфортно. Наконец она оставила их с Джоном наедине, а сама отправилась на поиски коктейля.

Ее перехватил Роберт.

— Знаешь, Ясмин очаровательна! — воскликнул он. — Теперь понимаю, почему ты ее скрывала от нас столько лет.

Лейла улыбнулась:

— И вовсе я не скрывала. Она постоянно бывает у меня, и ты бы точно ее встретил, если бы почаще появлялся на работе.

Роберт рассмеялся.

— Постараюсь, если она продолжит нас посещать. — Отхлебнув шампанского, он отвел Лейлу за локоток в более тихий угол: — Не хочу грузить тебя делами весь вечер, но Эли из «Мерсерз» обмолвился, что может устроить нам презентацию в банке «Коуттс». Вот увидишь, мы выйдем в дамки уже в этом году. — Он поднял бокал.

Лейла чокнулась с ним своим напитком. Через плечо собеседника она увидела, как Ясмин смеется какой-то шутке Джона, и ощутила удовлетворение. Вот жизнь, какой она должна быть. Они с Робертом строят грандиозные планы для компании; Ясмин опять рядом, счастливая и беспечная; семейная жизнь с Уиллом возвращается в спокойное русло. «Все налаживается, — подумала Лейла. — Все и впрямь налаживается». Внезапно она сделала шаг вперед и чмокнула Гарднера в щеку, огоршив его.

— Давай устроим сегодня выходной, хорошо?

Роберт засмеялся:

— Давай. — Он развернулся и уверенно зашагал к супермодели, с которой сейчас встречался.

Лейла решила дать себе волю — в тех пределах, какие может позволить себе босс, конечно. Она знала свой лимит — четыре бокала; дальше на нее накатывало неприятное липкое опьянение, и она теряла

твердость в ногах. Учитывая выпитое дома, это была уже третья порция. Надо следить за собой.

Лейла покружила по комнате, послеживая за сестрой — не нужно ли Ясмин убежище от толпы мужчин, которые собрались вокруг нее? Похоже, что нет: она наслаждалась вниманием, вернувшись в знакомую стихию мужского обожания. Оставив сестру купаться во взглядах аудитории, Лейла вышла на балкон, переступив через низкую раму окна. Снизу огромная баржа преодолевала арку моста, и Лейла зажмурилась, уверенная, что судно сейчас заденет опоры. Но баржа легко преодолела препятствие. Надо перестать беспокоиться о вещах, на которые не можешь никак повлиять.

— Привет!

Лейла обернулась:

— Привет.

Ясмин перелезла через раму и присоединилась к сестре.

— Как тебе вечеринка? — спросила Лейла.

Ясмин удовлетворенно кивнула, а потом присела на толстые бетонные перила, окружающие балкон.

— Устала?

— Нет, — расслабленно рассмеялась Ясмин. Она явно слегка перебрала.

Лейла села рядом и обняла сестру.

— Я рада, что ты сегодня согласилась прийти.

— Я тоже. — Ясмин обернулась и задумчиво поглядела на Темзу. — Господи, какой странный март намечается.

Лейла крепче сжала объятия. В марте Максиму исполнилось бы четыре.

Ясмин подняла свой бокал с таким усилием, будто это был кузнечный горн. Она посмотрела на уличные огни сквозь стекло.

— Знаешь, я иногда думаю, что заслужила потерю сына. — Ее голос был тихим и необычайно спокойным.

Лейла уставилась на сестру:

— Почему ты такое говоришь?

— Ты думаешь, что я хороший человек, но я плохая. — Она неопределенно махнула рукой, зазвенев браслетами. — Знала бы ты, как я вела себя с Тоби. Как орала на него, умоляя заткнуться, когда он плакал.

Лейла слегка баюкала Ясмин.

— Это нормально, малыш. Я уверена, что каждая мама иногда орет на своего ребенка.

— Не так, как я. Не настолько грубо. — Ясмин сжала ножку своего бокала. — Я плохой человек, Лейла. Я тебе не говорила, но в прошлом году, посреди процесса, я встречалась с Джейсоном.

Лейла скорчила гримасу.

— Тем парнем с работы?

— Ага. Я сама написала ему. Притворилась, что это просто дружеская выпивка, но на самом деле... — она поежилась, будто заранее защищаясь, — планировала с ним переспать.

Лейла отстранилась и смерила сестру взглядом с ног до головы.

— Скажи мне, что ты этого не сделала.

— Нет, но планировала. Мне было очень одиноко и тоскливо.

Лейла начала было говорить, но Ясмин прервала ее:

— Есть еще кое-что. — Она набрала воздуха в грудь, решившись сделать признание. — Несколько лет назад, вскоре после смерти Тоби, я поехала на пикник. Помнишь, ты тоже собиралась, но не поехала.

Лейла виновато кивнула. Летом 2017-го намечалась грандиозная вечеринка в загородном клубе, но в последнюю минуту ей пришлось сесть за работу.

— Я тогда по-прежнему очень погано себя чувствовала, и мне хотелось развеяться. Я слишком много выпила и...

Лейла подозрительно на нее посмотрела.

— Нет, Ясмин, ты не...

Глаза у младшей сестры заблестели от слез.

— Да.

— Господи. Но ты постоянно твердила, что он озабоченный.

— Так и есть.

— Эндрю знает?

— Нет. — Ясмин вспыхнула от стыда. — Я не то чтобы была несчастна с ним. Мы любили друг друга, но все слишком поменялось после смерти Тоби. Мы будто вместе войну прошли. Как можно быть сексуальной с человеком, с которым вместе сидела в окопах? Когда я видела его руки в крови и гное... — Ясмин помолчала. — Мне просто нужна была перезагрузка. Нужно было почувствовать хоть что-то, кроме злобы. Что-то теплое и светлое.

Лейла смирилась с услышанным и философски заметила:

— Слушай, у кучи людей бывают связи на стороне. Это не значит, что ты плохой человек или заслужила такие испытания.

— Да ты не понимаешь! — Ясмин отпрянула от ласкового касания сестры, будто кошка от попытки ее погладить. — Я забеременела.

Порыв ветра с Темзы заставил их вздрогнуть от холода.

Лейла притихла.

— А потом появился Макс.

— Не может быть, — прошептала Лейла, ощущая холодок, поднимающийся из желудка.

Ясмин махнула рукой в сторону реки, будто водный поток мог подтвердить достоверность ее слов.

— Может, — сказала она. — Эндрю не его отец.

Лейла выронила бокал и взвизгнула, когда осколки разлетелись по балкону. Ясмин быстро затараторила, чтобы оправдаться перед сестрой, но та не слышала ни единого слова. Эндрю не отец Макса. Макс не сын Эндрю. Значит, у Макса нет генов Эндрю. У ребенка не могло быть БЭ. Это новое знание вопило в голове, как пожарная сирена, разрывая череп. У Макса не было БЭ. Лейла не заметила, что сказала это вслух.

— Нет, и поэтому я так настаивала на том, чтобы сохранить ребенка. Когда вы с Эндрю уговаривали меня сделать аборт, учитывая, какие высокие шансы на генетическую болезнь, я отказывалась. Это был мой личный проект. Я не планировала такого. Лейла, но забеременела, и ребенок родился здоровым.

— У Макса не было БЭ, — повторила Лейла. — Но... Я...

Ужас душил ее, как огромная змея. Лейла готова была разорваться на части, будто перекачанный воздухом шарик, и боялась еще раз вдохнуть. Она вскочила, оставив на окне отпечаток потной ладони.

— Мне... Мне надо выпить, — буркнула она и перешагнула оконную раму. Через толпу она продралась в безлюдный коридор, миновала первую уборную и направилась к следующей. Запершись в кабинке, Лейла сползла в угол, закусив руками кулак, чтобы не заорать. Макс не болел. У него не было БЭ. Они с Эндрю убили здорового ребенка.

Какое-то время разум и тело Лейлы не принимали этот факт, цепляясь за остатки здравого смысла. Она ощутила, как внутри

открывается черная дыра. Она беззвучно заорала, выдохнув влажный поток воздуха. Не было никакого акта милосердия. Не было никакого самопожертвования. Лейла убила здорового ребенка.

Рыдания сотрясали все ее тело, и Лейла подвывала высоким стакатто. Логическая часть личности, которая сохраняла спокойствие и спасала ее во время тяжелейших кризисов, провалилась в пропасть. Забившись в уголок, Лейла редела от шока и липкого страха. Тесные стенки туалетной кабинки будто расступились, оставив режущий комок плоти без защиты от жестокой правды. Время шло. и сквозь плотный туман скорби Лейла ощутила, что может потерять разум. В конце концов, безумие у нее в крови.

Глава 18

В это туманное субботнее утро в парке Виктория почти не было посетителей. Размытые блики выступали из серой пелены вдаль: блеск спиц проезжающего велосипеда, черные грани винтажных парковых фонарей. Сидя на мокрой скамье, Лейла внимательно вглядывалась в туман. Во влажном воздухе кожа стала холодной и липкой, будто Лейла несколько часов провела в бассейне. Она стянула с головы шерстяной платок, чувствуя разряды электричества. Эндрю попросил ее о встрече в парке, и Лейла боялась, что Ясмин, вернувшись с вечеринки, в приступе откровения рассказала ему всю правду.

Она увидела Эндрю издалека, узнав его по напряженной походке и квадратному подбородку. Когда зять подошел ближе, Лейла заметила темные круги у него под глазами и пепельно-серый оттенок кожи. Во всем его облике произошла разительная, обескураживающая перемена, и Лейла поняла, что он тоже все знает. Она почти заплакала — от бессилия, но и от облегчения, что он разделит с ней тяжкую ношу. Рефлекторно Лейла встала навстречу ему, но Эндрю остановился в нескольких шагах.

Лейла всмотрелась ему в лицо.

— Эндрю?

— Лейла. — Он прикусил дрожащую нижнюю губу, чтоб унять истерику, и ненадолго закрыл глаза, собираясь с мыслями. — Кое-что произошло.

Лейла ничего не ответила. Она не могла дать ему то, в чем Эндрю сейчас нуждался: второй шанс, машину времени.

— Ко мне вчера приезжал детектив Шепард. — Эндрю потер пальцами горло; жест задумчивости, который выглядел так, будто Эндрю собирался придушить сам себя. — Он... он сказал, что дело было в пестициде. Мы обычно используем органический раствор, но Ясмин ошиблась и купила другую бутылку. Я прочитал этикетку. Масло нима, входящее в его состав, может спровоцировать ожоги и язвы. Я не знал. Не мог знать. — В панике он лепетал, как младенец. — Лейла, ты слышишь, что я говорю?

Два кусочка пазла сошлись вместе. Похоже, что именно Шепард — а не Ясмин — открыл им глаза на произошедшее.

— Скорее всего, пестицид и вызвал у Макса ожоги. — Эндрю весь съежился, будто ожидая от Лейлы удара. — Мы делали вид, будто у него аллергия, чтобы скрыть БЭ, но, как оказалось, у него на самом деле была аллергия, которая была похожа на БЭ.

Наблюдая за нервным подергиванием его глаза, Лейла ощутила внезапную животную ненависть к Эндрю за то, что он мог настолько грубо ошибиться. Она твердо помнила, как он произнес: «Она даже пахнет по-особому, и Макс пахнет так же». Именно после этого аргумента она решилась помочь зятю. Решилась хладнокровно спланировать преступление: записанный телефонный звонок; авария на сервере, которую Эндрю тайно запрограммировал; потерявшиеся чертежи, которые Лейла спрятала в собственном сапоге; запасной ключ, который исчез со стола Сьюки для создания идеальной рабочей катастрофы, — все это было спланировано поминутно. Сейчас, обнаружив, что железная уверенность Эндрю на поверку оказалась пустым домыслом, Лейла была опустошена. Но хуже всего, что Эндрю до сих пор не знал всей правды. В отличие от Лейлы, он по-прежнему мог держаться за последний шанс, как за соломинку.

Он начал рассказывать раз и вперед, хрустя тонкой наледью под ботинками.

— Это были такие же язвы, такие же ранки, и Макс с той же яростью их расчесывал. — Эндрю заискивающе поглядел на Лейлу, будто в поисках поддержки.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросила она.

Он замер.

— Потому что... — Эндрю нервно взмахнул рукой, будто все и так было очевидно, а потом выплюнул остаток фразы: — Потому что должен.

— Зачем?

— Мне надо это обсудить.

— Тебе надо, — холодно повторила Лейла.

Он взгляделся в ее черты.

— Лейла, почему ты так себя ведешь?

Жестокое желание выложить Эндрю правду, ударить его наотмашь и уничтожить этой правдой поразило Лейлу. «Это твоя вина! — хотелось ей заорать. — Ты говорил, что уверен. А знаешь, Макс ведь

даже не твой ребенок!» Лейла была готова накинуться на него, замолотить кулаками по груди, опрокинуть наземь, растоптать.

— Лейла?

На кончике языка будто бы собрался чистый яд, который так и тянуло выплюнуть ему в лицо. Лейла открыла уже рот, но замолкла, увидев в лице Эндрю отчаяние, скорбь безутешного родителя. Проглотив свой гнев, Лейла спокойно произнесла:

— Эндрю, этот второразрядный коп с тобой просто играет.

В глазах зятя лихорадочным блеском зажглась надежда.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно. — Она говорила быстро, словно пуская по воде «блинчики» плоским камешком: секунда промедления — и он на дне. — Этот детектив пытается влезть тебе в голову и сбить с толку. Ты говорил, что уверен. Ты говорил, что Макс даже пахнет так же.

Эндрю кивнул.

— Значит, не сомневайся в себе. — Лейла чуть сбавила темп. — Эндрю, иди к Ясмин и окружи ее теплотой и любовью. Вам нужно заново отстроить совместную жизнь. Можете усыновить ребенка, если захотите. Ни ты, ни я не в силах изменить прошлого. Ты принял решение из лучших побуждений. Оно шло от любви. Не позволяй никому подорвать уверенность в этом. — Она прижала руку к груди. — Мы совершили акт милосердия. Тебе необходимо в это верить.

Эндрю закрыл лицо руками и тихо застонал.

— Ты права, — наконец сказал он и шумно вдохнул воздух. — Конечно, ты права. Прости. Черт, я чертовски устал.

Лейла с трудом выдавила из себя снисходительную улыбку.

— Просто держи себя в руках, хорошо?

Он кивнул.

— Верно. Я просто задурил голову сам себе.

— Все хорошо, Эндрю. Все закончилось, теперь настало время смотреть вперед. — Лейла показала рукой в туман: — Возвращайся к Ясмин.

— Спасибо. — Он подошел и неловко сжал ей плечо. — За все спасибо.

Лейла благодушно кивнула. Наблюдая, как ее собеседника постепенно пожирает туман, она прижала ладонь ко рту, чтобы не

завыть на весь парк.

* * *

Сердитый стук в дверь застал Лейлу врасплох. Впрочем, она заранее знала, кто стоит на пороге. Она выбежала в коридор, открыла дверь, и Ясмин тайфуном ворвалась в дом.

— Какая же ты гадина! — рявкнула она.

Лейла вздохнула:

— У меня сейчас нет сил ругаться.

— Ах вот как? Думаешь, у меня были силы битый час искать тебя на твоей же вечеринке?! — Ясмин передразнила сестру неестественно высоким глупым голоском: — «Ох, простите, у меня тонна нерешенных вопросов по работе!» Могла бы хоть снизойти и сообщить мне об этом, чтобы я не теребила каждого встречного! Господи, какая ты эгоистка!

— Не сейчас, Ясмин.

— По-твоему, ты тут главный мученик? «О, моя выстрадавшая карьера!» А знаешь что? Я тебя не просила за мной присматривать, Лейла. Сдала бы меня в приют, наслаждалась свободой и получала свою архитектурную степень, не вкалывая на трех работах, как чертова мать Тереза! Для присмотра за сиротами у нас есть государство.

Лейлу на секунду онемела.

— Ты хочешь сказать, что лучше жила бы в приюте, чем со мной?

— Если ты после такого признания прекратишь строить из себя неприступную категоричную суку, то да, именно это я и хочу сказать! И не смей меня осуждать!

Лейла зажмурилась.

— Я тебя и не осуждаю.

— Не делай из меня дурочку, Лейла. Конечно, осуждаешь. Идеальная Лейла никогда не изменила бы мужу, хотя он гуляет направо и налево!

Лейла разинула рот от шока, но потом рассмеялась, восприняв укол сестры за пустую попытку съязвить.

— Вот только не надо притворяться, Лейла! — взъярилась та. — Ты же видела, как он пускает слюну на каждые сиськи третьего размера. Не думаешь, что он отрывается на всех своих конференциях и деловых поездках?

— За что ты так, Ясмин?

Но младшая сестра уже вошла в раж.

— Он всегда был исключительным мудаком. Наверное, хорошо, что у вас не может быть детей!

Лейла отступила на пару шагов назад, будто Ясмин толкнула ее в грудь. Казалось, воздух со свистом вышел из коридора, остались лишь осколки разрушенного взрывом мира: блестящая сталь ножа для писем, севшая батарейка из пожарной сигнализации.

Ясмин, поняв, что перешла границу, инстинктивно подняла руки, будто защищаясь от контратаки.

— Прости, — произнесла она. — Но... ты задаешь невыполнимые стандарты, и я постоянно проваливаюсь, а ты вечно меня судишь.

Лейла не смогла ответить, все еще переваривая жестокосердность сестры.

— Это случилось всего один раз, я была в стельку пьяна и думала только о себе. И что? Не надо меня осуждать.

Лейла посмотрела на сестру.

— Я тебя не осуждаю, — пробормотала она.

— Да ты выронила бокал и убежала, сверкая пятками, будто какая-то домохозяйка из пятидесятых. Господи, что за пуританство!

— Дело не в этом.

— Тогда в чем же?

Они глядели друг на друга. Лейла задержала дыхание, чувствуя, как невидимый обруч сдавливает ей грудь.

У Ясмин лопнуло терпение.

— Наверное, круто всегда быть лучше всех на свете.

— Я себя такой не считаю.

— Считаешь! — язвительно ухмыльнулась Ясмин. — И постоянно указываешь мне, что делать. Может, позволишь мне самой совершать ошибки? Ты ведь уже сделала одну очень большую ошибку.

Вот оно и всплыло: обвинение. За все время после суда Ясмин ни разу вслух не винила сестру за случившееся с Максом. Были скорбь, горечь, ужас, но упреки остались невысказанными. А теперь обвинение ярким неоновым светом пульсировало между ними. Все это время Лейла считала себя мученицей, положившей жизнь на алтарь во имя благополучия младшей сестры. Теперь же, оставшись без

моральной защиты, Лейла понимала, что в полной мере заслуживает услышанное.

— Ты права, — ответила она. — Мне жаль.

— О да. нам всем безумно жаль, — горько заметила Ясмин. — Всю свою жизнь я прозябала в твоей тени. Видела твои падения и взлеты; видела, как ты тайком даешь моему мужу деньги. — Заметив испуг на лице сестры, она ехидно улыбнулась: — О да, я все это прекрасно видела. Ты удивишься, Лейла, но я не тупая идиотка. Ты переводила деньги на счет Эндрю.

— Я пыталась помочь.

— А может, мне больше не нужна твоя сраная помощь! — Ясмин уставилась на сестру, как на нечто омерзительное: то ли комок гноя из фурункула, то ли сгусток крови на тампоне. Уголок ее рта горько пополз вниз. — Найди другую затычку для дыры в собственной жизни. Хотя бы хобби себе придумай.

Ощерившись белоснежной улыбкой, Ясмин стремительно вышла прочь, оставив распахнутую дверь качаться на петлях.

Лейла чувствовала, как пространство вибрирует вокруг нее, словно где-то вдалеке гудит товарный поезд и земля подрагивает под ногами. Она присела на нижнюю ступеньку лестницы — не рухнула, а мягко сползла по стене. Внутренний взор всколыхнула картинка из прошлого.

Максу было два; он подошел и начал тереться о ее коленки.

— Чего ты хочешь? — спросила Лейла.

— Хочу обниматься, — улыбнулся малыш.

Она притянула к себе ребенка и крепко обняла. Его отсутствие имело вес и объем. Лейла никогда не увидит, как он вырастет; не увидит, как он будет страдать из-за первой влюбленности; не будет за вечерним бокалом обсуждать с Ясмин, как мужественно выглядят его руки, когда он поднимает что-нибудь тяжелое. Лейла стерла Макса с липа земли. Ощущение вины набухало внутри, как гангрена. Если Лейла не вытравит ее из себя, вина сожрет ее целиком.

* * *

Шеп подождал, пока все коллеги покинут кухню, прежде чем прокрасться к кофеварке. Он клял на чем свет стоит утренний обмен любезностями по понедельникам. Всегда одни и те же вопросы и одни

и те же банальные ответы. «Как прошли выходные?» — «Спасибо, неплохо». — «Чем занимался?» — «Да ничем особенным». Шепард всегда отвечал одно и то же: «Сходил на пробежку вокруг парка Фэйрлоп-Уотерс. Там очень красиво в это время года». Раньше, в тридцать, Кристофер, бывало, заполнял уик-энды ночными алкомарафонами со случайными приятелями. «Знаете, как бывает, — рассказывал он коллегам, лениво пожимая плечами, — начинаешь в модном баре в центре города, а в итоге обнаруживаешь себя на глухой окраине обоссанным, как панк», — и закатывал глаза с легким фырканьем. С годами Крис плотно сросся с образом вечного холостяка, но похождения, которые десять лет назад вызывали у коллег тайную зависть, незаметно превратились в повод для жалости. В какой-то момент Шепард понял, что выглядит убого, и прекратил тусоваться в барах. Вечера теперь были гораздо более предсказуемы: пиво наедине с «Нетфликсом». Хуже всего он переносил обеденное время по выходным: пустые стулья вокруг стола кричали о его одиночестве. Детектив тем не менее упорно держался за крупички цивилизованности и не перебирался с тарелкой на диван.

Осушив кофейник, он поставил свежую порцию для следующего трудоголика. Ретировавшись за свой стол, Шеп открыл электронную почту и застонал: пятьдесят три новых письма. Удивительно, как он вообще успевает работать. Стоило ему кликнуть по самому верхнему сообщению в списке, на стол легла длинная тень.

— Ты только пришел? — спросила болтушка Хизер Уиттер, секретарша из приемной.

— Да. А что?

— Видел посетительницу? — Поймав его удивленный взгляд, Хизер фыркнула. — Я послала Стива тебя перехватить, вот только не знаю, куда он запропастился. Там какая-то тетка тебя ждет уже целый час. Говорит, ей нужно поговорить с тобой.

Шепард нахмурился.

— Как она выглядит?

— Стройная, милая, стервозное лицо.

Детектив потянулся за кофейной кружкой.

— Слегка восточная. — добавила Хизер.

Кристофер замер, едва прикоснувшись к ручке кружки пальцами. Лейла Саид. Он вскочил со стула, чувствуя, как бешено бьется сердце.

— А позвонить мне на мобильный никто не догадался?

Хизер пожала плечами:

— А ты никогда и не просил тебя вызванивать.

Кристофер уже шагнул прочь от рабочего места в сторону приемной, темноватого помещения на первом этаже с единственным цветным пятном в виде синего линолеума на полу.

— Меня кто-нибудь спрашивал?

— Ага, — ответил дежурный за стойкой и, не глядя, ткнул пальцем в угол: — Она тут. — Повернув голову, парень удивленно поднял брови, обнаружив пустой стул: — Похоже, устала ждать.

— Она представилась?

— Нет, только назвала вашу фамилию.

Шепард выругался. Он посмотрел в дальний конец коридора, надеясь, что Лейла рассматривает доску объявлений.

— Вы видели, куда она пошла?

Дежурный с искренним раскаянием поджал губы:

— Боюсь, что нет. Простите.

— Как она вообще выглядела? Волновалась? Паниковала?

— Да нет, очень спокойная и вежливая. Пришла в восемь. Я сказал, что вы обычно приезжаете к девяти, но она настаивала, что дождетя вас.

Шеп поглядел на часы. Десять минут десятого.

— Не заметили, когда она ушла?

— Нет. Но она была здесь еще без пяти девять. Я запомнил, потому что она встала и посмотрела на дверь, будто готовилась вас поприветствовать.

Выглянув наружу, Кристофер увидел, что начался снег. Наверняка Лейла ушла до перемены погоды.

— Что ж, спасибо за неоценимую помощь, — буркнул Шеп.

Парень улыбнулся, не заметив сарказма:

— Обращайтесь в любую минуту.

* * *

Ясмин наблюдала, как пушистый снег укрывает белоснежным ковром садик за окном кухни. Ей хотелось выйти наружу и сделать фигуру «снежного ангела», как ее научила Лейла еще в пять лет. Старшая сестра всегда берегла для нее последний участок нетронутого

снега под яблоней. Вспоминая, как трудно им пришлось потом, Ясмин удивлялась, что у них вообще когда-то было дерево. Их спартанская квартирка в проезде Фринтон насчитывала дай бог пару окон, ни о каком садике и речи идти не могло. Все свободное место занимали стопки книг, скупленные за пару монет в лавках старьевщиков: Лейла вбила себе в голову, что путь в приличное общество лежит через огромные пыльные тома, и закидывала ими сестру с рвением тигрицы.

Ясмин улыбнулась, вспоминая, как различались их вкусы. Она сама сворачивалась калачиком с Даниэлой Стил и Джеки Коллинз, а Лейла прилежно поглощала бизнес-литературу: «Битва за душу капитализма», «Торговцы жадностью», «Война за империю Disney», — неудивительно, что жизнь виделась ей сплошным соревнованием.

Ясмин вспыхнула от стыда, вспомнив их недавнюю ссору. Она наговорила много жестоких, обидных слов, которые надолго врежутся в душу. Но в итоге Лейла ее простит, как прощала всегда.

Раздался звонок в дверь: один длинный сигнал, один короткий. Ясмин поглядела на часы. Наверняка не Лейла: десять минут десятого, понедельник, она в такое время уже на работе. Тот же двойной сигнал прозвенел повторно, и Ясмин поспешила в коридор.

— Уилл? — удивилась она, открыв дверь. — Что ты тут делаешь?

— Можно войти?

Мельком посмотрев в глубину дома, Ясмин открыла дверь шире:

— Входи, я только чай заварила.

На кухне она наполнила две чашки и показала на окно:

— Может, выйдем наружу и полюбуемся снегопадом?

Уилл улыбнулся:

— Было бы замечательно.

Натянув толстый шерстяной кардиган, Ясмин вышла в сад. Вдвоем они встали на краешке веранды.

— Как ты? — спросил Уилл.

— Нормально. — Она покосилась на зятя: — Ты насчет книги? —

На прошлой неделе она отправила Уиллу эсэмэску с просьбой посоветовать, что делать с предложением издателя.

Он поставил чашку на садовый столик.

— Вообще-то нет.

— А что тогда?

Уилл неуклюже поковырял снег носком ботинка.

— Хотел с тобой поговорить. Про все, что произошло.

Ясмин поплотнее запахнула кардиган.

— Уилл, я уже все слова выговорила и больше не могу.

Он помолчал несколько секунд.

— Тогда, может, согласишься послушать? — Он сам поморщился от своего заискивающего тона.

Ясмин вздохнула.

— Я не нанималась быть твоим психотерапевтом, Уилл.

Он посмотрел на собеседницу.

— Я не прошу тебя быть моим психотерапевтом. Я просто хочу поговорить.

Она ответила с неприкрытым разочарованием:

— Тогда найми психолога. Ты-то уж точно можешь себе позволить пару сеансов. — Ясмин думала, что простила Уилла за его писанину о Максе, но поняла, что все еще злится на него.

— Почему ты так себя ведешь?

— А как я себя веду?

— Я могу понять, если ты не хочешь разговаривать, но можно хотя бы отвечать на мои сообщения?

— Зачем? Я просила не писать мне.

— Послушай, Ясмин, ты не единственная, кто потерял ребенка. — Уилл смерил ее тяжелым взглядом. — Макс был и моим сыном тоже.

— Возможно, поэтому мы и заслужили такой исход.

— Не надо. Пожалуйста.

— Я чуть было не проговорила Лейле вчера вечером. — Ясмин метнула фразу, будто дротик.

Уилл изумленно поглядел на нее:

— Ты знаешь, что этого нельзя делать.

— Еще как знаю, — съерничала Ясмин.

— Тогда прекрати играть в эти игры, — отрезал Уилл. — Что ты ей рассказала?

— Она думает, что я переспала с Джейсоном. Она не подозревает, что ты приехал тогда на вечеринку.

Ясмин в подробностях помнила ту ночь. Лейла в последнюю минуту отменила поездку, но Уилл, видимо, не прочитал ее сообщение. Он явился в черном костюме и долго изучал присутствующих. К тому моменту, когда он увидел сообщение жены на телефоне, Ясмин уже

висела у него на плече, ища спасения от шумной тусовки, пьяная и грустная. Они не обмолвились и десятком слов. Просто пошли в отель напротив и занялись злым неистовым сексом, как будто так и задумывалось.

— Мы поступили отвратительно.

— Мы были пьяны, — рефлексивно возразил Уилл.

— И это нас оправдывает?

— Нет, конечно, но мы совершили всего один дурацкий проступок. Оба были пьяные, злые и...

— Ох, Уилл, не смей меня. Мы сделали это, потому что хотели, вот и все. Один дурацкий проступок, говоришь? Я этот проступок видела воочию каждый день. Может, ты и не замечал, но Макс каждый день становился все больше похож на тебя. Те же скулы, та же улыбка. Я постоянно боялась, что Лейла рано или поздно заметит. — Она скривила губы в горькой улыбке. — Знаешь, какая мысль пронеслась у меня в голове, когда я услышала, что Макса больше нет? Самая отвратительная часть меня подумала: «Вот и славно, Лейла вернулась туда, куда хотела; она снова впереди». Какой тварью надо быть, чтобы так думать?

Уилл поморщился.

— Это все только у тебя в голове, Ясмин. За тебя говорят уязвимость и паранойя. Лейла никогда не соревновалась с тобой. Ты для нее важнее всего. Она очень хотела, чтобы ты побеждала.

— Боже правый, ты пришел сюда поговорить о Максе, а закончил восхвалением Лейлы.

— Мне не нравится, что ты ее осуждаешь. Она старается ради тебя. Ясмин беззащитно подняла плечи.

— Я ее об этом не просила.

— И что? Ты предпочла бы оказаться в приюте? Чтобы тебя перекидывали из одной незнакомой семьи в другую? Я по-прежнему считаю, что ты не понимаешь, сколько она для тебя сделала. Посмотри на нее, Ясмин. Посмотри на то, чего она достигла. А чего она смогла бы достичь, не будь у нее одиннадцатилетнего ребенка, за которым необходимо присматривать? — Он умолк, будто в ожидании ответа. — Хватит, пора двигаться дальше. Мы никогда не прекратим скорбеть. Но даже не сомневайся в том, как много ты значишь для Лейлы.

Ясмин стояла молча, обезоруженная правдой. Наконец она дрожащим голосом призналась:

— Я столько ей наговорила...

Уилл горько усмехнулся.

— Можем перед ней за это извиниться. — Он выставил ладонь и поймал огромную пушистую снежинку. — Все, что у нас теперь есть, это время.

* * *

Лейла наблюдала, как детектив с отрешенным видом смотрит на снегопад. Повернувшись, Шепард процедил что-то в адрес дежурного за стойкой, тот улыбнулся в ответ. Они двигались будто в замедленной съемке. Шум вокруг увлек ее мешаниной звуков: струйки воды и хлопья снега, сползающие по стеклу, гул старой системы отопления, дробь грязных капель, из протекающей батареи по линолеуму на полу — материал, с которым Лейла всегда отказывалась работать. Как же просто дать Шепарду уйти.

— Детектив? — не своим голосом тихонько позвала Лейла.

Кристофер обернулся и остановил на ней свои холодные голубые глаза.

— Мисс Саид, — откликнулся он неестественно высоко. Потом выпрямил спину и поправил галстук, а голос вернулся к привычному хриплому тембру: — Чем могу помочь?

Лейла представляла эту встречу десятки раз. Она боялась, что испугается, пойдет на попятную и убежит, рассыпавшись в извинениях. Она могла запаниковать и сказать: «Хочу пригласить вас поужинать». Могла просто молча развернуться и убежать, не в силах рассказать правду. Лейла почти воочию видела стаи журналистов, которые будут охотиться за каждым ее движением. Первые полосы желтых газет, пестрящие обвинениями — бездетная! бесплодная! одинокая! — заставят всю страну ополчиться против нее. Лейлу знобило от мыслей о заключении. Она представляла себе, каково будет в тюрьме: холодно, влажно и тесно. Сырость, подходящая для того, чтобы гнить.

Лейлу угнетала мысль о последствиях — ведь Эндрю тоже схватят в ближайшем будущем, — но она осознавала, что всю жизнь носить груз вины просто не сможет. Если бы Ясмин сказала ей правду, когда

Макс только родился! Или не признавалась бы вовсе. Тогда Лейла смогла бы и дальше цепляться за иллюзию, что ее поступок был актом милосердия. «Никто не совершал ради моей семьи более смелого и самоотверженного поступка», — сказал ей Эндрю. Но они оба ошиблись. Лейла убила Макса, и жить дальше она могла только в том случае, если откроет правду.

Не опуская взгляда, она ответила:

— Я хочу признаться в убийстве. — Ее голос был тих; произнести эту фразу стоило Лейле большой смелости.

Шеп смотрел на гостью с неприкрытой досадой. Наконец он кивнул, словно давно ожидал ее визита.

— Пойдемте со мной, — пригласил он. Его неожиданно теплая отеческая интонация придала Лейле сил посреди неуютного жесткого пространства полицейского участка. Сглотнув, она зашагала следом за Шепардом по исцарапанному линолеуму прямо в пропасть.

Благодарности

Спасибо моим личным суперженщинам Джессике Фауст и Манприт Грюэл за всевозможную помощь. Без вас у меня ничего бы не вышло.

Благодарю Лизу Милтон и великолепную команду издательства *HQ*: Дженет Эспри, Шан Болдуин, Клер Бретт, Доун Бернетт, Софи Колдер, Лили Кэйпвелл, Лору Дэйли, Ребенку Форчун, Джорджину Грин, Мелани Хейес, Бекку Джойс, Мелиссу Келли, Ими Кент-Мюллер, Флисс Портер, Люси Ричардсон, Джоанну Роуз, Дарена Шоффрена, Катрину Смидли, Изабель Смит, Джо Томаса, Энджелу Томсон, Джорджину Юджен, Келли Вебстер, Харриет Уильямс и, конечно же, фантастических дизайнеров и технических редакторов. Также благодарю Питера Берчека и сотрудников канадского отделения *HarperCollins*, которые с самого начала поддерживали меня.

Спасибо Мэри Эллис Киер за работу над суперсекретным проектом и Джеймсу Макгоуну, а также соратникам из *BookEnds*.

Огромная благодарность всем тем, кто поделился со мной своими знаниями: адвокату Мэтью Бату, доктору Ричарду Шепарду, Грэму Бартлетту, Надин Мэтисон, Мелиссе Жакет, докторам Клер Виндитт и Дэниелу Уилбору, Кевину Вону, Амит Даяд. Саре Крофте, Дине Бигам, Хаве Чудхари, Хирен Джоши и Ли Адамсу. Как обычно, прошу прощения за любые свои возможные ошибки и за художественные домыслы, которые я выстроила на основе ваших профессиональных советов.

Благодарю Общество писателей и Союз авторов, а также всех друзей в писательских кругах, которые отстаивали мою работу. Я крайне признательна за ваши щедрые оценки.

Особую благодарность я выражаю книжным торговцам, библиотекарям, рецензентам и блогерам, которые приблизили к читателю мои романы. Вы служите источником жизненной силы для всей книжной отрасли, и я вам всем невероятно благодарна.

Спасибо моим сестрам Рине, Джей, Шири, Фориде и Шафие. Я счастлива, что у меня есть армия из пятерых отважных солдат, которая при первой необходимости примчится на помощь.

И — Питер, теперь ты знаешь правила игры.

Выходные данные

Литературно-художественное издание

Киа Абдулла

САМЫЙ ЖАРКИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Генеральный директор *Мария Смирнова*

Главный редактор *Антонина Галль*

Ведущий редактор *Светлана Лисина*

Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»

Телефон редакции: (812) 401-62-29

Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 26.09.2022.

Формат издания 84x108 1/32. Печ. л. 14,0. Печать офсетная.

Тираж 4000 экз. Дата изготовления 31.10.2022. Заказ № 2208660.

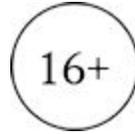
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации

Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства, обращаться в компанию «Лабиринт»: тел.: (495) 780-00-98 www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»: www.labyrinth.ru

Знак информационной продукции

Примечания

1

Большие полуциркульные окна с двумя вертикальными перемычками, ведущие историю от терм Диоклетиана. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Британский ресторатор и телеведущий, автор нескольких кулинарных книг.

3

WILF (witness I'd like to fuck) — свидетельница, которую я бы трахнул (*англ.*).

4

Древнегреческая богиня, хранительница домашнего очага.

5

Четырехлетняя девочка, украденная у британских родителей на португальском курорте.

6

Древесное растение, служащее источником природных пестицидов.